

ISSN0868-698x

СТОЛИЦА

№7 (169) 1994г

PREUSSISCHES
STAATS-
BIBLIOTHEK
ZU BERLIN
KULTURBESITZ

Вторая молодость Аллы

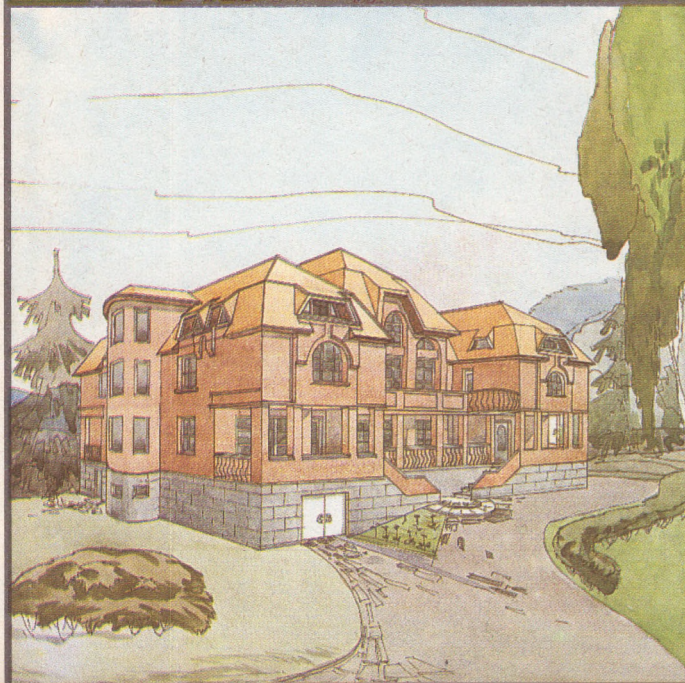
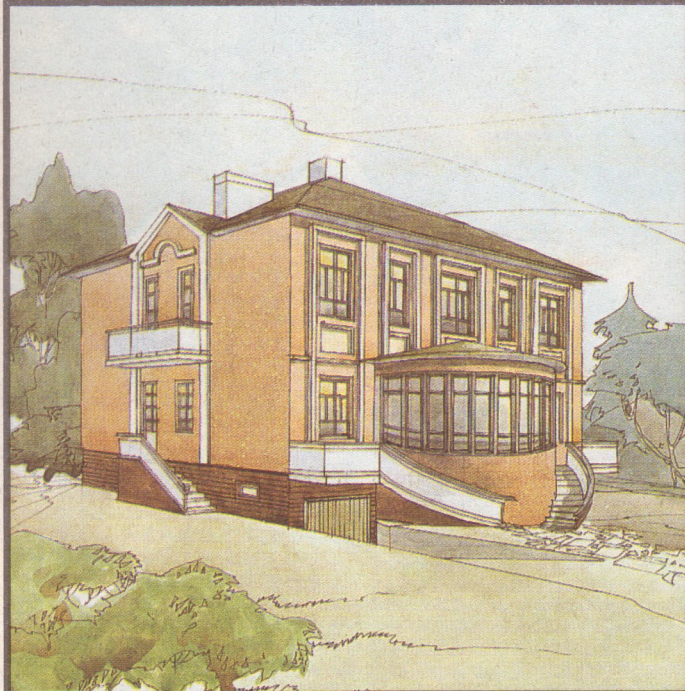
страница 50

иллюстрированный еженедельник

Зам 76878

ЗАГОРОДНЫЕ ВИЛЛЫ —

«ПОД КЛЮЧ»

Объединение «Интекс» — одна из ведущих фирм, занимающихся строительством загородных домов. Дома, построенные «Интексом», соответствуют мировому уровню комфортности. Фирма располагает собственной строительной базой и современной строительной техникой. Квалификация персонала позволяет строить с европейским качеством.

Фирма ведет строительство в наиболее известных и престижных районах ближнего Подмосковья: Жуковка, Барвиха, Раздоры, Николина Гора, Уборы и оказывает содействие в приобретении земельных участков под строительство.

Заказчику есть из чего выбирать: в каталоге фирмы — более 30 проектов. Возможна разработка и индивидуального проекта. «Интекс» строит «под ключ», при желании внутренняя отделка может быть полностью импортной. Объединение строило загородные дома для многих известных людей России. Недвижимость — лучшее вложение капитала!

Тел: (095) 180-40-31

«ВЕЛИКА ФЕДОРА, ДА ДУРА»

Максим СОКОЛОВ

«Хлеб да соль! И в добрый час!»

Говорит державный,
«Долго, дети, ждал я вас

В город православный!»
И они ему в ответ:

«Наша кровь едина,
И в тебе мы с давних лет

Чаем господина!»

Граф А.К.Толстой.
Колокольчики мои

Избрание крымским президентом пророссийски ориентированного Ю.А.Мешкова в сочетании с переменой власти в Белоруссии и популярными в московских кругах разговорами о важности восточнославянской интеграции реанимирует совсем было увядшую идею о воссоединении всея Великия и Малыя и Белья Руси под московской державой. Стали даже с радостью отмечать, что, фигурально говоря, идеи Ивана Мазепы более не котированы, а временно отставленный в угол Богдан Хмельницкий снова делается национальным героем наших младших братьев. Но меняются местами не только совсем уж давние тени Мазепы и Хмельницкого, но и более свежие тени перестроечной эпохи. Коварного беловежского сговора и смерти СССР как будто не было, и вновь возвращаются бурные 1990—1991 гг., исполненные споров о том, как быть с Империей.

Первоначальные проекты умеренных дезинтеграторов СССР предполагали избавление, с одной стороны, от «среднеазиатского подбрюшья» и (в некоторых вариантах) беспокойного Закавказья, с другой — от так и оставшихся чуждыми прибалтов. Об отсоединении братских восточнославянских народов мало кто помышлял даже из самых смелых московских антиимпериалистов. Однако сразу после Беловежских соглашений 1991 года и практически до конца 1993 го-

да интеграционные опыты и речи касались почти исключительно «среднеазиатского подбрюшья», тем более что того весьма желали и сами «подбрюшные» — Каримов с Назарбаевым. Белоруссия же все более казалась отрезанным ломтем, а разговоры об Украине велись, скорее, в духе «лишь бы не было войны» — какая уж там интеграция. Речь шла разве о том, чтобы если не допустить, то хотя бы замедлить казавшееся неминуемым создание балтийско-черноморской оси (Балтия, Белоруссия, Украина), являющейся sui generis санитарным кордоном вокруг непредсказуемой России.

Перемена ветра наметилась в начале 1994 года. Вслед за поспешным соглашением о вхождении Белоруссии в рублевую зону президентский советник, отечественный геополитик №2 (№1 уже навечно зарезервирован за лидером ЛДПР) А.М.Мигранян вдруг указал, что России «азиатское подбрюшье» совершенно не нужно, ибо с ним даже мощный тоталитарный режим ничего путного не сотворит, зато братья-славяне нужны, и весьма. Тему увлеченно развил новый советник вице-преьера Сосковца академик Петраков, заявивший, что не только Белоруссия, но и Украина нужна России до чрезвычайности и что в случае возможности втянуть Украину в российскую орбиту этот шанс ни за что нельзя упускать, сколько бы это ни стоило. Как говорил один из цыганских «портретиков» в романе Аксенова «Остров Крым», «на идеологии мы не экономим».

Вслед за теоретически продекларированным отказом от подбрюшья в пользу славянского братства — так сказать, концептуальной переориентацией с грудинки на корейку — вдруг предста-

вился ряд практических возможностей для такой переориентации. Как бы услышав Миграняна—Петракова—Геращенко, белорусские парламентарии обратили внимание на личную нескромность своего председателя ВС С.С.Шушкевича — и немедля убрали нескромного. Шушкевич, правда, утешил соотечественников тем, что и прежде суверенитет Белоруссии был чисто фиктивным, а теперь и фикции не будет — как говорил Наполеон мелким германским князькам, чьи владения он упразднял, «ваша независимость ведь и так была лишь воображаемой». Кравчук пока сидит в Киеве, однако важный шаг к интеграции сделан, причем как бы сам собой — в Крыму президентом избран Ю.А.Мешков. Безотносительно к тому, кто и как делал Мешкова и какова в этом роль России, структурно воспроизводится стандартный сценарий, отработанный еще в 1990 году А.И.Лукияновым: Молдавия получает конфликт в Приднестровье, Грузия — в Абхазии и т. д., после чего в результате большего или меньшего кровопролития формально независимое государство, в теле которого накрепко засела заноза, поневоле втягивается в орбиту российской политики.

В этом смысле совпавший с крымскими выборами недавний визит Ельцина в Грузию оказывается символическим совпадением: то, что для Киева только начинается, для Тбилиси находится в стадии завершения.

Если бы успех интеграционных начинаний сводился бы только к успеху или неуспеху военно-политических комбинаций, нынешнее московское руководство могло бы заслуженно стяжать себе славу в духе Юстиниана Великого, при котором в VI веке навечно,

В НОМЕРЕ

1 ПОЛИТИКА

В.Новодворская:

Тебя, скажем, в прессе называли свиньей. Ты обиделся и пошел в суд. Суд присудил тебе миллион и извинение. Ну и кем ты после этого в России останешься? Свиньей с миллионом.

10

И.Хакамада:

Присутствие женщин в парламенте, я считаю, полезно: с женщиной в политику приходит здравый смысл, какая-то умиротворенность.

12

В.Кичин:

Каждому сказано: выживать как можешь. И за бортом оказались не только хрестоматийные уже старушки, но и совершенно здоровые, сильные и полные амбиций люди.

20

2 ЭКОНОМИКА

Н.Нафталиева:

После приватизации ни одно ателье не функционирует как ателье, во всех теперь коммерческие или продуктовые магазины... Все работники из этих приватизированных ателье оказались на улице.

26

К.Климова:

А долларов в России скопилось так много, что, если все их собрать и предъявить на внешнем рынке, американская экономика вряд ли выдержит. Но Америка умеет защищать свою валюту.

28

3 ЖИЗНЬ

И.Халип:

...каждый ощутил и жгучий стыд, и горячее клеймо нашего мерзкого времени, и недоумение: почему они выбрали мишенью тишайшего прозрачного Окуджаву?

32

А.Ерохин:

Да, разогнали кабысдохов из Верхнего Псовета, и в заново покрашенной конуре засел крепкий хозяйственник Собакевич. Но корм «Чаппи», тем не менее, резко вздоржал.

35

Э.Дорожкин:

6-я Радиальная — это, конечно, квинтэссенция Москвы индустриальной. Это «тяжелый случай». 6-я Радиальная — это засыпанная снегом автобусная остановка. Это грязь под ногами и грязь повсюду... И еще — это завод детских игрушек «Огонек».

37

4 КУЛЬТУРА

А.Беляков:

Алла Борисовна завораживает приунывшую публику стремительной чередой разводов, романов и помолвок — опять-таки не изменяя своему «фирменному» стилю. «Ах, Арлекино, Арлекино...»

50

Д.Быков

Хвалю Пелевина безоговорочно, ибо очень его люблю, — и это не мешает мне видеть и даже приветствовать тот факт, что большинство его сочинений скроены по одному чертежу.

57

С.Борисов:

Старуху душила злоба: ее предали! Птицы бессловесные — и те... «При чем тут птицы? — одернула она себя. — Люди!»

60

Л.Петрушевская

Дикие животные сказки

59

Москва, 101425, ГСП-4, Петровка, 22
Телефоны: 928-23-49, 921-67-45
Телефакс: 921-29-85
Телекс: 413739 autp

Журнал «Столица» выходит еженедельно с августа 1990 г.

Зарегистрирован Министерством печати и информации Российской Федерации 25 октября 1993 г. (№ 0110344).

Учредитель: редакция журнала «Столица». Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. При перепечатке ссылка на «Столицу» обязательна. Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о размещении рекламы звоните по телефонам:
923-19-71, 928-83-40

По вопросам распространения обращайтесь по телефону:
928-27-69

Главный редактор: Андрей Мальгин

Заместители главного редактора:

Петр Смирнов, Владислав Старчевский, Владимир Цыбульский

Коммерческий директор: Юрий Бычков

Директор издательства: Борис Рабкин

Ответственный секретарь: Анатолий Остроухов

Главный художник: Владимир Петров

Отдел общественно-политической жизни:

Александр Касатов

Отдел экономики и науки: Елена Эриксен

Отдел правовых и морально-этических проблем: Елена Салина

Отдел искусств: Татьяна Савицкая

Отдел международной жизни:

Консуэло Сегура

Отдел писем: Наталья Туровская

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре еженедельника «Столица» на системе «Скантекст—2000», поставленной фирмой «Аутопан»

Номер подписан в печать 11.02.1994 г.

Тираж 87 000

Цена договорная

Над номером работали:

П.Смирнов, С.Панов, Е.Дворецкова

© «Столица», 1994

Отпечатано в издательско-полиграфическом комплексе «Московская правда», ул. 1905 г., д. 7. Зак. 0102

казалось бы, распавшаяся Римская империя с обратным завоеванием Италии, Испании и Северной Африки вдруг за вычетом «тогдашней Прибалтики» (т. е. Галлии и Британии) почти полностью восстановилась под властью Константинополя. Поскольку красавицу жену Юстиниана звали Феодорой, в духе модных сегодня историко-политических разысканий можно даже предположить, что известное выражение «велика Федора, да дура» метонимически родилось как раз в расширенной империи Юстиниана. Красивая метонимия, впрочем, не помешала империи спустя век с новым треском сократиться — и уже окончательно. Да и вообще аналогии условны — кроме всего прочего, успеху воевавшего Италию юстиниановского полководца Велизария могло способствовать то, что юстиниановский золотой солид был, по выражению историков, «долларом средневековья». Про герасценковский рубль такого не скажешь, да и отечественные полководцы (см. октябрь 1993 г.) тянут разве что на менее звучное звание Вилезария.

Но дело даже не в солидах, долларах и герасценках — многие критики интеграционных проектов указывают, что тяга соседей к России объясняется всецело успехами (хотя бы и сомнительными) монетаризма, а «регулируемый переход к рынку» по рецептам забывших свою старую вражду академикова Абалкина, Петракова и Шаталина эту тягу враз истребит. На Украине уже сейчас актуальны надписи, делавшиеся на так называемых агитационных деньгах эпохи гражданской войны, а именно — «карбованці ходять по світу нарівні з мягеньким папіром», а когда в рамках бесшоковой реформы и рубль дойдет до кондиции мягенького папира, то зачем же за ним гоняться, когда и своего национального пипифакса хватает.

Злые скептики исходят из того, что регулятивные опыты погубят российскую экономику и притупятся к руинам никому не захочется. Однако скептикам противостоят оптимисты, указывающие на своевременность и плодотворность этатизма, кейнсианства (грубо говоря, инфляции) и полагающие, что никаких руин не будет, а будет рост и подъем. Тем не менее и скептиков, и оптимистов можно примирить, указав, что — безотносительно к тому, ждет ли Россию страшная разруха или дивное процветание, — в любом случае ожидается усиление методов государственного ре-

гулирования и отказ от дикого либерализма. Но тогда надо учесть, что усиление этатизма (льготных кредитов, субсидий, регулируемых цен, патронируемых государством картельных соглашений, социальных пособий) означает чрезвычайное возрастание роли российского гражданства (паспорта, прописки), а интегрироваться можно будет только под бдительным надзором участкового, склонного отгонять от корыта социальной защиты не то что интегрируемых иностранцев из ближнего зарубежья, но даже дифференцируемую тещу из соседней области. Надо же помнить 1991 год с талонами, визитками, распродажами на предприятиях etc.

Проблема не нова — достаточно вспомнить страны дикого капитализма (Америка и Англия XIX века), абсолютно ничего не имеющие против иммиграции, а затем по контрасту посетить консульские отделы стран с развитой социальной сферой и посмотреть, как они сегодня относятся к иммиграции. Другой пример — Европа XIX—начала XX века, т. е. эпохи золотого стандарта и поневоле от того проистекающего монетаризма, и та же Европа после первой мировой войны, т. е. Европа рухнувшего золотого стандарта, повсеместного огосударствления экономики и широкой социальной защиты трудящихся. Довоенная Европа почти не ощущала границ и воспринималась как некое космополитическое отечество — отсюда такой страшный шок от войны 1914 года. Послевоенная Европа так и осталась разорванной на части, проблемы гражданства и натурализации сделались непреодолимыми, и ставший после 1933 года апатридом Томас Манн горько шутил по поводу сына своих швейцарских друзей: «Вот повезло: всего три недели, а уже швейцарец».

Причина контраста не в злой воле и даже не в послевоенном одичании, а в том, что за активную экономическую роль государства надо платить. При дешевом государстве отчего же не интегрироваться и зачем же обращать внимание на паспорт. При государстве социальном, а значит, дорогом, «пряников сладких всегда не хватает на всех», и разделение на физических и юридических лиц первого сорта (т. е. заслуживающих селективной поддержки) и второго (не заслуживающих) делается единственно возможным. Грубо говоря, обширные социальные проекты и апартеид (в самом лучшем и гуманном случае

по признаку гражданства, а в худшем — по расовому признаку, по социальному происхождению, по членству или нечленству в КПСС etc.) — «две стороны одной и той же». Сомневающиеся могут обратить внимание на патологическую склонность мэра Москвы Ю.М. Лужкова к строительству патерналистского городского хозяйства, на подчеркивание им особого статуса Москвы и москвичей и на его же патологическую склонность гонять кавказцев, туркестанцев, а теперь уже и несчастных украинцев. Справедливость ради стоит напомнить, что на эти две стороны и их естественную взаимосвязь давно уже обращали внимание столпы монетаризма вроде фон Хайека, однако с отказом от злопаугубного монетаризма даже и в сфере чисто практической странно было помнить еще и о философско-теоретических рассуждениях отвергнутых злоучителей.

Ipso facto архитекторы постсоюзной интеграции стоят перед дилеммой. Можно пойти путем гуманности и плодотворности «социально-ориентированную» нищету на всем (или почти всем) постсоюзном пространстве, повторяя худшие социальные издержки германского воссоединения, но возведенные в энную степень. Можно четко разделять «социально-ориентированную» метрополию и ориентированные на то, чтобы знали свое место, протектораты, повторяя тем самым уже противоречия между «весси» (ФРГ) и «осси» (ГДР), но также возведенные в несусветную степень. И тот и другой вариант является довольно плохим цементом для здания обновленной Империи.

Архитекторы обновления, очевидно, не понимают, что, взятые по отдельности, иногда (но лишь очень иногда) могут быть уместными и кейнсианские опыты, и расширение сфер политического и экономического влияния, но вместе они могут дать только расползание социалистической нищеты на одну шестую земной суши — если не далее. Возможно, впрочем, архитекторы это прекрасно понимают — тот же «высокопрофессиональный» интегратор Герасценко более похож не на добросовестного глупца, а на презирующего человечество холодного циника, — но будущим счастливым жителям обновленной Империи, где роль Юстиниана желает играть Черномырдин, а роль красавицы Феодоры — Герасценко, это, пожалуй, все равно.

Александр ШОХИН:

ДУМУ МОЖНО «ВЗОРВАТЬ» ИЗНУТРИ

— Не считаете ли вы, что ваши оппоненты доминируют в Думе?

— Конечно, они имеют преимущество. Если мы сумеем добиться соблюдения регламента, соотношение сил может измениться. В самом начале многие вопросы решались открытым голосованием, несмотря на то, что более 40 процентов депутатов проголосовало за механизм тайного голосования... Это крупное нарушение процедуры позволило партийным лидерам — Жириновскому, Зюганову, Лапшину — контролировать свои фракции: при открытом голосовании известно, кто из членов фракции как голосовал... А ведь во всех наших парламентах — и союзном, и российском Верховных Советах — действовало правило: если 20 процентов депутатов выступает за тайное голосование, то так и должно быть.

Поэтому я считаю: после того как мы добьемся тайного

голосования, можно будет переманивать на свою сторону некоторых депутатов из фракций наших оппонентов по отдельным вопросам.

Поэтому мы против того, чтобы во фракциях была жесткая партийная дисциплина с правом отзыва депутата, голосующего не так, как ему велят партийные лидеры.

— А будет ли Дума вообще работоспособна?

— У нас есть некая опорная точка в парламенте. Это Совет Федерации. Там большинство людей — нормальные, с опытом хозяйственной работы. Думаю, что в случае принятия Думой явно неправильных законов Совет Федерации, по крайней мере, сумеет затормозить их окончательное утверждение.

Но даже с этой Думой можно работать, если демократам удастся найти пути для реального объединения. Опыт первых заседаний показал, что должность спикера совсем не подсобная, а ключевая.

— Коммунист Иван Рыбкин, избранный спикером, отвечает этим вашим предостережениям?

— Главная задача для нас сейчас — добиться реализации предвыборного обещания Рыбкина, что главную свою задачу он видит в диспетчерских функциях спикера и функциях внутренней организации работы палаты.

Конечно, избрание Рыбкина — очередной урок для демократов... Красноречивый факт: только за пять минут до оглашения результатов, когда по залу поползли слухи, что один бюллетень является недействительным и, значит, возможен второй тур голосования, демократы вдруг всполошились и стали говорить, что неплохо бы подумать о какой-то совместной линии...

— А если этот урок не пойдет впрок, то не захватят ли постепенно ваши оппоненты всю власть в Думе?

— Да, если демократы, особенно те, которые являются еще и членами правительства, махнут рукой на такую Думу и бросят ее на произвол судьбы, но... Есть еще один момент, который должен учитываться нашими оппонентами: им невыгодно, если демократы уйдут в сторону...

— Невыгодно?!

— Именно! Все законы, принимаемые в Думе, могут ведь быть возвращены президентом, так? А для повторного принятия их на Думе требуется уже не простое большинство, а квалифицированное, то есть две трети. Для этого демократические фракции объединятся и... смогут торпедировать все решения, требующие большинства в две трети. Возможно такое? Вполне! И таким образом Думу можно будет «взорвать» изнутри: ни один закон не будет принят, вот и все... Поэтому-то оппонентам и невыгодно, если демократы самоустроятся. Они должны сделать все, чтобы с демократами сотрудничать.

Григорий КРОШИН

ПРОКУКАРЕКАНО!..

Все думские фракции подписались под письмом президенту Ельцину по поводу его визита в Тбилиси для заключения договора с Грузией. Трогательно смотрящие стоящие на бумаге в тесном соседстве подписи — Гайдара и Зюганова, Травкина и Жебровского (зам. Жириновского), Явлинского и Рыбкина...

Что же соединило «лед и

пламень»? «Наличие в проекте договора положений, предполагающих, в частности, заключение в дальнейшем соглашений о «содействии в создании вооруженных сил Республики Грузия, их оснащении и приобретении вооружений, военной техники и технологии», может, по нашему мнению, дестабилизировать обстановку на Кавка-

Договор «О дружбе, добрососедстве и сотрудничестве» подписан 3 февраля 1994 г.

Фото ИТАР — ТАСС

зе и послужить препятствием к ратификации договора Государственной Думой»...

Уже после подписания договора председатель Комитета по делам СНГ Константин Затулин официально зачитал сердитое заявление: и опять все то же: договор «может дестабилизировать обстановку на Кавказе», он может быть истолкован «как поощрение к решению абхазской и юго-осетинской проблем силой», «того, что не удалось сделать Грузии в войне против абхазцев и осетин, она хочет добиться с помощью российских войск»... И что все это, мол, явно не в интересах России.

А что тогда в ее интересах? Отвечая на этот вопрос, Затулин разъяснил: «Все участники конфликта должны понять, что и Абхазия, и Южная Осетия, и Грузия не смогут решить свои проблемы иначе, кроме как прибегнув к честному сотрудничеству с Россией». Меры, которые принял бы лично Затулин, такие: «Я бы сначала ввел раздельные войска по реке Ингури, а потом уже заключил подобный договор. Прежде чем подписывать этот договор — как аванс грузинскому руководству, — я добился бы от Грузии того, чего российские автономии давно добились от своего федерального руководства, —

собственной государственности. Мне кажется, что пока Грузия наконец не определится, будет она жить в одном государстве с Южной Осетией и Абхазией или нет, ничего путного не получится».

Вот такое официальное мнение Комитета Думы. Но не согласился с такой позицией один из замов председателя Затулина — Вячеслав Игрунов. В своем «особом мнении» он заметил, что «документы такого рода должны делаться аккуратно». Ну хотя бы без передергивания фактов:

— В заявлении сказано, что нынешнее грузинское руководство развязало в Абхазии конфликт... Это, мягко говоря, далеко не так: многим известно, насколько мало был причастен Шеварднадзе к развязыванию конфликта. Далее, многие положения договора в заявлении интерпретируются в таком смысле, который вовсе не обязательно должен следовать из текста договора.

Вячеслав Игрунов делает вывод: «Этот документ чрезвычайно драматизирует ситуацию и сам подталкивает к дестабилизации».

В поддержку подписанного в Тбилиси договора с Грузией выступила целая депутатская группа Думы — «Союз 12 декабря», возглавляемая Ириной Хакамадой. Так что не вся «рота идет в ногу».

Гр. Кр.

КРЫМСКАЯ ВОЙНА?

Если судить по московским и киевским газетам, то кажется, что конфликт между армиями Украины и России на носу. Из-за злополучного Крыма. Вразумительных ответов от официальных лиц добиться невозможно.

Итак, мой поезд «берет» Перекоп и преодолевает Сиваш как раз в самый разгар неких «командно-штабных» учений, затеянных лично Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами Украины Леонидом Кравчуком. Скопления войск и готовых к броску танковых колонн нет. Единственный танк «Т-34» стоит на постаменте в Симферополе. Говорят, в Крыму Украина имеет мощную бронетанковую армаду — аж сорок штук на полигоне в Дружном. Но и те стоят без движения — на Украине энергетический кризис, солярки для защитников независимости нет. Дикий дефицит и автомобильного бензина — канистра стоит 300 тысяч карбованцев (примерно 700—750 российских рублей за литр).

Наибольшее скопление украинских войск — в Симферополе. Украинские солдаты бесцельно бродят по городу и стреляют... сигареты. Вооруженных тоже очень много. И практически все — в военной форме. Вооружение, правда, несколько специфическое — охотничьи ружья. Впрочем, здесь нет ничего удивительного — охотничий сезон в разгаре, и желающих настрелять зайцев и кабанов для пополнения продовольственных запасов хватает не только среди военных. Методику отработки украинскими солдатами штурмовых действий можно наблюдать часто: они практикуются на забитых до отказа троллейбусах и редких автобусах... Редко увидишь, чтобы солдат или сержант отдавал честь офицеру или прапорщику. Офицеры с трезубцем на фуражке тоже равнодушно игнорируют это грубое нарушение устава. Точно так же обладатели офицерских погон игнорируют и друг друга.

Не привелось увидеть в де-

ле украинских пограничников. Проникновение в строго охраняемую Севастопольскую погранзону прошло спокойно и буднично.

Теперь главное — флот. Конечно, несколько судов имеется. Но проблемы все те же: горючее, боеприпасы, кадры... На сегодняшний день нет сведений о том, что военные моряки Украины провели за два с половиной года хотя бы одну учебную стрельбу по мишеням, отработали хотя бы один ракетный пуск!

Флотские офицеры поясняют: если экипаж корабля не провел ни одной стрельбы, то это абсолютно небоеспособный корабль. Ни один настоящий профессионал из ЧФ не перешел в ВМС Украины. Пошли лишь те, кто

в ЧФ не имел никаких перспектив. Да и тех, говорят, сманили грубым подкупом.

Остается еще морская пехота? Офицеры морской пехоты ЧФ откровенно заявляют, что они служат России, что бы там в официальных декларациях ни говорилось.

Вот такой получается расклад пока еще мирной «перебранки».

По-моему, достаточно, чтобы сделать вывод: никакой реальной готовности к ведению боевых действий в Крыму и прилегающей к нему акватории у Украины в данный момент нет. Так зачем же вся эта грозная риторика и явное желание побольше ущипнуть ЧФ в словесной перебранке? Да, политика. Выборы в Крыму Киев выиграл, на носу свои выборы — в украинский парламент. А это лучше всего делать под привычный аккомпанемент военных оркестров.

Владимир ГУСАРОВ

Рис. В. Чумачева

ХРОМОЙ ХРОНОГРАФ

ПАРЛАМЕНТСКАЯ ОСЕНЬ

В Белоруссии начался ГРИБ-ной сезон.

СОВЕТЫ ВОЗВРАЩАЮТСЯ?

«Помощь Запада России должна носить характер советов», — заявил В.Черномырдин. Этот привычный для народа способ получения самого необходимого, очевидно, должен внести успокоение во взволнованные массы российских обывателей.

НОВОСТИ КАЛЕНДАРЯ

В связи с наступлением года Собаки и долгожданным открытием парламента у страны наконец-то начинается настоящая собачья жизнь!

СКАЗОЧНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Притча о том, что вместо неумело отрубленной головы Дракона у него немедленно вырастут две новые, блестяще подтверждена российской действительностью. Вместо одного «парламента» мы имеем нынче два, твердо обещавших каждый по-своему решить за наш счет все свои проблемы.

НАКАНУНЕ РЕШЕНИЯ ВОПРОСА

«В Грузии развернулась решительная борьба против преступных кланов», — заявил Эдуард Шеварднадзе. Это позволяет надеяться, что после окончательной победы из всех имеющихся в распоряжении руководства этой страны кланов останется только один!

НОВОСТИ БИОЛОГИИ

Несмотря ни на что, жизнь в России — продолжается!

Ю.Г.

По следам статьи
В.Воронова «Новые
приключения итальянцев
в России».
«Столица», № 2,
1994 г.

КТО КОГО

НЕЗАВИСИМАЯ
ТАЗЕТА

«Во втором номере еженедельника «Столица» опубликован беспомощный, но грязный опус неизвестного мне Владимира Воронова, цель которого — дискредитировать доброе имя и профессиональную честь корреспондента газеты «Ла Stampa» в Москве Джульетто Кьезы... Делая вид, что он раскрывает какие-то суперсекреты взаимоотношений ЦК КПСС, КГБ, Красного Креста и журналистов зарубежных коммунистических газет во времена СССР, В.Воронов несет ахинею, демонстрируя лишь свою некомпетентность, непонимание различий между, например, итальянской и болгарской компартиями в тот период...»

Виталий ТРЕТЬЯКОВ. Грязное дело — нехитрое
«Независимая газета»

Издаётся в Париже с 19 апреля 1947 года
РУССКАЯ МЫСЛЬ
LA PENSÉE RUSSE

«Столица», первой... поднявшая в России разговор о финансировании итальянской компартии из средств КПСС, то есть из народных денег, украденных у советского населения, причем финансировании щедром, ИКП стояла на первом месте во всех списках, а сразу после нее обычно компартия США, — сейчас раскопала историю о деньгах, которые все та же КПСС платила нынешнему корреспонденту туринской газеты «Стампа» в Москве Джульетто Кьезе.

В прошлом он был корреспондентом органа ИКП «Унита», а сегодня благодаря широкой поддержке и деньгам фирмы «Фиат» и ее хозяев, семьи Аньелли, вышел в знатоки и эксперты по российским делам в Италии и ведет пропаганду на экранах телевидения и на волнах различных радиостанций (в том числе, увы, и по радио «Свобода»), направленную на то, чтобы преступное прошлое коммунизма исчезло из памяти всех, а появилось убеждение в пользе и необходимости сотрудничества с некоммунистами, которые якобы — нечто совсем иное. Как заявляет главный редактор «Независимой газеты»: как же можно сравнивать итальянских еврокоммунистов, например, с болгарской компартией? Если бы верить в искренность В.Третьякова, можно было бы попробовать объяснить ему, почему сравнение вполне обоснованно и правомерно. Но мы полагаем, что он сам это знает лучше нас.

Ирина ИЛОВАЙСКАЯ
Италия: дальнейший шаг
на пути к некоммунизму
«Русская мысль»

МОСКОВСКИЕ
ГОЛОСЫ
ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

«Вот и сбылось: за европейских коммунистов наконец взялся городской журнал «Столица» (№ 2). Наступление начали с Италии. Выяснили страшные подробности: там есть коммунистическая газета «Унита», а ее корреспондент Джульетто Кьеза работал в Москве. Мало этого, так ему еще ЦК КПСС квартиру выделил и помог деньгами в размере 300 рублей... Кстати, Кьеза... первым задал ироничный и злой вопрос гэкачепистам на знаменитой пресс-конференции. Может быть, спустя два с половиной года ему решились ответить?»

Виктор ЛОШАК. «Столичная» штука
«Московские новости»

ЭКОНОМИКА
ПОЛИТИКА
КУЛЬТУРА
СПОРТ
ОБЩЕСТВО
ИСТОРИЯ
НАУКА
ТЕХНИКА
ИСКУССТВО
СВЕТЛО
ЗВУК
ЦВЕТ
ТАЗЕТА

«В «Новых приключениях итальянцев в России» Владимир Воронов пытается доказать, что бывший корреспондент газеты «Унита», а теперь «Стампы», хорошо известный в московских журналистских кругах и пользующийся заслуженным уважением Джульетто Кьеза был на содержании у ЦК КПСС. К тому же, как представляется Воронову, агентом Лубянки. Что послужило поводом для этой сенсации? Документ из партийного архива — постановление секретариата ЦК КПСС «Об аккредитации т. Дж. Кьеза корреспондентом газеты «Унита» в г.Москве»... Если следовать логике «Столицы», она должна также расстрелять в упор всех, кто получал зарплату в ЦК КПСС, будучи, скажем, секретарем обкома или членом политбюро... Итальянская компартия была почти единственной, имевшей мужество противостоять безрассудству КПСС. Именно глава итальянских коммунистов Тольятти первым написал, что, критикуя культ Сталина, мы топчемся на личности, не трогая строй, ее породивший. И «Правда», стиснув зубы, вынуждена была опубликовать эти записки. Именно итальянские коммунисты наиболее решительно и публично осудили нашу оккупацию Чехословакии. Именно они, по сути, разорвали с КПСС после советского вторжения в Афганистан...»

Егор ЯКОВЛЕВ. Босяки из одной подворотни, или О том, как журнал
«Столица» расстреливает в упор итальянского журналиста
«Общая газета»

РАССТРЕЛИВАЕТ?

Андрей МАЛЬГИН

МНОГО ШУМА ИЗ НИЧЕГО

Кто бы мог подумать: на небольшую заметку журналиста В.Воронова откликнулись лично аж четыре главных редактора. Придется мне самому отвечать им, не перекладывая эту обязанность на автора заметки. Тем более что сказать есть о чем.

Статью В.Воронова действительно трудно назвать удачной. Ухватившись за документ из партийного архива, касающийся итальянского корреспондента, он не посчитал почему-то необходимым упомянуть, что аналогичные решения регламентировали деятельность всех (или почти всех) корреспондентов коммунистических газет, аккредитованных в Москве. Материал, опубликованный в «Столице», несомненно, представляет интерес для итальянской публики, которую не может не повергнуть в шок сооб-

щение о том, что «пользующийся заслуженным уважением» журналист из Италии на протяжении многих лет получал, помимо основной, еще и тайную вторую зарплату в законспирированной бухгалтерии, и все это по решению русского партийного руководства. Для нашего же, привычного ко всему читателя стоило бы поставить проблему шире: как и в каких целях подкармливали в Москве тех, кто создавал на Западе общественное мнение. Ведь случай синьора Кьезы — лишь частный случай.

Так в чем же дело? Отчего наши оппоненты так горячо вступились за итальянского коллегу? Дело в дружеских отношениях, о которых прямо пишут господу главные редакторы? Полноте: я мог бы привести примеры того, как те же люди не моргнув глазом сдавали куда более близких друзей. А может, Воронов выдал муху за слона, преувеличил масштабы «продажности» коммунжурналиста? Лошак и Яковлев, как сговорившись, вскрикают: эка невидаль! 300 рублей единовременного

пособия («вот уж раскошелились!»). Но ведь документ, опубликованный в «Столице», говорит о другом — не о 300 рублях единовременного пособия, а о полном обеспечении, т.е. о ежемесячной второй зарплате (в валюте, кстати), об оплате всех расходов, включая квартирные, транспортные, телефонные, расходы на отдых, лечение, содержание секретарши и даже покупку мебели. Как при всем при том синьор Кьеза умудрялся сохранять независимость от структур, все это ему предоставивших, совершенно непонятно. Да он и не сохранял — мы еще вернемся на страницах «Столицы» к его корреспонденциям, посылавшимся из Москвы...

Почему же руководители уважаемых изданий, сами по себе люди уважаемые, не хотят видеть того, что черным по белому написано не в статье неизвестного им Воронова, а в архивных документах? Почему еще за неделю до выхода номера из типографии мне поздним вечером звонил домой Ю.Ф.Карякин, в щепетильности и порядочности которого нет никаких причин сомневаться, и просил статью не печатать? Что за странная корпоративность?

Чтобы ответить на эти вопросы, следует забыть на время о синьоре Кьезе и повнимательнее вчитаться в то, что пишут наши оппоненты. Ведь и они ставят проблему шире.

Егор Яковлев начинает с изложения истории трехлетней давности: «В редакцию тогда еще «Московских новостей» пришел некий господин, всячески подчеркивая конфиденциальную достоверность своего визита. Он принес документы на известнейшего руководителя нашей культуры. Бумаги свидетельствовали: в те времена, когда этот деятель еще не был столь известен, он подписал обязательство служить постоянным осведомителем КГБ. Мало того: прилагались и доносы, которые он сочинял на своих сослуживцев».

«Не надо быть журналистом, — продолжает Е.Яковлев, — чтобы понять, как чесались у меня руки опубликовать свалившееся как снег на голову досье. И все-таки я этого не сделал. Послушал незнамого гостя, почтал документ, поразмыслил. И понял. (Внимание! — *А.М.*) Есть группа, которая борется с тем, кто давал когда-то подписку. И делает это лишь потому, что желает занять его завидное место, заполучить его влияние, связи. Они-то и

извлекли на свет эти документы лишь им известными путями из никому не ведомых недр КГБ...»

Прервав цитирование, чтобы продолжить его несколько ниже. Мне известна история, о которой поведал Е.Яковлев. Ему принесли подписку о сотрудничестве, а также доносы на ведущих солистов ГАБТ и работников министерства культуры. Под всеми этими документами стояла подпись директора Большого театра. «Размышления» Егора Владимировича длились примерно полгода, он не делал секрета из того, что ездил советоваться к большому начальству (уж не знаю, на какую площадь — Старую или Лубянскую) и ему, естественно, отсоветовали готовить публикацию. В результате все тот же человек и поныне возглавляет все тот же очаг культуры.

Яковлев не напечатал. Я бы напечатал. Хотя смысл интриги, затеянной в театре, и мне ясен. Страна имеет право знать своих героев, и хотя бы одну показательную порку устроить тогда стоило бы. Так что же, оттого что три года действующие лица той истории хранили молчание, моральный климат, о котором так печется Е.Яковлев (в обществе в целом и в конкретном театре) изменился к лучшему? Кому от этого стало лучше? Артистам, которых в этот период изгнали из театра? Зрителям, которых туда не пускают? Самому театру, у которого скоро стены упадут? Зато сколько новых подписок было дано, сколько новых доносов написано. Ведь есть уверенность: не выплывет! не опубликует! стыд глаза не выест! От благородного поступка Егора Яковлева стало лучше только стукачам — панику в их рядах посеять не удалось.

Но читаем статью уважаемого Егора Владимировича дальше: «В былые времена секретные службы вербовали, часто из-под палки, своих осведомителей. И делались они заложниками первого круга. А теперь оказываются заложниками второго. Извлекут из архива разведки (почему же разведки? — А.М.) связанные с ними бумаги, известят публично, что они были стукачами. Ничего страшнее по нашим временам представить себе невозможно. Значит, шантажируй этих людей как вздумается, делай с ними все, что угодно...»

Неужели автор этих строк не понимает, что шантажировать можно только тогда, когда есть чем шантажировать, когда что-то скрыто в архивах. Опубликуй мы, журналисты, имена стукачей (не всех, зачем же, на всех не хватит газетной бумаги, а только тех, что на видных постах пребывают), мы бы вырвали из рук КГБ этот козырь. Во-первых, нечем было бы шантажировать, во-вторых, некого. В этом смысл люстрации — болезненной процедуры, через которую прошли некоторые тоталитарные в прошлом и демократические нынче государства. Хочешь быть депутатом? Что ж, согласишься добровольно на то,

чтобы в твоё дело в КГБ заглянула общественная комиссия и приняла решение: замарал ты себя в прошлом сотрудничеством с карательными органами или нет. Хочешь пойти в министры? Пройди через ту же процедуру. В президентскую администрацию, в мэры, в любые начальники — то же самое. Ах, вам жалко беденьких, работавших осведомителями («часто из-под палки»)? А вы посоветуйте им не лезть в большое начальство.

Года два назад, когда Глеб Якунин предал гласности отысканные в архивах КГБ документы о сотрудничестве наших отцов церкви с органами, какие только шипки на него не посыпались, вплоть до обвинений в том, что через него прошла организованная госбезопасностью утечка информации. Примерно в те дни, когда в разных газетах публиковались габэшные документы об «аббатах» и прочих высокопоставленных церковных стукачах, на банкете в театре Жванецкого я побеседовал с двумя молодыми блестящими замками из «Московских новостей» — Виктором Лошаком и Александром Кабаковым. «Какой ужас, — говорили они, — у нас есть точные сведения, что теперь КГБ готовит такую же акцию в отношении журналистов». «Что ж в том плохого, — спрашивал я, — мне, например, интересно узнать, работают ли у меня в редакции осведомители». «Как ты не понимаешь, — отвечали мне. — Ведь КГБ сдаст только тех, кто сейчас стоит на демократических позициях!»

Действительно, какой коварный КГБ. Мне, однако же, все равно, на каких позициях «стоит» стукач — на демократических или антидемократических. Не важно, по собственной ли воле он стал сексотом или пал жертвой козней и интриг — свой выбор он сделал. И если за этот выбор надо заплатить публичным позором, сменой профессии, сменой круга общения — это еще не очень большая цена. Это еще, пусть считают, дешево отделались.

«Если следовать логике «Столицы», — пишет Егор Яковлев, — она должна также расстрелять в упор всех, кто получал зарплату в ЦК КПСС, будучи, скажем, секретарем обкома или членом политбюро». Вы абсолютно правильно уловили нашу логику, Егор Владимирович. Именно так. Только не «расстрелять в упор» (этого мы ни с вашим итальянским, ни с вашими российскими друзьями не предлагаем сделать), а как минимум подумать о смене занятий. Знаете, сегодняшняя Германия — вполне демократическая страна, а ведь именно там придумали прекрасное слово «беруфсфербот» — «запрет на профессию». Коммунистам, например, уже много лет не разрешают работать в школе, воспитывать детей. Десятки тысяч сотрудников «штази», всякого калибра «партайгеноссе», помыкавшиеся в поисках государственной службы и наткнувшись на закрытые двери, мирно приступили к возделыванию своих садовых участков, стали мел-

кими предпринимателями (а некоторые и крупными), юристами, программистами, булочниками — да мало ли «хороших и разных» профессий есть на свете! Я так и вижу, например, Михаила Никифоровича Полторанина, в белом колпаке и фартуке вытаскивающим из печки пирожки. Так нет же: его у нас вновь на идеологию поставили, снова газетами руководить.

Журнал «Столица» уже в своем первом номере, летом 1990 года, объявил себя антикоммунистическим, и мы своих взглядов не изменили. А что было начертано на знамени «Московских новостей» (кстати, тогда Е.Яковлев, В.Лошак и В.Третьяков работали вместе в этой газете)? «Социализм к человеческим лицам». «Возвращение к ленинским нормам». И я не могу согласиться с тем, что мои нынешние оппоненты своей деятельностью на ниве шестидесятилетнего революционного романтизма подготовили почву для того, чтобы «Мальгин получил возможность издавать журнал «Столица» (Е.Яковлев). Я вас уважаю, Егор Владимирович, но у меня другие родители.

Любопытно, что в следующем номере «Общей газеты» опубликована краткая беседа Е.Яковлева с Вадимом Бакациным, некогда возглавлявшим КГБ. И вот Бакацин напомнил своему собеседнику: «Вы пришли ко мне, став председателем телерадиокомпании «Останкино», и настаивали, чтобы я убрал с телевидения офицеров КГБ так называемого действующего резерва». Bravo, Егор Владимирович?! Нет, не bravo: «Да, — отвечает Яковлев, — эту просьбу вы охотно выполнили. А вот с идеей уничтожить весь архив агентуры, сжечь его — не согласились. Хотя я и сегодня думаю, что таким способом мы бы избавили общество от тех трагедий, которые уже были и которые еще ожидают нас». Нет, bravo все-таки Вадиму Викторовичу, а не Егору Владимировичу.

Самая страшная трагедия нашего общества — не в запоздалом опознании стукачей. Самая страшная трагедия — трагедия незнания. А потому и продолжают свой труд наши чекисты, уже многократно переименованные и переформированные, оставшиеся по самой сути своей, по определению — врагами демократии. Продолжают свой труд, вербуют агентов, внедряются в общественные организации и учреждения. И люди подлые, одержимые жаждой карьеры, мечтающие свести счеты и просто слабые люди пополняют ряды их нештатных и штатных помощников. И эту распложающуюся по телу общества раковую опухоль удалить можно только хирургическим способом. Каким именно — написано выше.

Вернемся к Джульетто Къезе. Если верить В.Лошаку, со страниц «Столицы» кто-то (интересно, кто?) мстит итальянскому журналисту за то, что он на знаменитой пресс-конференции задал гкачепистам «ироничный и злой вопрос». Боже мой, ес-

ли задать вопрос на пресс-конференции, пусть даже и очень дерзкий вопрос, для журналиста — геройство, то что же в этой системе координат должно означать жалование, которое синьор Кьеца украдкой приходил получать к окошку Общества Красного Креста? Пожалуй, в этой системе координат это и впрямь обычное, заурядное дело.

У меня, честно говоря, другая система оценок. И нам с вами друг друга не понять. В моей системе координат итальянская, болгарская и прочие компартии находятся очень близко друг к другу, на вполне отрицательном полюсе. Потому что для меня коммунизм — мировое зло, такое же,

как фашизм или, допустим, терроризм в любой его форме. И «мировое коммунистическое движение», внутри которого ИКП, видите ли, противостояла КПСС, тоже зло. А помянутые вами различия — это тонкости, знаете ли, для специалистов, для исследователей всего этого мерзкого дела. Ломать голову над тем, почему ИКП, «порывая» с КПСС на почве Афганистана или Чехословакии, не забывала в то же время регулярно получать средства на содержание своей «Униты», не забывала вкладывать деньги КПСС в свои предприятия, не забывала обкладывать рэкетирской данью итальянских предпринимателей, заключавших контракты с

советскими министерствами и заводами (обо всем этом знает нынче весь мир, за исключением гг. Третьякова, Лошака и Яковлева), — ломать над этим голову я не собираюсь. Товарищи коммунисты, вне зависимости от того, какое на них в данный момент надето лицо, «человеческое» или бесчеловечное, просто уже неинтересны, надоели. Вчера они обучались стрельбе из револьвера в подмосковных лесах, сегодня жалуются на жизнь, на плохое к себе отношение, в судах отстаивают оскорбленную честь, поправное достоинство. Лучше бы покаялись, право слово.

Но этого от них мы не дождемся никогда.

Джульетто КЬЕЗА

ПРАВСТВЕННАЯ ГРЯЗЬ

Господин главный редактор!

В «Столице» № 2 (164) за 1994 г. я прочел статью «Новые приключения итальянцев в России», подписанную Владимиром Вороновым. Благодарю за внимание, поскольку эта статья почти целиком посвящена моей персоне. Тем не менее я полагаю себя обязанным сообщить вам, что я намереваюсь поручить моему адвокату подготовить заявление для подачи в суд иска за клевету против вас как главного редактора и господина Воронова как автора. Я также буду требовать возмещения материального и морального ущерба, нанесенного мне этой абсолютно неквалифицированной публикацией, полной к тому же лжи в лучшем стиле сталинских доносов.

Само собой разумеется, вам предоставляется полное право доказать все утверждения, без единого исключения, изложенные в статье.

Документ, опубликованный вами, не является открытием для итальянской общественности. У меня есть основания полагать, что это тот же документ, который был использован против меня в Италии депутатом Беттино Кракси. Я не оспариваю его подлинность, но протестую против его некорректного и клеветнического использования. По этой причине я подал в суд за клевету против Беттино Кракси и также потребовал от него возмещения ущерба. Полезно было бы напомнить вашим читателям, что против господина Кракси, бывшего секретаря Социалистической партии Италии, в настоящее время выдвинуто около двадцати обвинений в получении крупных взяток и нарушении закона о финансировании политических партий государством.

Клеветническое использование опубликованного вами документа состоит в том, что вы вырвали его из политического и исторического контекста, заставив читателя поверить, что он касался только и исключительно меня (и коллеги Серджи Серджи), в то время как подобная практика существовала задолго до моего приезда в Москву в качестве корреспондента «Униты». Точнее, эта практика существовала всегда, со дня открытия корреспондентского пункта «Униты» в Москве в середине 50-х гг. Соглашение между ИКП и КПСС предусматривало ряд льгот для аккредитованных в Москве корреспондентов. Более того, аналогичные или идентичные соглашения были заключе-

ны и в отношении всех других корреспондентов коммунистических газет в СССР.

К сожалению, господин Воронов демонстрирует полную политическую некомпетентность и историческое невежество в том, что касается отношений между ИКП и КПСС. Или же он преследует настолько нечестные цели, что забывает даже о самых элементарных нормах журналистской корректности. Неважно. На суде он получит возможность научиться кое-чему и по первому, и по второму вопросу...

И наконец, еще одна деталь, которую я добавляю здесь для информации ваших читателей. Вместе со многими другими она будет представлена на суд, который сможет таким образом измерить «цену» вашей нравственной и профессиональной низости. В 1982 г., еще при жизни Брежнева, я удостоился чести быть заkleйменным агентством ТАСС как «лжец». Очевидно, рублей КГБ оказалось недостаточно, чтобы купить меня.

Еще одна информация для ваших читателей: в 1989—1990 гг. Кеннановский институт передовых российских исследований посчитал меня достойным годовой стипендии в качестве исследователя Центра Вильсона, одного из наиболее престижных научных учреждений Вашингтона. Кое-кто в Италии (очевидно, близкий идеологический родственник господина Воронова) в связи с этим написал, что я наверняка был агентом ЦРУ. Так или иначе, но, несмотря на то, что в то время я был еще корреспондентом коммунистической (хотя и итальянской) газеты, 10 американских университетов и сам государственный департамент США сочли, что мой анализ советской действительности достаточно объективен для того, чтобы ознакомить с ним своих исследователей и экспертов.

В 1991 г. нижеподписавшийся был первым западным корреспондентом, взявшим слово на пресс-конференции путчистов. Это было 19 августа, в понедельник, когда еще никто не знал, что путч будет побежден. Я спросил у Янаева: «Как ваше здоровье?» — и заявил, что ГКЧП является незаконным. Господин Воронов может освежить память, попросив кассету в «Останкино». В любом случае я положу ее перед судьей...

К этим небольшим фактам я добавлю многочисленные статьи, опубликованные мной в эти годы сначала в «Уни-

те», а потом в «Ла Стампа»: от моих корреспонденций из Афганистана до некрологов Брежнева, Андропова, Черненко, от статей о путче августа 1991 г. до репортажей о путче октября 1993-го. Все они будут представлены в распоряжение правосудия, как судей на процессе против вас, господин главный редактор, так и следователей Генеральной прокуратуры, о которых угрожающе упоминает господин Воронов, давая понять читателям, что против меня может быть открыто (или уже идет) следствие.

Напоследок я хотел бы удовлетворить свое любопытство. Господин Воронов признает, что в Италии я считаюсь крупнейшим специалистом по России, что я пишу для «респектабельной буржуазной газеты» (кстати, какая странная лексика, прямо как у бывшего коммуниста), что я пользуюсь «крупным авторитетом» на Радио «Свобода» с моими «осторожными» комментариями (а каки-

ми же они должны быть — неосторожными?). Я хотел бы задать ему вопрос: возможно ли, что столько людей на Западе столько лет обманывались во мне таким поразительным образом? Возможно ли такое там, где существует подлинный рынок информации и очень трудно обмануть читателей и зрителей, — те, кто это делают, быстро теряют авторитет и доходы?..

Согласно закону о печати вы обязаны опубликовать данное опровержение, поместив его так же, как вы поместили клеветническую статью вашего несчастного сотрудника. Я называю его несчастным, так как только поистине адская жизнь может породить столько нравственной грязи. Я надеюсь, что мою реплику будут также сопровождать ваши извинения.

Без всякого уважения

Джульетто Кьеца

Валерия НОВОДВОРСКАЯ

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ В ПОЛУЗАЩИТЕ

Господина Кьецу нетрудно понять. Получив все, что можно было, с покойной КПГБ, следовало позаботиться о дальнейших завтраках, обедах и ужинах. Демократические рубли, конечно, дешевле партийных, но зато к ним можно приписать энное количество нулей. Все в прибыль, а не в убыток. Господин Кьеца едва ли обиделся на то, что его обвинили в работе на коммунистов. У них в Италии это сейчас считается занятием богоугодным. Так что, скорее всего, это скромное намерение за счет «Столицы» посетить на присужденные суммы несколько столичных ресторанов.

Я, кстати, никогда не могла понять, чем руководствуются иные товарищи, типа Жириновского, требуя с не уважившей их прессы некую сумму чистоганом. Особенно в России. Жириновский не в курсе, но господин Кьеца должен же был знать, что Россия — не правовое государство и что суд здесь ненавидим и презираем, ибо его имидж взмошел на процессах троцкистско-зиновьевского блока и «деле врачей», хотя последнее до суда не дошло. Так что рубли, содранные со «Столицы», не помогут ему осушить выплеснутые на него со страниц журнала помой — вторичный продукт (по Войновичу) — его плодотворной

первичной прокоммунистической деятельности. Тебя, скажем, в прессе назвали свиньей. Ты обиделся и пошел в суд. Суд присудил тебе миллион и извинение. Ну и кем ты после этого в России останешься? Свиньей с миллионом. А умная газета в извинении сообщит, что не свинья ты, братец, а осел. Простите, обозначились... И чем больше ты сам будешь кричать, что тебя обозвали в прессе свиньей, тем больше будет круг посвященных в это интимное дело. Жаль, что господин Кьеца не подал на нас в Страсбургский трибунал. Мы бы там заодно процесс над КПСС провели...

Интересно здесь другое. У господина Кьецы нашлись неожиданные защитники. Вернее, полузащитники. Потому что защитники могут быть только у правого дела. А это дело неправое.

«Общая газета», «МН», «Независимая». Ба, знакомые все лица! Мы уже где-то встречались. Интересные получают пироги. Сначала эти три девицы защищают советскую власть, потом Горбачева, а теперь уже и коммунистов! Впрочем, некоторые на этой ниве подвизаются давно. Рискуя глазом, придется помянуть старое.

Егор Яковлев и Виктор Лошак очень хорошо объяснили, что, во-первых, это было не вчера (следователь

Хват пытал Вавилова и вовсе 60 лет назад, так что же, его прощать?). Вторых, г-ну Кьеце не так уж много и платили. Конечно, тем, кто советские войска в Прагу пригласил, или тому, кто Маркова зонтиком насмерть уколол, платили больше. Расценки согласно тарифу. Однако полный пансион — уже неплохо. В-третьих, итальянские коммунисты осуждали СССР. Если бы господин Кьеца, в СССР сидя, этим занимался, едва ли рачительная «контора» стала бы ему выплачивать даже партминимум. Тем, кто работал против нее, контора даром денежки не раздавала.

Я думаю, что в полузащитники пошли все, у кого рыльце в пушку. Оно в пушку у многих, но не все при этом претендуют на земную славу и небесное блаженство.

Вы не хотите воспоминаний. Значит, есть что вспоминать.

Вы предъявляете Андрею Мальгину счет за его непорочность, коей даже в сердцах не можете отрицать. Вы почему подготовили для его «Столицы»? Для меня тоже вы готовили почву? Что можно было прочитать в советской прессе в 1969 году, в канун моей первой прогулки в Лефортово?

Я вам ничего не должна. Что вы предъявите мне, если я скажу, что солидарна не с вами, а с Мальгиным? Что у него в «Столице», в скромном и благородном «огоньке», который смелее, чем «Общая», «Независимая» и «МН», вместе взятые, я могу писать и печататься и получать зарплату, а у вас напечататься — это все равно что выступить в «Завтра». Ни за какие деньги, хотя бы по 1000 рублей платите за слово. Хотите быть принятыми в приличном обществе? Учитесь скромности.

Но если начнете вспоминать, как вы с разрешения ЦК КПСС опубликовали нечто, вспоминать начнем и мы, дис-

Рис. В.Сысоева

сиденты. Послушать некоторых шестидесятников (ведь приличные люди есть, без претензий), так они звенели кандалами и, когда надо, шли на эшафот. «Огонек» на славу «Посева» не претендует, а «МН» просто лезут в самиздат горбачевского разлива. Все ваши лишения — это бар в «МН», где пили до упора, пока мы готовились к смерти на баррикадах у Моссовета, да пресловутые «независимые» устрицы. Вы что же, совсем стыд потеряли? За телефон, за кабинет, за компьютер и мягкое кресло вы рассчитываете, что перед вами зажгут вечный огонь? Мы многое прощаем Б.Н. Он человек простой, гимназий не кончал.

Его августы и октябри, марты и апрели — заслуга. Но вы-то люди иного круга. Вам дано, с вас и спрашиваем. Август и защита Вила Мирзаянова — не маловато ли добрых дел для «МН» за последние 3 года? Я помню, как некий Ю.Бандура печатался на «странице трех авторов» с объяснениями, что ДС Ленин вообще бы к стенке поставил, так что пусть не обижаются. Я помню, как вы барственно сокрушались, что выйти из редакции спокойно нельзя: вечно на Пушкинской разгоняют митинги ДС. Вы всегда старались пнуть побольней сваленного омовцами на асфальт. «Огонек» и «ЛГ» в июле 1991 года рвались ко мне в Лефорто-

во, хотели помочь. Вам было начхать. Так что ваша биография выглядит не так уж нарядно.

«Почему, когда мы пишем свои книги — Юрий Орлов, Феликс Светов, Андрей Амальрик, я, — мы вспоминаем вслух все свои слабости, просчеты, отступления? Зачем я написала в «По ту сторону отчаяния» правду, в том числе и невыгодную для себя? Могла бы приукрасить, прикинуться героем нашего времени. Мы каемся публично, Солженицын во всех своих книгах себя обвиняет в слабости и компромиссах, а вы рветесь в шестикрылые серафимы и хотите явиться обманутому вами народу на перепутье. Не пройдет.

Каждый получит свое.

Добротель — большая редкость, но пусть о ней сохранится хоть какое-то понятие. А если все начнут или продолжат врать, то никто уже не поймет, что есть правда. Для этого, собственно, и нужна люстрация.

Помните, для альтиста Данилова выбрали кару в виде люстры и ожидания, когда она обрушится? Люстра — это больно и тяжело, но зато светло. Кому 10 лет за палачество и участие в политических расправах, кого-то (Родионова, Ускопчика и других карателей) пусть хоть вешают, как гауляйтеров после 1945 г., за зверства на оккупированной территории ее граждане, не забывшие танки и лопатки.

Кому вечный позор, кому укоризна, кому ирония.

Я сказала всю правду о себе, все самое худшее, что нашла, враги ничего больше вспомнить не могут, кроме экстремизма! И я не пощажу никого. Пусть каждый увидит себя и других. И покается, как в баньке.

Вы там насчет Ельцина беспокоитесь? Не волнуйтесь, я его достаточно долго разоблачала. В шести томах. Нужно будет, осудим, благо мы не в лакеи к нему нанимались, а хотели быть товарищами, соратниками. И если наша дама бита, то, интересно, какого туза предложите вы? Что у вас есть? Явлинский? Горбачев? Спасибо. Народ, голосующий за фашизм и коммунизм? Благодарствуем. Мы честно играли. Мы честно проигрываем. Мы осуждали Ельцина, когда он не боролся. Вы поднимали крик, когда он пытался бороться.

Мы не делаем для себя исключения. Ищите на нас компромат. Заводите досье, публикуйте. Мы превратим наши издания в корыто, где будет публично стираться общественное и личное грязное белье. Наше поколение не получит чистоты. Но оно хотя бы возненавидит грязь.

Ирина ХАКАМАДА:

КТО ЖЕ ИЗ МУЖЧИН ЖЕНЩИНЕ ОТКАЖЕТ?!

Наш собеседник — независимая и очаровательная Ирина ХАКАМАДА, кандидат экономических наук, недавний генеральный секретарь Партии экономической свободы («партии Борового»), а сегодня — эксперт Российской товарно-сырьевой биржи, президент Женского либерального фонда, депутат Государственной Думы российского парламента, сопредседатель депутатского объединения «Союз 12 декабря».

— Ирина, вы избирались в Думу по мажоритарной системе в одномандатном Каширском округе Москвы как независимый кандидат, хотя известно, что вашу кандидатуру на выборах поддерживал «Выбор России» (по крайней мере так об этом было публично объявлено). Сами вы являетесь членом и одним из создателей Партии экономической свободы. Тем не менее, оказавшись в Думе, вы не примкнули к какой-либо из существующих там фракций, в том числе и к «Выбору России». Почему же? Изменилась ваша позиция?

— Моя личная выборная кампания оказалась объектом внимания нескольких партий и политических сил. Считалось, что и «Выбор России» меня поддерживает, и Партия экономической свободы, и еще кто-то... На самом же деле у меня была собственная избирательная кампания, средства на которую я собирала сама. А «Выбор России» поддержал меня, конечно, но — что это было? Просто кандидат от «Выбора России» — это был Лев Пономарев — перешел в соседний округ и сделал это в самом начале. Мы разумно договорились с ним разойтись по разным округам, чтобы каждый вел самостоятельную кампанию, не давая друг друга. Вот в этом смысле меня «Выбор России» поддержал.

— В «Думе» вы не представляете ни «Выбор России», ни Партию экономической свободы, генеральным секретарем которой долгое время являлись. Но и абсолютной одиночкой вас не назовешь: вы создали некую группу — «Союз 12 декабря», довольно активную и весьма серьезную, судя по первым ее шагам в парламенте, хотя она пока и не зарегистрирована официально как отдельная фракция — в группе вашей на сегодня нет 35 человек, что требуется по регламенту... Что все же заставило вас уйти от «одиночества» и образовать «Союз 12 декабря»?

— Я в избирательной кампании заявляла свою четкую позицию и теперь собираюсь ее честно реализовывать: я — профессионал, человек, который занимался рыночными реформами на практике последние 4—5 лет. И я увидела, что есть некий третий путь — не радикальные рыночные реформы, за которые ратуют демократы и которые, как мы видим, привели к резкому обострению социальных проблем, и не абсолютно «государственные» реформы (когда весь груз социальных забот ложится на госбюджет, разрушенный экономикой прошлого). Этот самый третий путь — путь рыночно-консервативный и при этом —

либеральный. То есть важно постепенно передать собственность и не надо заикливаться на бездефицитности бюджета во что бы то ни стало, вне зависимости от структурной политики. Кроме того, не менее важна и либерализация налоговой системы (снизить все налоги, дать возможность использовать средства самим людям, территориальным округам, регионам, и, таким образом сократив доходы, одновременно в соответствующей пропорции сократить и расходы бюджета). Это, может быть, и явилось бы одним из путей решения и социальных проблем, но не только за счет государственного финансирования.

— Что вы предлагаете для этого сделать?

— Для этого, естественно, нужно реформировать всю систему законодательства, в первую очередь законы, связанные с налогами, социальным страхованием, взаимоотношениями между регионами и федеральным центром. Но я, разумеется, не думаю, что это все можно сделать в течение тех двух лет, что отпущены Думе. Я просто считаю, что огромное количество законопроектов, с которыми будет работать нижняя палата, каким-то образом все-таки надо корректировать. Чтобы и Дума, и правительство могли быстро реагировать на изменяющуюся экономическую ситуацию в стране. И поэтому когда я пришла в парламент, мне, естественно, не захотелось вливаться в какие-то политические блоки, фракции, партии, заниматься политическими выступлениями у микрофона, — для того лишь, чтобы сформировать себе полноценную партию к будущим выборам. Смотреть на Думу как на некий трамплин, с которого партия прыгнет потом куда-то выше, — это противоречит моим профессиональным интересам.

— Однако «Союз 12 декабря» вы все же создали?

— Просто, когда я пришла, вокруг меня сгруппировались люди с точно такими же представлениями о парламентской деятельности. Причем никогда ни с кем из них я до того не общалась! Это случилось самой собой.

— Среди них, значит, нет членов Партии экономической свободы, генеральным секретарем которой вы были?

— Нет.

— А среди остальных членов Думы?

— По-моему, есть два человека, называющих себя членами нашей партии. Но странное дело: будучи генеральным секретарем этой партии, я их нигде никогда не видела! Видимо, формально они и были членами ПЭС,

но, как я знаю, избирательную кампанию вели как независимые кандидаты.

— Вы сказали, что не собирались заниматься собственно политической деятельностью, идя в парламент. Но ведь мы никуда не денемся от того, что парламент — политический институт. И избран-то он впервые наполовину по партийным критериям. Как вы видите себе свою будущую работу в таком органе власти: примете ли участие в политической игре или ограничите себя исключительно областью законодательства?

— Когда говорят о том, что депутаты, мол, это тоже политики, то подразумевают, я думаю, при этом прежде всего умение находить компромисс с оппонентами и, во-вторых, четко формулировать свои цели. Депутат — это такой политик, который умеет формировать голосование вокруг нужного, с его точки зрения, законопроекта.

— Иными словами, специалист в области внутрипарламентской технологии?

— Именно! А в этой технологии наиболее важным этапом, венчающим любое рассмотрение, является голосование. На него и следует нацелить все свое депутатское мастерство. В этом — цель политики депутата! Естественно, что в парламенте формируются фракции. И если вы — политик, то вы обязаны уметь договариваться и с помощью компромиссов искать нужные решения.

Вот в этом смысле я себя ощущаю политиком. Я не собиралась использовать Государственную Думу для формирования собственного политического имиджа. Потому что я считаю, что это вообще противоречит принципам профессионального парламента. Партия должна формироваться и действовать за стенами парламента: искать и находить социальные слои для своей поддержки, создавать региональные отделения, формировать теневой кабинет, готовить собственную экономическую программу.

А вот профессиональный парламент должен служить только одному: чтобы эта экономическая программа получала хотя бы какую-то реализацию.

Тем более это важно в переходный для России период. У нас вообще очень странная ситуация. С одной стороны, в политической элите бури, нестабильность, а чуть стоит опуститься на места, в регионы — абсолютное болото, злые и голодные люди. Поэтому вместо того, чтобы сейчас еще сильнее политизировать эти нижние, местные слои населения, нужно, наоборот, все сделать для то-

го, чтобы использовать влияние «тех, кто наверху», для реализации хоть какого-то конкретного шага к реформе. Чтобы в конечном итоге «болото» перестало быть болотом и каждый человек начал по-настоящему вовлекаться в реформы — с чувством собственного достоинства. Мы до сих пор ничего для человека не сделали: ни радикалы-демократы, ни консерваторы. Все, что делалось, было как бы над человеком, ему диктовали, ничего не объясняя.

Поэтому я и посчитала своим профессиональным долгом заняться в Думе формированием как раз таких законопроектов, которые учитывали бы интересы многодетной матери и директора завода, мелкого и среднего предпринимателя, супрефекта и самого префекта...

— Вы — безусловно, профессионал в своей области, в экономике. Но ведь парламентская деятельность — особая профессия...

— Я это понимаю и не настолько наивна, чтобы рассчитывать только на свой интеллектуальный багаж. Я считаю, что в пределах выделенных ему средств депутат должен иметь возможность сам определить, сколько помощников ему иметь. У меня, например, много экспертов-энтузиастов, которые не потребуют за свою помощь больших денег.

— Какие законы должны быть приняты новым парламентом в первую очередь?

— Самое первое — реформирование налоговой системы: надо принять налоговый кодекс. Затем — срочно принять Закон о социальной защите и прежде всего — пенсионном страховании. Нужно быстрее создать условия для сочетания на законодательной основе государственного социального обеспечения (особенно для пожилых людей, инвалидов, многодетных семей) и возможностей частных пенсионных фондов, которые будут иметь государственные гарантии по выплате долгов. Тогда в этом узком коридоре экономических проблем, инфляции, грядущей безработицы и необходимости решения социальных проблем, то правительство и та Дума, которые это сделают, получат поддержку народа. Это с точки зрения экономической.

Если говорить о политических вопросах, то уверена, Дума сделала бы кардинальный шаг, если бы приняла Гражданский Кодекс. Это необходимый документ, который прежде всего должен закрепить приоритет прав личности. Когда мы начнем это учитывать в рамках законодательного кодекса, тогда только мы и получим соответствующее экономическое законодательство.

— В качестве наиболее необходимых законов вы указали на те, что связаны с налогами. Но вы же, как никто другой, понимаете, что сами по себе налоги ничего не решают, если мы не определимся, чего мы хотим достичь. Ведь налоги — это лишь инструмент, не так ли?

— Конечно. Можно начинать и с более глобальных законов, но... Нам все-таки надо жить сейчас, сегодня. Потому надо срочно спасать государственное предприятие, частное, конверсированное — любое, где трудятся люди! Из средств бюджета это сделать невозможно. Значит — только предоставлением большей свободы предприятию, снижением налогов. А это ведь касается и каждого человека, который там работает, верно? Потому что если человек не может получить необходимое пособие от государства, то впрямую зависит от того, насколько богато его родное предприятие. А значит, если больше будет зарабатывать человек, больше будет спрос на рынке, больше продукции будет выбрасываться на этот рынок, то у населения появятся стимулы к накоплению — то есть начнется оживление рынка...

Если же сейчас мы вновь начнем пересматривать в Думе все законодательство, касающееся собственности и прочих основополагающих вещей, мы непременно упрямся в проблему частной собственности на землю. А земельная реформа требует более тонкого механизма, постепенности перехода от коллективной собственности к акционерной, а через нее — к частной. А вы же видите, что происходит в нашем сельском хозяйстве: цены на сельхозтехнику растут быстрыми темпами, а с отпуском цен на энергоресурсы этот рост будет еще больше. При этом себестоимость сельхозпродукции настолько велика, что — учитывая, что розничные цены на продукцию контролируются государством — сельский труженик остается практически на нуле...

Поэтому законы, принятые прежним парламентом, конечно, нужно пересматривать, но если вовремя не заняться законами, которые вытянули бы нас из сегодняшней трясины «за уши», мы так и останемся на общетеоретическом «глобальном» уровне...

— Вы дистанцируетесь и от «правых», и от «левых», и от «Выбора России»... А в чем ваша программа отличается, к примеру, от программы «Выбора России»?

— Кто у нас сейчас лидер «Выбора России»? Егор Гайдар, так? Это отец наших рыночных реформ, отец нашей «шоковой терапии». Я его глубоко уважаю за то, что он смог взять на се-

бя гигантскую ответственность за коренную ломку традиционных для нас экономических отношений, что он понимает всю тяжесть груза. Но я выступаю за конструктивный диалог особенно с теми зачатками «среднего класса», которые возникают в России. Ведь до сего дня не сформулировано никем, насколько рыночные реформы соответствуют национальным интересам России! Где этот самый национальный интерес? Я убеждена, что демократами была проиграна избирательная кампания потому, что они не прислушались к народу, слишком уверовали в то, что народ выдал им мандат доверия и своего терпения на веки вечные. А терпение-то это закончилось как раз в момент выборов... Вот этим мы и отличаемся от «радикал-демократов»: мы хотим либеральных реформ. Но мы пытаемся совместить интерес человека, его права и его свободы с рыночными реформами.

— Но ведь в одиночку вашему «Союзу 12 декабря» в парламенте ничего не добиться. Какой из парламентских фракций вы отдаете предпочтение?

— Во-первых, никаких серьезных программ ни у одной из фракций я пока не видела. Только рекламные предвыборные буклеты... Во-вторых, наша концепция работы в Думе и не предполагает согласования позиций по партийным программам, мы намерены договариваться по конкретным рассматриваемым в парламенте вопросам. И там, где мы найдем какие-то точки соприкосновения с другими фракциями или с независимыми депутатами, мы готовы с ними сотрудничать.

— Со всеми?

— Ну, смотрите. С «Выбором России», конечно, у нас может быть много точек соприкосновения в работе. Как, впрочем, и с другими фракциями демократического направления — Явлинского, Шахрая. У нас с ними наверняка будет много общего при рассмотрении экономических законов.

С коммунистами и аграриями, часто выступающими единым блоком, у нас, думаю, тоже будут возможности для контактов. Например, в вопросах текущего госрегулирования поставок сельскохозяйственных продуктов и адресного контроля цен на сельхозтехнику — это нормальная практика, во многих странах это делается.

Фракцию ДПР Травкина я пока не поняла. С чем она пришла в парламент? Если только с политическими лозунгами... Поглядим.

Партии ЛДПР как таковой я пока что-то не вижу. По-моему, они все — депутаты от ЛДПР — действуют для

формирования имиджа своего лидера. А вообще, мне кажется, основная наша работа будет не в зале, а в комитетах. И вот тогда посмотрим — может, ЛДПР что-то конструктивное и предложит, а пока не представляю, над чем можно с ними вместе работать.

— А блок «Женщины России» вам блок?

— Лидерам этого блока я сказала: когда речь будет идти о защите прав женщин, материнства, семьи — рассчитывайте на мою поддержку. Помогите организовать правильное голосование. Но вот в экономических вопросах, не понимаю, как можно разделяться по половым признакам. Поэтому я и вошла не в Комитет по делам женщин, семьи и молодежи, а в Комитет по экономической политике. Там, с точки зрения экономического регулирования, и собираюсь лоббировать идеи защиты материнства и семьи.

— В первый день заседания Думы я заметил: некоторые депутаты-мужчины целовали вам руку. Как вы это восприняли?

— Спокойно. Когда в парламенте появляются свежие лица, их и воспринимают по-особому. В данном случае таким человеком оказалась я...

— А вообще, Ирина, женское ли это дело — депутатство?..

— Не знаю, как для кого. Может, многие женщины, выйдя на политическую арену, что-то теряют — в семье, в личной жизни и т.д. Мне мой муж, например, доверяет (а я уже надела в жизни много ошибок, сейчас в третий раз замужем, и теперь опыт, надеюсь, мне поможет избежать новых). Без него и семьи я никогда в жизни не выдержала бы груза, который на меня свалился сейчас.

Я считаю, женщина вносит нечто особое в парламентскую работу — она ведь пытается всех помирить. Однако у женщины есть психологические особенности, которые ей мешают, и помогают. Например, вряд ли женщина смогла бы так высказываться к микрофону и что-то там то и дело выкрикивать, как это делают Жириновский и его команда... Но, с другой стороны, ей иногда легче в мужской компании получить слово: кто же из мужчин откажет женщине, верно?

Так уже, кстати, было со мной в первые дни. Словом, присутствие женщин в парламенте, я считаю, полезно: с женщиной в политику приходит здравый смысл, какая-то умеренность. А это сейчас нам, пожалуй, нужно больше всего.

Григорий КРОШИН
Фото О.Чумаченко

Владимир ДУДНИК

У М.М. ПОЛНО ПРОБЛЕМ!

Майор Борис Майоров, офицер-оператор воинской части 77866, в активную общественную работу включился в тревожном августе 1991 года. На выборах в Государственную Думу зарегистрировали кандидатом в депутаты от РДДР. 12 декабря набрал 19 396 голосов. А 26 декабря ему предложили покинуть армию. Что же произошло?

ПРИКАЗ — ВЫШЕ ЗАКОНА

По закону о выборах в Госдуму право на участие в выборах военнослужащие имеют. Баллотироваться можно. Однако министр обороны не рекомендовал военнослужащим выставлять свои кандидатуры на выборах. Майор же доверился закону. Как выяснилось — зря.

На время предвыборной кампании в соответствии все с тем же законом майор Майоров попросил отпуск. Командир части полковник Борис Ярусов, ссылаясь на разъяснение министра, в отпуске ему отказал. Зато немедленно утвердил для него расписание персональных зачетов.

16 ноября майор Майоров должен был в избиркоме получить удостоверение кандидата в депутаты по Одинцовскому избирательному округу № 111. Но приказ командира — закон для подчиненных, гласят армейские уставы. И в этот день Борис Иванович сдавал зачет по строевой подготовке. Какая оценка ему была выставлена — догадаться нетрудно.

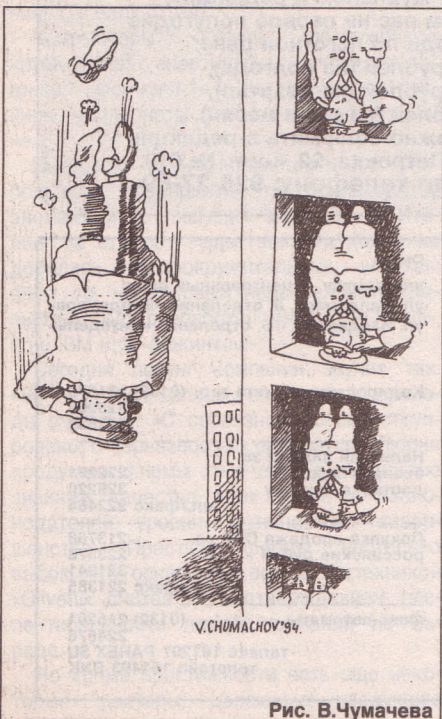

Рис. В.Чумачева

ЧТО МОЖЕТ ГЕНЕРАЛ?

Пришлось майору Майорову обращаться в управление по работе с личным составом главкомата Ракетных войск стратегического направления (РВСН) — там есть группа социально-правовой защиты. «Мы для вас ничего сделать не можем. Вы действуете без разрешения и вопреки приказу министра», — ответил офицеру заместитель главкома по работе с личным составом генерал Николай Мороз. В дальнейшем кандидату в депутаты было отказано в предоставлении транспортного средства, в выступлении по гарнизонному радио, в организации встречи с избирателями в гарнизонном Доме офицеров. Аргумент — политическая агитация в армии запрещена. Однако стоило другому кандидату в депутаты, но в ранге посла в одной большой заокеанской державе, захотеть — и встреча с ним все в том же Доме офицеров состоялась. Обратился за помощью другой генерал — глава администрации Красногорского района, — и генерал Мороз мобилизовал подчиненных для сбора подписей в его поддержку.

Отпуск Борису Майорову в итоге дали — дозами по 10 дней с обязательным ежевечерним докладом о том, что он находится в расположении части. Почти как условно-досрочно освобожденный. Но те хотя бы обязаны отмечаться раз в неделю.

В ночь с 12 на 13 декабря на «новогоднем» шоу в «Останкино» Николай Мороз был удостоен микрофона и радостно возвестил: «Ракетчики проголосовали за Конституцию». При этом он скромно умолчал: в этом избирательном округе, включающем три мощных военных гарнизона — Одинцово, Голицыно, Кубинку, — лидировала, набрав 30 процентов голосов, партия Жириновского.

Президент вскоре вынужден был признать: треть армии голосовала за ЛДПР. Зная же хорошую управляемость «военных избирателей» и их удельный вес в этом избирательном округе, можно предположить, что не лишены достоверности другие цифры: здесь за Жириновского проголосовало около 70 процентов. И это не случайно: Владимир Вольфович беспрепятственно проводил здесь агитацию с ноября 1992 года.

РАСПРАВА

Выборы Майоров, конечно, проиграл. Продолженные вскоре персональные зачеты тоже. Все оценки, разумеется, — неуды. Для этого подобные зачеты и устраиваются.

Еще вчера — специалист первого

класса, опытный программист и оператор, привлекаемый для решения сложных задач, служивший без единого замечания, — сегодня объявлен профнепригодным. Более того, по существу, оказался лишенным гражданских прав.

23 декабря, до опубликования итогов выборов, когда его еще должен был бы защищать статус кандидата в депутаты, Борис Иванович рапортом попросил предоставить время для закрытия выборных дел. И получил резолюцию командира: «Результаты выборов уже известны. Майор Майоров не избран в Государственную Думу». А потому: в избирком для отчета не пустили; на заседание в правление РДДР для подведения итогов выборов — не пустили; обратиться к Главкому — не разрешили; пойти на прием к прокурору — не дали. Жене предложили уволиться с работы в части. На аттестационной комиссии рассмотрели вопрос о лишении денежного вознаграждения за год. А несколько ранее — отказали в поступлении в гражданский вуз.

Итог подвел генерал-лейтенант Виктор Есин: «Пишите рапорт об увольнении по собственному желанию. Иначе...» А иначе с майором не

будет заключен контракт. А это равносильно прежнему «за дискредитацию» — увольнение из армии без всяких льгот. В возрасте 43 лет, после 20 лет службы.

Известный сценарий!

Мне эта тактика до боли знакома.

Весной 1992 года из алтайской ракетной дивизии вот так же уволили 35-летнего комбата Евгения Орешкина. За год перед тем окончившего академию. Ему тоже устраивали проверки и экзамены, вспомнили огрехи и упущения десятилетней давности. Причина же проста: после августа 1991 года он предал гласности действия своих командиров в поддержку ГКЧП, а затем включился в работу местного отделения «ДемРоссии».

В поисках защиты и правды подполковник Орешкин тогда приезжал в Москву. Но, как и наш кандидат в депутаты, дальше генерала Николая Мороза (тогда еще полковника) не попал.

Не пропал Евгений Орешкин. Завел собственное дело. Печет для гарнизона хлеб. Думаю, не пропадет и классный эвэзмщик Борис Майоров.

Но вот что я еще думаю: властвующий генералитет ненароком устроил себе прилюдный экзамен на гражд-

данскую зрелость. Не справился он с подполковником Станиславом Тереховым, возглавившим акты военно-политического бандитизма. Не справился с депутатствовавшими генералами-провокаторами, толкнувшими страну на грань гражданской войны. Теперь «оплошал» перед агрессивным напором Жириновского. Зато без труда расправился с законопослушными майорами и подполковниками, искренне уверовавшими в демократию и курс реформ.

Не минула эта участь и некоторых генералов. Например, по политическому доносу был отстранен от должности министром обороны начальник Уфимского училища генерал Борис Лысенко — бывший депутат Верховного Совета России. В депутатских фракциях он не участвовал. Но спокойно продолжает служить начальником Сызранского училища генерал Алексей Базаров. В Верховном Совете — один из координаторов пресловутой фракции «Отчизна».

Кто же завтра будет отстаивать в армии курс реформ? Неужто и впрямь генералы, изгонявшие из армии его сторонников?

**Быть стройным и здоровым
поможет Вам**

ГЕРБАЛАЙФ

— трава жизни

Используя американский экологически чистый продукт питания на основе трав всех континентов, Вы сможете избавиться от лишнего веса, нормализовать давление, прекрасно выглядеть, быть энергичным и бодрым. Об эффективности ГЕРБАЛАЙФА читайте в журнале «Столица», № 43, 1993, стр. 61.

Объявление — талон на льготную покупку. Инвалидам и пенсионерам — скидка 5%.

**Проводим обучение
и квалифицируем дистрибьюторов.**

**НОМЕРА ТЕЛЕФОНОВ И ФАКСОВ ОРГКОМИТЕТА
АССОЦИАЦИИ НЕЗАВИСИМЫХ РАСПРОСТРАНИТЕЛЕЙ
ГЕРБАЛАЙФА — 245-59-56, 245-40-72.**

**АДРЕС: МОСКВА,
ул. КООПЕРАТИВНАЯ, 10, РЯДОМ СО
СТАНЦИЕЙ МЕТРО «СПОРТИВНАЯ».**

**Часы работы: с 10.00 до 18.00.
Ежедневно, кроме воскресенья.**

**УВАЖАЕМЫЕ МОСКОВСКИЕ
ЧИТАТЕЛИ «СТОЛИЦЫ»!**

**Если вы имеете возможность приезжать
за нашим журналом в редакцию,
мы подпишем вас на первое полугодие
1994 года по льготной цене:
3900 рублей (на полгода),
1950 рублей (на квартал),
650 рублей (на один месяц).**

**Подписку можно оформить в редакции
по адресу: Петровка, 22, комн. № 610.
Справки по телефону: 928-27-69**

**МЫ
БЛИЖЕ,
ЧЕМ
ШВЕЙЦАРИЯ**

РИГА

ул. Смилшу, 3, центральный офис
ул. Валдемара, 8, отделение «Валдемара»
ул. Валдемара, 1Б, отделение «Цитадель»

Кодированные счета тел. (0132) 331970
325208
322539

Наличная валюта за
безналичную; 222291
доставка клиенту 325220
тел./факс 222464

Покупка-продажа СКВ за 213768
российские рубли 223378
321341
тел./факс 221385

Факс-автоматы (0132) 215201
224576

телекс 161207 PAREX SU
телетайп 161493 BNK

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ
ДИСТРИБЬЮТОР

olivetti

РОССИИ ПОРА СТАНОВИТЬСЯ ЕВРОПОЙ!

Несколько лет назад на экране советского тогда еще телевидения перед программой «Время» впервые появилась надпись «Olivetti». Это была, в сущности, первая реклама вообще, да к тому же посвященная на «передачу номер один» ЦТ.

Именно так ведущая мировая фирма, известная ранее как поставщик станков и электронного оборудования для предприятий, вышла на российский рынок оргтехники, компьютерных и банковских систем. Давайте вспомним, ведь тогда у нас и азиатской техники было не очень-то много, вид телефона с кнопками вместо диска вызывал у соотечественника легкую панику, а что такое «Olivetti», не знал почти никто.

Так что же такое «Olivetti»? Prestижнейшая европейская, теперь уже транснациональная компания, существующая ни много ни мало около ста лет, имеющая более шести тысяч дилеров во всем мире.

Более 4000 самых крупных банков мира и 61 521 их отделение оснащены исключительно оборудованием фирмы «Olivetti», среди них: Barclays' Bank (Великобритания), Citi Bank (США).

Компьютеры «Olivetti» обслуживают крупнейшие спортивные соревнования: гонки «Формула-1», Уимблдонские турниры, чемпионаты мира по легкой атлетике...

Интересно то, что начиналось все с небольшого предприятия по производству элементарных пишущих машинок в Италии. За сто лет существования компания добилась головокружительных успехов: факт то, что первый персональный компьютер был разработан именно «Olivetti», а не IBM или «Макинтош».

Сегодня лозунг компании звучит так: «Seriously built, seriously sold», что в переводе означает: «С серьезностью сконструировано, с серьезностью продается». Любая продукция фирмы отмечена одиннадцатью знаками качества всех стран — законодателей уровня технического совершенства. Prestиж фирмы настолько высок, что оснащение офиса оргтехникой «Olivetti» считается подтверждением респектабельности любой компании на Западе.

Но кроме престижности есть еще некоторые факторы, делающие продукцию «Olivetti» неизменно популярной. К при-

меру, особое внимание конструкторы-разработчики уделяют эргономике, дизайну и экологической безопасности оборудования — и вот фанатично помешанные на вопросах своего здоровья шведы и норвежцы покупают исключительно продукцию «Olivetti», так как проверено, что компьютеры этой фирмы не производят вредных излучений, собраны из экологически чистых материалов.

Генеральным дистрибьютором фирмы

питания и возможность подключения к любой периферии и компьютерной сети. А в последнее время настоящий ажиотаж в деловом мире вызвала электронная печатная машинка ETp-55. Эта модель и новая модель 1994 г. ETp-510 привлекательны не только доступной ценой, но, в первую очередь, качеством, дизайном и бесшумностью работы.

Компания «Art trading» имеет широкую дилерскую сеть в России. Кроме того, открылся первый специальный выставочный

«Olivetti» в России и странах СНГ является компания «Art trading». Именно «Art trading» может сегодня предложить самые новейшие разработки оргтехники «Olivetti», в число которых входит, например, факс OFX3100, работающий на обычной писчей бумаге и обладающий большими возможностями, чем аналогичные аппараты производства других фирм; или персональный компактный компьютер «Quaderno». Этот компьютер — одна из наиболее интересных последних разработок фирмы «Olivetti», предлагаемых на нашем рынке компанией «Art trading». Ни одна из ведущих компьютерных фирм мира не смогла создать компьютер с такими возможностями, вмещающий всего лишь на половине обычного листа (14x23 сантиметра). Вес «Quaderno» не более одного килограмма. И при этом — 386-й процессор, 33 мГц, 12 Мб оперативной памяти, 210 Мб внутренней памяти, 6—12 часов автономной работы от встроенного источника

зала на Лубянке из семи, планируемых к открытию в 1994 году.

Там можно будет увидеть и приобрести самую современную оргтехнику «Olivetti», офисную мебель итальянской фирмы «Valentini» и канцелярские принадлежности концерна «Pigna».

Немаловажным фактором работы компании является то, что «Art trading» ориентирована не на взвинчивание цен, что характерно для многих других фирм, а на увеличение объема торговли, что позволяет поддерживать минимальные цены на самую современную в Европе оргтехнику.

Так что если мы и в самом деле хотим жить, работать цивилизованно и сделать наш бизнес красивым, то компания «Art trading» дает нам сегодня такую возможность.

Юлия ТРАНКВИЦКАЯ

Тел. для справок: 216-92-23

сэр Франк РОБЕРТС:

«ХРУЩЕВ ДЛЯ ЗАПАДА БЫЛ ОПАСНЕЕ СТАЛИНА»

Н.С.Хрущев и сэр Франк Робертс с супругой на приеме в британском посольстве

Фото из книги Ф.Робертса «У диктаторов»

— Вы впервые побывали в Советском Союзе в 1939 году. Это было очень трудное время. Чем был вызван ваш визит?

— Мы оказались в СССР вскоре после показательного процесса над английскими инженерами фирмы «Викерс» в Москве. Приехали, чтобы вести переговоры со Сталиным и Молотовым. В это время, сразу после смещения Максима Литвинова, Молотов был назначен министром иностранных дел. В ходе переговоров он сразу же потребовал согласия Англии и Франции на то, чтобы Красная Армия «помогла» Западной Украине и Западной Белоруссии. Мы на это не могли пойти, зная, что поляки будут недовольны подобной помощью. К тому же Сталин хотел взять под свой контроль Литву, Латвию и Эстонию и желал нашего одобрения. Мы, конечно, на это тоже не согласились.

— Где вам довелось побывать в те дни?

— Я посетил особняк, принадлежавший некогда семье миллионера Морозова, где было множество кар-

Сэр Франк Робертс родился 27 октября 1907 года в Буэнос-Айресе. Окончил Кембриджский университет. На дипломатический службе с 1930 года. Первый визит в Москву — 1939 год. Поверенный в делах при чехословацком правительстве, 1943 год. Представитель британского правительства Уинстона Черчилля в Москве, 1945—1947 гг. Посол Великобритании в Югославии, 1954—1957 гг. Постоянный представитель Великобритании в НАТО, 1957—1960 гг. Посол Великобритании в СССР, 1960—1962 гг. Написал мемуары «У диктаторов» (Dealing with Dictators). Сэр Франк РОБЕРТС любезно согласился ответить на вопросы Джин ВРОНСКОЙ.

тин из его коллекции. Один из наших журналистов, Александр Верт, сказал тогдашнему министру культуры СССР со странной фамилией Романов, что можно эти картины с хорошей прибылью продать на Западе. Романов ответил: «Мы не собираемся помогать распространять декадентский мусор». В коллекции были французские импрессионисты, Матисс, Пикассо...

— Вы видели Сталина. Каким он вам показался?

— Сталин не любил встречаться с иностранцами. При первой встрече он сказал: «Я знаю, что вы враг Советского Союза и агент британской разведки». Конечно, никаким агентом британской разведки я не был, но с ужасом подумал при этих словах: какое же будущее ждет меня в Москве?

— На Западе существует версия о том, что Сталин не хотел посылать на подписание пакта с Риббентропом дипломата-еврея. Поэтому на посту министра иностранных дел Литвинова сменил Молотов.

— Не думаю. Литвинов жил в Анг-

лии, хорошо говорил по-английски, был женат на англичанке Айви Лоу и симпатизировал союзникам. Это Сталину явно не подходило. Молотов же был сталинистом.

— Что вам больше всего запомнилось в Москве в 1945—1947 годах?

— Это было страшное время для граждан Советского Союза. Антисемитизм процветал. В 1948 году НКВД организовал убийство Михоэlsa в Минске. Наиболее известной жертвой антисемитизма Сталина была жена Молотова, Полина Жемчужина. Я познакомился с ней, когда мы устраивали в Москве ужин для жен Черчилля и Молотова. Я тогда почти не знал русского, а она не знала английского, но хорошо говорила по-немецки. Поскольку случилось это сразу после войны, антинемецкие настроения были очень сильны. Она мне сказала: «Я знаю, что вы не захотите говорить по-немецки, может быть, перейдем на австрийский?»

В те годы мы издавали ежемесячную газету «Британский союзник». Неожиданно заметили, что отношение к нашей газете переменилось. В контактах с советскими чиновниками мы почувствовали напряжение.

У нас было принято раз в году приглашать советских редакторов на ужин. На одном из этих ужинов я и моя жена оказались рядом с редактором «Московских новостей» Михаилом Бородиным. Тогда эта газета не была рупором гласности. Она издавалась на английском языке для иностранцев, членов Дипломатического корпуса. Ее же главный редактор в 20-х годах был советским агентом в Китае. Сталин не любил Бородина, и удивительно, как он выдержал чистки и не погиб.

Сэр Робертс ошибается. Мне удалось установить биографию Михаила Марковича Бородина. Настоящая фамилия его — Грузенберг. Он был родственником знаменитейшего петербургского адвоката Оскара Грузенберга, защитника на известном процесс Бейлиса в 1913 году. Михаил Бородин родился 9 июля 1884 года. В юные годы был революционером, потом жил в Берне, в Риге. В 1906 же году переехал в Англию, затем в США. Один из видных социалистов Америки в 1907—1918 годах. Первый советский консул в Мексике в 1919 году. Работник Коминтерна, 1919—1923 гг. Был арестован в Глазго как агент Коминтерна в 1922 году. Провел шесть месяцев в шотландской тюрьме, был выслан из Англии и приглашен Сунь Ятсеном в качестве советника при Центральном Комитете Гоминьдана — партии китайских националистов. После возвращения из Китая был заместителем министра по труду. По совету Анны Луизы Стронг, аме-

риканской коммунистки и основательницы «Московских новостей», Бородин был назначен Сталиным главным редактором этой газеты. С 1941 года Бородин был одновременно главным редактором Совинформбюро. В 1949 году Сталин закрыл «Московские новости». Бородин был арестован как «американский» и «китайский» шпион и расстрелян 29 мая 1951 года. (Д.В.)

— Кого еще из интересных людей вам доводилось встречать тогда?

— Виолетту Эльвин — это ее фамилия по мужу — молоденькую балерину Большого театра и милую девушку. В нее влюбился один из наших дипломатов, Гарольд Эльвин. Вы представляете, что это было в те времена, в 1946 году! Сколько у меня было неприятностей! Но я смог добиться, чтобы Сталин разрешил этот брак, и их выпустили в Англию. Виолетта Эльвин потом стала звездой Британского Королевского Балета.

Удалось выяснить биографию Виолетты Эльвин. Она родилась 3 ноября 1925 года. Окончила Московское хореографическое училище. Во время войны была эвакуирована с Большим театром в Ташкент, где танцевала в местном театре. В 1944 году Виолетта вернулась в Москву и стала солисткой Музыкального театра Станиславского и Немировича-Данченко. Затем вернулась в Большой, где ее и встретил британский дипломат Гарольд Эльвин. Виолетта Эльвин была первой советской гражданкой, которую выпустили на Запад при Сталине. Сейчас она живет в Италии. (Д.В.)

— Когда вы впервые встретили Хрущева?

— Это случилось летом 1955 года в Белграде. Я был тогда послом Великобритании в Югославии. Хрущев приехал туда в сопровождении Булганина. Еще чувствовалось дыхание сталинского времени. На прием вместе с Хрущевым и Булганиным пришла большая группа советских дипломатов. Они были ужасно одеты — в каких-то широких болтающихся брюках. Югославы, которые были очень элегантны, с ужасом смотрели на братьев-славян, все еще питавших надежду поставить их страну под каблук. Но Тито был твердый орешек.

— Каким вам запомнился Хрущев?

— Было приятно видеть Хрущева после Сталина. Но мы быстро поняли его непредсказуемый характер. Никким образом он не был легким партнером. В отличие от Сталина он постоянно демонстрировал, что Советский Союз с каждым днем становится все

сильнее, и требовал, чтобы СССР играл роль сверхдержавы, особенно по отношению к развивающимся странам. Страны третьего мира были его приоритетом в международной политике. Как раз в это время он начал визиты в Индию, Египет...

Хрущева не устраивала ситуация в Западном Берлине, введение новой немецкой марки и восстановление Западной Германии по плану Маршалла. Хотя до начала 1960-х Хрущев не имел полной власти, но именно он в 1958 году спровоцировал второй берлинский кризис, который завершился в 1961 году постройкой Берлинской стены. Хрущев понял, что только угрозами не удастся удалить три другие страны-союзницы из Западного Берлина. Тогда он воспользовался политикой пряника и кнута. Пряником была попытка убедить Запад в том, что оккупационные войска в Германии лучше заменить присутствием там войск ООН. (В ООН в это время влияние СССР и его спутников было очень сильно.) Кнутом — всяческие неприятные инциденты, например, авария самолета британской авиакомпании. На самом деле самолет был сбит по приказу советского командования. Но главной угрозой Хрущева было превратить всю Германию в коммунистическую с восточно-германским правительством во главе.

В период от Ялтинской конференции (4—11 февраля 1945) и до блокады Берлина Хрущев был единственным членом Политбюро, который никогда не встречался с дипломатами. Большую часть этого времени он был боссом Украины. Дипломатический же корпус в Москве называл его «палачом Украины». Внезапная трансформация Хрущева в относительно либерального, прогрессивного лидера-экстраверта в 1960-х поразила меня и моих коллег. Для Запада Хрущев был еще более опасен, чем Сталин, который с большой осторожностью вел иностранную политику СССР. Советский Союз тогда уже владел ядерным оружием, так что мы чувствовали в словах Хрущева постоянную угрозу.

С одной стороны, Советский Союз был сверхдержавой наравне с США, с другой — я помню, как меня везли в «Роллс-ройсе» посольства в Ленинград. По дороге нам понадобилось заправиться бензином. Насос подачи бензина оказался в неисправности, и русский шофер стал заливать «Роллс-ройс» вручную. Понимаете, что это такое? Кто-то из русских обронил: «Мы только что встречали Гагарина после его полета в космос, а тут заправляем бак «Роллс-ройса» руками». (Д.В.)

Лондон

после содержательного разговора с одним из таких. Народ вечно представляется им «массой», этакой неразличимой субстанцией, движения которой хаотичны, неосознанны и способны причинить вред не только людям с мозгом больше ореха, но и ей самой.

Отсюда изобретаются весьма простые способы народовождения. Нужно сформулировать некий обобщенный «народный тип» и с ним работать. Если, конечно, он вообще стоит внимания.

В сущности, это и происходит теперь. В ходу безнадежная, но теоретически удобная версия о том, что медведя надо дрессировать, не забывая, что он хищник. Погореловцы,

Валерий КИЧИН

АУТСАЙДЕРЫ

К вопросу о качестве народонаселения

Россия сделала свой выбор, и этот выбор ее потряс. Теперь к власти семимильными шагами движется человек, обещающий восстановить СССР в прежних границах, освободить Финляндию, вынудить бывшие республики попроситься обратно и свалить ядерные отходы на западных границах. О том, как это могло случиться, гадают лучшие умы страны.

Правы погореловцы (см. «Столица», № 45 и 50, 1993): народ наш есть большой ребенок-несмышлениш, выборы это доказали, сообщили в бессонном выпуске «Пресс-экспресса», выходящего в очередь с ночными киножастиками. Поделом демократам, не надо было пускать народ к избирательным урнам, не дают же ножик младенцу, еще зарежется, размышляет наиболее интеллектуальное крыло масс-медиа.

Это, пожалуй, серьезно. Тут стоит подумать о том, чтобы народ как-нибудь заменить. Попробовать другой какой-нибудь, повзрослее. Неясно только, как это осуществить на практике. При всем восхищении Новодворской, прочитав в той же «Столице» статью этой невероятной женщины «Принцип оборотня», я так и не понял, как она собирается избавляться от 9/10 населения, которых «сюда не звали». Ах, эти кремлевские и околосредневековые мечтатели! — у них всегда глобальные проекты, перед безумием которых спасовал даже профессиональный фантаст, провидевший Россию во мгле как раз

стало быть, и тут правы: непослушного медведя надо лишать очередной пайки. Называется — дрессура. И народ не прав, когда бастует и нахально требует выдать ему ноябрьскую зарплату хотя бы в феврале. Он только мошка и должен терпеливо ждать кормежки...

Усилиями бывших демократов уже создан собирательный образ человека, голосовавшего против ныне власти имущих. Это обросший, опустивший субъект с мутными от пьянства глазами, неспособный к сознательному труду и серьезному осмыслению действительности — плод семидесятилетнего убийства в человеке человека. Придумывая когда-то рубрику «Занимательная мутантистика» для «Столицы», я и не предполагал, что теория о народо-мутанте (ребенке-несмышленише, средневековом рабе, динозавре мировой сцены с птеродактилем в роли Буревестника) уже всерьез начинает бурлить и пузыриться в умах новейших кремлевских мечтателей.

«Баунти» — ра-айское наслаждение... Но оно не для маргиналов, бомжей духовных, аутсайдеров закоренелых. Которых, повторяю, половина или, по Новодворской, даже девять десятых населения...

Под Новый год пришло известие: денег больше нет, баста, институт объявляет бессрочные каникулы. Собравшимся в скорбном молчании ученым сказали, что нечем платить за препараты и химикаты,

электроэнергию и телефон, что, по всей вероятности, придется отключить отопление и, уж во всяком случае, нет средств для зарплаты. Так что ходить в лаборатории больше незачем. Гуляйте, братва!

Это назревало давно. Второй дом, каким сотрудники одного из ведущих академических институтов столицы привыкли считать это старое здание, набитое приборами, пробирками и кипятильниками для варки чая — традиционного ученого обеда, этот второй дом хирел на глазах, становился все менее обжитым и пригодным для процветания научной мысли.

Первой забила тревогу библиотека. У нее срезают фонды на подписку, и тощенький ручеек иностранных научных журналов, скудно и с опозданием, но все-таки питавший ученые умы необходимой информацией о работах зарубежных коллег, стал сохнуть и вскоре иссяк вовсе. Давняя мечта сталинских кардиналов о том, чтобы эффективно оберегать чистоту советской науки от западных влияний, таким образом, успешно осуществилась. И что особенно ценно и удивительно — осуществилась как бы сама собою, без предварительных идеологических разборок и утомительных заседаний ЦК. Осуществилась, когда Сталин уже успел быть и внесен в мавзолей и вынесен из него и когда лучшие умы державы уже склонялись к тому, чтобы вынести заодно и Ленина. Осуществилась, когда, казалось бы, для сталинских светлых идей все было кончено и страна, объявив демократию, семимильными шагами шла к развитому капитализму.

Вслед за библиотекой закрылась институтская столовая. Обед, который был уже способен за неделю съесть всю зарплату среднестатистического ученого, не находил более спроса, очереди к шницелям поределели, а потом исчезли, столовая стала гореть; она попыталась спастись на путях модной предприимчивости, открыла коммерческое кафе, но дороговизна окончательно отвадила ученых от привычки обедать. И тогда столовую покинули не только потребители, но и повара.

Зарплату теперь не выдавали месяцами. Будущее было неопределенно, оно явно не сулило улучшения, и лаборатории стали быстро пустеть. Те из ученых, кто был моложе и предприимчивей, не без цинизма решили, что, раз наука более не кормит, значит, надо менять профиль. И пошли в брокеры, стали торговать в коммерческих магазинах, завели свой бизнес. Это вполне соответствовало лозунгу, который активно внедрялся в массы, — каждый должен отвечать за себя, никто не даст нам денег, ни Бог, ни царь и ни герой, и только собственной рукой можно соорудить хоть какое-нибудь благополучие. Каждый стоит столько, сколько стоит, и если наши милые ученые настолько бездарны, что не могут себя прокормить, то уж извините.

Среди ученых были, естественно, и

такие отщепенцы, кто не хотел бросать профессию, выбранную еще с юности, — они надеялись: вот подождите, власти образумятся и поймут, что страна без науки, как человек без разума. И не станут рубить тот фундаментальнейший сук, на котором мы все сидим.

Ученые оказались постыдно близоруки. Они ошиблись. Сук рубили так, что только щепки летели. Российские ученые — те, кто был легок на подъем, — стали разлетаться по Австралиям и Новым Гвинеям, не говоря уже о знаменитых своими мощными эмигрантскими силами университетах Израиля и США.

Но оставались пока и такие чудики, которые по-прежнему каждое утро понуро брели в свои любимые лаборатории, все еще надеясь осчастливить страну и человечество новыми открытиями. Золотые горы, которые сулили со всех телеэкранов люди бизнеса, им были безразличны — они любили свое дело, они ему посвятили жизнь и хотели быть ему верны. Да и не умели они делать бизнес, они умели делать науку, и эта бывшая привилегия стала теперь их крестом и несчастьем.

На своих рабочих столах они находили приглашения престижных зарубежных институтов приехать на конференцию, сделать доклад, их труды еще перепечатывались западными научными журналами, мировая наука еще держала их за людей.

Но поехать на конференцию было не на что. Не на что было даже отправить коллегам вежливый отказ («неотложные дела, к сожалению, не позволяют...»). Неотложных дел и правда накопилось уйма — надо было, например, кланяться институтскому начальству, выбивать деньги хотя бы на подопытных мышек, без которых наука не движется, но каждая из которых стоила теперь не меньше автомобиля «Запорожец» в доперестроечных ценах.

Мышки иссякали на глазах. Иссякали химикаты и препараты. Дядя Вася, от века поддерживавший небогатый парк институтских приборов неназойливым техническим сервисом, плюнул на бедолаг и ушел в престижный банк охранником. Приборы стали ломаться и уже не отвечали мировым стандартам.

Институт, еще недавно шумный и многолюдный, постоянно генерировавший научные идеи, институт, работавший на будущее — ибо от наук фундаментальных нет прямого сиюминутного прока, без них просто остановилась бы человеческая мысль, — пустел на глазах. Он сам оказался без будущего — молодежь более не стремилась, как некогда, попасть на этот научный Олимп, уже не приезжали сюда преисполненные благоговения аспиранты со всех концов огромной страны — белолицые и узкоглазые, с грузинским обаятельным акцентом и в среднеазиатских тюбетейках. Страна сохлась, у соискателей научной славы не было более ни де-

Сколько таких финалов по России?

Фото ИТАР-ТАСС

нег, ни желания идти в науку, ступать на этот тонущий, брошенный капитанами корабль.

Старики уставали и уходили. Молодые не приходили. Оставались люди поколения среднего, растерянного — у них была впереди еще значительная часть жизни и были серьезные научные планы, но осуществлять эти планы теперь надо было уже не в большом и славном коллективе, а в одиночку.

Хотя в науке истина рождается, как известно, в спорах. Только спорить было уже некому. Не с кем. И как бы незачем.

И вот финал. Вынужденный отпуск без сохранения содержания и надежд. Институт за институтом объявляют о своей финансовой несостоятельности. Десятки тысяч отечественных научных светил оказались ненужными новой России.

На что теперь живут ученые — те, кто упорно не хотят поддаваться в коммерцию и по-прежнему верят в свое научное предназначение, — уму непостижимо. Со стесненным сердцем, наступив каблуком на собственное самолюбие, пишут заявки на обещанные гранты Сороса — добрый заокеанский дядюшка пока подает на нищету нашу, но что может сделать один заграничный миллионер для спасения российской науки, если сами власти российские все делают, чтобы ее укокошить?

А потом изумляются консерватизму подведомственного народа, дивятся ностальгическим настроениям, которым подвержена часть населения.

Как показали выборы, значительная часть. Решающая часть.

Из сообщений печати: подмосковный город Фрязино, один из мозговых центров России, где один из самых низких уровней средней заработной платы в стране, сказал свое веское «да» Жириновскому — 36 процентов жителей здесь клюнули на его обещания немедленно вернуть народу поруганное достоинство.

И что же? Каковы выводы? Сделаны ли хоть какие-нибудь?

Шок сменила растерянность, и теперь популярен, как сказано, тезис о низком качестве народонаселения. Пресса оживленно обсуждает оче-

реднюю атаку «маргиналов», «люмпенизированных слоев населения», которых что-то стало чересчур много. Известный журналист-политолог удивлен: тут свободу можно хлебать ложками, ешь — не хочу, а этот непостижимый народ все о колбасе да о колбасе.

Неужто не понимают, что «стало легче дышать»?!

Все ломают головы в поисках способа управлять таким неблагодарным народом. Плеткой? Диктатурой? Кнутом и пряником? При этом, естественно, речь сначала о кнуте, потому что с пряниками временные трудности.

Благодарность народа за обретенную свободу и впрямь заставляет себя ждать. Это вообще сложная штука — психология аутсайдеров. Мы все, независимо от личной удачливости, оказались чужими в собственном доме.

Чужой — это когда ты не нужен. Когда как бы лишний. Когда государственные мужи строят теории, имея в виду интересы политические, экономические, какие угодно, только не человеческие. Нерентабельный завод должен умереть, говорят они злоевоше. И они правы. Но человек с этого завода абсолютно точно понимает, что это о его, а не железного завода, смерти идет речь. Армию нужно сократить, продолжают реформаторы. А офицер с женой горюют, потому что это не армию, это их конкретно выгонят на улицу и лишат средств, надежд и профессии. Экспериментируя с деньгами, реформаторы умеют добиться только одного — вновь и вновь методично обчищают карманы сограждан, отнимают сбережения, скопленные на холодильник, на пальто, на похороны. Так разумные в основе, исторического значения идеи, в отрыве от их человеческого наполнения, не встречаются в людской массе ни понимания, ни поддержки. Именно поэтому, что «история» и «масса» в такой интерпретации оторваны от жизни и человека. И даже ему, конкретному, враждебны.

Каждому сказано: выживай как можешь. А если не можешь — туда и дорога. И за бортом оказались не только хрестоматийные уже старушки, но и совершенно здоровые, сильные и

полные амбиций люди. Униженные и оскорбленные, затравленные и не знающие, что ждет их завтра, они готовы броситься в объятия любому, кто готов к решительным действиям. Кто даст сигнал — в атаку! Пусть даже сигнал безумный. В обезумевшей стране он кажется вполне гармоничным. Вот как это выглядит на уровне не гипотетического динозавра, а нормального человека, для счастья которого, как предполагалось, затеяны все реформы.

Бросив страну на волю рыночных волн, пустив ее в плавание не оснащенную не только навигационными картами, но даже и компасом приличным, власти мистически надеются, что волны эти непременно вынесут куда-нибудь к берегу лучезарному, мирному и обильному. Выносит же — к берегу захламленному, отравленному и кишашему хищниками. Почему?

Да потому что в таком море плавать приспособлены только торговые корабли. Врач, который торгует своей профессией, забывает про клятву Гипократа и становится нормальным базарным мясником. Ученый, ищущий сиюминутную выгоду, будет ничем не лучше народного академика Трофима Лысенко, который так радел о собственном профите, что стал первым в истории академиком-монополистом на все научные истины сразу. Журналист, пишущий применительно к обещанному гонорару, свободен только от двух вещей — совести и здравого смысла. Артист, творящий по заказу полуграмотного, но самодовольного жлоба-натурщика, ничем не лучше и никак не свободнее, а только вульгарнее артиста, танцующего под партийную дудочку.

Все это Россия сегодня имеет в

изобилии. И все это она уже проходила. Так что же нового принес ей тогда рынок?

Новый уровень оплаты отдельных лиц? Да, теперь газеты могут с ликованием известить народ о том, что поп-певец Дима Маликов купил умопомрачительный кабриолет ценою в 120 тысяч долларов — чтобы «показать всяким Титомирам, кто есть кто».

Благая цель, благая весть. Россия рада за Диму Маликова, она тоже ликует. Говорят, на показательном мероприятии в честь дочки одного из «ню-русских» в славном городе Вене, в старинном замке, пел сам Паваротти. Радость прет: мы все свободны съесть ананас, пожевать рябчика в «Белом таракане» (есть в Москве такой элитный клуб) и, как высшее счастье, поехать с концертом на Брайтон-Бич.

На вопрос, откуда дровишки, нам вразумительно отвечают: неприлично заглядывать в чужой карман. Но при этом все учили математику в школе и понимают, что если нуворишь отваливает деньги на венские замки и Паваротти, то эти деньги вылились из отечественного бассейна и более туда никогда не выольются. Наши, между тем, деньги. Тех же ученых, что не могут дожидаться зарплаты. Тех же актеров, над которыми потешаются избалованные мальчишки из столичных тузов. Эти взбесившиеся деньги поноводной рекой выливаются из страны, и тот, кто открыл им шлюзы, естественно, не может рассчитывать на популярность у встревоженных сограждан.

Произошло, в обстановке правового беспредела, новое насильственное перераспределение национальных богатств, совсем уже безумное

и самоубийственное, — а нам втолковывают, что это и есть рынок, что хапнувшие от скудного общественного пирога нувориши со временем бросят уголовные ухватки, цивилизуются и образуются, что со временем именно они и составят надежду и цвет нации. Было, мол, так уже в Америке. Даже сериал затеяли показывать про элегантных американских бандитов — вот и там было плохо, а как стало потом хорошо!

Понятие нравственности, таким образом, оказалось окончательно устарено из нашего обихода. Вот вам еще один повод для массовой ностальгии: прежде обещали коммунизм и отдельную квартиру к 2000 году, теперь нам предлагают ждать неопределенно дальнего будущего, когда хомо хищникус насытится виллами, ночными клубами да мерседесами, привыкнет мыть руки шампелю и снова станет человеком.

Мой знакомый кандидат наук, человек в высшей степени цивилизованный, умница и демократ без кавычек, так и не дождавшись своей нищенской зарплаты и отчаявшись накормить семью, не голосовал за «Выбор России». Он теперь мрачнеет, едва завидев на телеэкране Гайдара или Ельцина.

Для них все происходящее — лишь крупная политическая игра. Для него, в одночасье лишившегося и профессии, и будущего, — игра на выживание.

Люди загнаны в угол. И мы пытаемся предсказать их поведение?

Уважаемые подписчики журнала «Столица»!

Только для Вас

Центр лазерной терапии
проводит

высококвалифицированное
медицинское
обслуживание с
применением последних
достижений науки и
техники с 20-процентной
скидкой оплаты
за лечение.

ТЕРАПИЯ:

- острый инфаркт миокарда,
- ишемическая болезнь сердца,
- окклюзионные заболевания сосудов ног,
- язвенная болезнь желудка и двенадцатиперстной кишки,
- неспецифические заболевания легких.

АРТРОЛОГИЯ:

- ревматоидный артрит,
- деформирующий остеоартроз и др.

НЕВРОЛОГИЯ:

- невралгия тройничного нерва,
- неврит лицевого нерва,
- дисциркуляторная энцефалопатия и др.

ОТОРИНОЛАРИНГОЛОГИЯ:

- острые и хронические воспалительные заболевания ЛОР-органов.

ДЕРМАТОЛОГИЯ:

- нейродермит,
- экзема,

- красный плоский лишай,
- трофические язвы, псориаз.

УРОЛОГИЯ:

- хронический простатит,
- импотенция и др.

ГИНЕКОЛОГИЯ:

- функциональное трубное бесплодие,
- хронический сальпингоофорит и др.

СТОМАТОЛОГИЯ:

- пародонтоз,
- афтозный стоматит,
- десквамативный глоссит,
- герпетический стоматит и др.

Адрес: Москва, 1-я Сокольническая, 8 (м. «Сокольники»), тел. 269-43-54.
Предъявите квитанцию о подписке на «Столицу» на 1994 год,
и лечение Вам обойдется на 20 процентов дешевле!

«ПИКОС» — производственная ассоциация, работающая под девизом «За разумную экологию»

Производственная ассоциация «ПИКОС» выросла из производственного кооператива «ПИКОС», образованного под руководством опытного строителя Валерия Андреевича Попова. Ядро кооператива составили лучшие специалисты «Союзморниипроекта» — головного морского проектного института в Союзе.

На счету «ПИКОСа» такие работы, как: проектирование причалов Восточного порта, порта г. Бердянска, судоремонтных комплексов в Петропавловске-Камчатском; строительство причала в торговом порту г. Бердянска и многое другое.

Со временем кооператив «ПИКОС» вырос в производственную ассоциацию, которой и поныне руководит Валерий Андреевич Попов. Главная задача «ПИКОСа» — привлечение современных технологий для производства продукции, являющейся дефицитной, а также конкурентоспособной на мировом рынке.

ОДНА СТОРОНА

В настоящее время ассоциация «ПИКОС» располагается в муниципальном округе «Солнцево» и является генеральным подрядчиком по реконструкции этого округа, одного из самых экологически чистых районов Москвы. Разрабатывается концепция реконструкции 1-го и 2-го микрорайонов МО «Солнцево», состоящих из ветхого пятиэтажного жилого фонда. Сегодня строится переселенческий фонд для начального этапа. Капитальная реконструкция будет проводиться на основе новых современных проектов и инженерных коммуникаций.

Вложение средств в такую сферу производства, как строительство, а тем более такого масштаба, — одно из самых выгодных. Производственная ассоциация «ПИКОС» на взаимовыгодной основе призывает инвесторов проявить интерес к этой реальной на сегодняшний день программе.

Вблизи Переделкина запроектирован коттеджный поселок из 40 коттеджей с высоко развитой инфраструктурой и комплексом современных услуг. Все дома оригинальны, так как строятся они будут на основе собственных проектов. В настоящий момент реализуется первый этап в строительстве поселка — закладка четырех коттеджей.

Дома предлагаются к продаже из расчета 750 \$ за 1 кв. м площади.

ДРУГАЯ СТОРОНА

Направлением деятельности «ПИКОСа» является конструирование и производство тепло-технического инженерного оборудования для дач и коттеджей.

В условиях значительного увеличения в бли-

жайшие годы объемов строительства индивидуального жилья и небольших производственных объектов возрастает потребность обеспечения села и пригородных зон автономными системами инженерного оборудования.

На решение этой задачи направлена комплексная программа, в результате которой планируется выход на серийное производство автономных систем теплоснабжения с использованием новейшей теплонасосной техники и современных конструкций аппаратов на органическом топливе, а также автономных систем очистки сточных вод канализации.

По данным московских институтов, занимающихся коттеджным строительством, потребность в автономных генераторах тепла различного типа для нового строительства и замены существующего оборудования составляет около 1400 тыс. шт./год, при этом в настоящее время общий объем производства различных типов малозффективных, в основном однофункциональных, источников теплоты составляет около 750 тыс. шт./год.

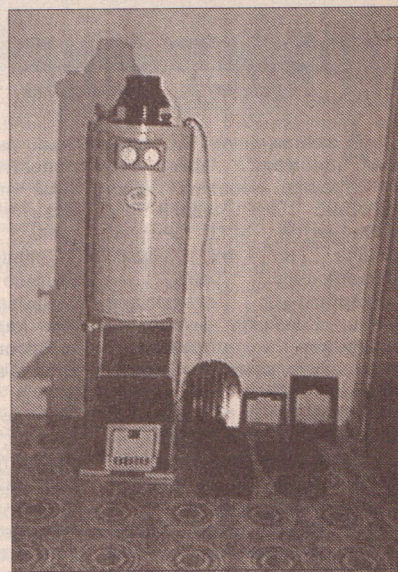
В настоящее время ассоциация «ПИКОС» активно разрабатывает и внедряет в производство новейшие типы тепловых насосов, комбинированных твердо-газотопливных аппаратов и автономных очистных сооружений для малоэтажного строительства.

В результате на настоящий момент проделана следующая работа:

1. Разработана полная конструкторская и технологическая документация на комбинированный отопительный агрегат АКТГВ-17.5, проведены государственные испытания в Центре газовой аппаратуры России, получены результаты, превышающие все известные образцы, выпускаемые в России и по некоторым техническим характеристикам превышающие зарубежные аппараты.

Агрегат позволяет обеспечить автономное отопление коттеджа с отапливаемой площадью 150 кв. м и одновременно обеспечивает горячее водоснабжение в режиме городского комфорта. Аппарат работает как на газовом топливе в автоматическом режиме, так и на любом виде твердого топлива. КПД аппарата составляет 82,2%, что существенно выше многих известных зарубежных образцов. Выпущена первая промышленная партия (80 шт.) на арендованном участке завода «Металлист» в г. Электросталь, получившая прекрасные отзывы потребителей.

Недостатком выпуска данного оборудования является пока большое количество ручного труда и отсутствие необходимой оснастки производства. В связи с этим на данном этапе себестоимость продукции остается высокой.

2. Разработана полная конструкторская документация на отопительный комбинированный аппарат АКТГВ-29.

При внедрении его в производство появится возможность осуществить теплоснабжение и горячее водоснабжение здания площадью 250—280 кв. м. В настоящее время происходит внедрение аппарата в производство и разработка технологической документации.

3. Разработана конструкторская и технологическая документация на автономные мини-очистные сооружения для нужд индивидуального коттеджа, группы в 3—4 коттеджа, фермерского хозяйства.

Установка имеет как контур грубой очистки, так и тонкую очистку, что позволяет на выходе получить воду технического качества, пригодную для полива, а также признанную СЭС для слива на естественный рельеф местности. Это особенно важно в связи с отсутствием, как правило, централизованных канализационных сетей в сельской местности и пригородах.

4. Разработана конструкторская документация на пароконденсационный тепловой насос, позволяющий использовать низкопотенциальное тепло грунта, очистных сооружений, отходов промышленных производств.

Заканчивается испытание опытного образца теплового насоса мощностью 30 кВт. Проработан вопрос о комплектации и производстве аппарата на заводах Московской области.

Все предложенное к производству оборудование разрабатывалось крупнейшими специалистами в данной области и в настоящее время промышленностью России не производится.

Ассоциация «ПИКОС» готова сотрудничать с отечественными и иностранными партнерами вплоть до создания совместных предприятий.

В строящихся по передовой технологии монолитного домостроения двух 22-этажных домах повышенной комфортности (кухня от 12 кв. м, в 2—4-комнатных квартирах два санузла) предлагаются к продаже квартиры по цене от 400 \$ за 1 кв. м площади.

1-комнатная	42 кв. м	\$ 16 800
2-комнатная	66,5 кв. м	\$ 26 600
3-комнатная	90,6 кв. м	\$ 36 240
4-комнатная	110,3 кв. м	\$ 44 120

Сдача первого дома — декабрь 1994 г.

Адрес: 119620, Москва, а/я 507
Тел. (095) 934-86-10
439-05-62
439-63-74
Факс (095) 934-30-33

ГРЯДЕТ ЕЩЕ ЭТАП...

Американцев про-должает, как это ни странно, заботить наша реформа: в январе в пресс-центре МИД России прошла на их деньги конференция. Тема — «Приватизация: следующий этап». Созвана была по инициативе московского представительства американского фонда «Наследие». Конференция привлекла множество — около двухсот — специалистов, как пишущих про приватизацию умные книги и теоретические статьи, так и занимающихся этим делом сугубо практически — на конкретных заводах, фабриках, фирмах в самых разных точках России: в Москве и Санкт-Петербурге, Пскове и Нижнем Новгороде, Костромской области и Рязанской, Курской и Волгоградской, Брянской и Владимирской, Воронежской и Самарской. Непосредственно участвовали в организованной ими конференции и с десятком американских ученых и политологов.

Ничуть не умаляя значения форума, рискну умозаключить, что все-таки центральным его событием, которого все с нетерпением ждали, явилось аналитическое выступление Егора Гайдара.

Из всего услышанного от Гайдара битком набитый зал мог сделать вывод, что первый этап приватизации в многострадальной России, кажется, завершен, и притом, по мнению экс-вице-премьера, весьма недурно: «Реально сформирован довольно мощный частный сектор. Столь же реально создан фондо-

вый рынок. И теперь для приватизированных предприятий главной проблемой становится проблема инвестиций».

Значит, что остается — и дальше «так держать»? Нет, оказывается, не так: сегодня уже надо менять приоритеты в процессах приватизации. Егор Гайдар считает, что к этому призывает общая экономическая логика: «Во-первых, следует переориентироваться от универсальных решений к индивидуальным, обеспечивающим максимальную эффективность мероприятий по отношению к той доле собственности, которая до сих пор остается в руках государства. Во-вторых, требуется переходить от бесплатных форм приватизации к платным, позволяющим мобилизовать крупные финансовые ресурсы. И в-третьих, предстоит максимальная увязка приватизационных процедур со стимулированием инвестиционной деятельности предприятий». Это те самые первоочередные меры, которые, по мнению лидера «Выбора России», должны быть заложены при разработке нормативных актов, призванных регулировать процесс после 1 июля 1994 года, то есть с предполагаемым началом следующего, второго этапа российской приватизации.

Естественно, что Гайдар-политик очень серьезное значение придает целям приватизации в отношении общественно-политической ситуации в реформируемой России. Кое-какие из этих ко-

нечных целей, поставленных реформаторами из его команды перед началом приватизации, по мнению Гайдара, почти достигнуты, хотя, может быть, пока еще не в полной мере: создан экономический фон, на котором уже может работать рыночная экономика, и имеется предпосылка к созданию мощной социальной коалиции, способной предотвратить коммунистический рывок в стране. Иными словами, «созданы широкие общественные слои, которые категорически не заинтересованы во вторичной национализации собственности в России». Егор Тимурович уверен, что процесс этот практически необратим: «Вряд ли тот, кто уже стал собственником, опять захочет, чтоб над ним в качестве начальника стоял второй секретарь райкома, чтоб таскали «на ковер», на партсобрание и т.д.»...

Однако, упоминая успехи приватизации, депутат Госдумы не скрыл и своей серьезной обеспокоенности тем, что если угроза «левого» экстремизма (ставящего своей целью радикальное перераспределение собственности) несколько отступила и уже не столь актуальна, то угроза «правого» экстремизма, то есть радикального национал-экстремизма, вполне реальна сегодня.

От правозащитного поворота нас может гарантировать лишь эффективный экономический рост, преодоление резкой дифференциации доходов людей, эффективная социальная политика, обеспечение порядка в государстве и т.п.

Журналисты поинтересовались у Гайдара: не считает ли он, что какие-то мало-

мальские успехи реформы в России связаны только с приватизацией, а больше ни с чем?

— Нет, я так не считаю, — сказал Гайдар и, как всегда, хладнокровно разжевал присутствующим: — Ведь реформа включает несколько основных направлений. Это, во-первых, либерализация экономики. Во-вторых, формирование открытой экономики. В-третьих, приватизация. В-четвертых, финансовая стабилизация. Так вот, первое нам удалось вполне: экономика была либерализована, рынок в России, в принципе, свободен, с дефицитом покончено. Второе направление тоже, в общем-то, удалось: сегодня российская экономика — одна из самых открытых в мире (к счастью, пока не введены количественные ограничения по импорту; уровень импортных тарифов пока ниже, чем в средних развивающихся странах; национальная валюта конвертирована по текущим операциям). Третья задача — приватизация — решена более или менее удовлетворительно. Не решена лишь одна фундаментальная задача первого этапа реформ — финансовая стабилизация... Не решена по многим причинам, но главным образом потому, что в самом начале реформы — в 1992 году — мы имели дело с парадоксальной моновалютной системой с... 15 национальными банками, эмитирующими одну и ту же валюту. То есть эффективность нашей финансовой политики зависела от нескоординированных действий других центральных банков государств «рублевой зоны». А затем — время было потеряно.

...Обстоятельно обсудив с американскими спонсорами-политологами-экономистами различные аспекты заявленной темы — «приватизация и федерализм», «приватизация на местном уровне», «программы международной помощи и приватизация», «демонологизация и сокращение объема вмешательства государства в экономику», — российские теоретики, практики и начальники в области приватизации с новыми силами разъехались по домам. Вершить следующий приватизационный этап.

Рис. В. Чумачева

Григорий КРОШИН

МОЖЕТ ЛИ ДВИГАТЕЛЬ СТАТЬ ВЕЧНЫМ?

Плохие дороги — вечная российская беда, и вряд ли в обозримом будущем что-то здесь изменится к лучшему. А страдают от плохих дорог и люди, и техника, работающая на пределе своих возможностей. Владельцы автомобилей прибегают к любым ухищрениям, чтобы хоть немного продлить жизнь своих машин. Одним из наиболее известных способов уменьшения износа автомобильных деталей остается применение различных присадок для улучшения качества масла. И нередко автомобилисты «играют втемную», покупая сомнительного качества продукцию, поступившую неизвестно откуда. Между тем в России давно разработан и внедрен препарат, позволяющий действительно достичь желанного результата. Называется он «Аспект-Модификатор» и выпускается акционерным обществом «Амтек». О том, что представляет из себя этот чудо-препарат, рассказывает генеральный директор АО «Амтек» В.К.САВИНОВ:

— В отличие от присадок для улучшения качества масла «Аспект-Модификатор» воздействует непосредственно на металлические поверхности трущихся деталей, покрывая части двигателя и трансмиссии тончайшей защитной оболочкой. Таким образом, он значительно уменьшает силу трения — то есть износ деталей, а заодно защищает их от коррозии и воздействия активных веществ, которые могут образоваться при работе механизмов.

— Что значит «значительно уменьшает силу трения»?

— На 30 процентов, а это снижает износ деталей на 60—80 процентов. При этом скорость автомобиля возрастает на 2—5 процентов, экономится масло (8—10 процентов) и топливо (5 процентов).

— Звучит красиво, но наш потребитель, знаете ли, бывает столь часто обманут, что не очень верит словам.

— Но это не слова, а данные испытаний нашего препарата, которые проводились на тридцати предприятиях, включая такие крупные, как Волгоградский моторный завод, Уральский автоторный, ЗИЛ, Научно-исследовательский

физико-химический институт им. Л.Я.Карпова. За два года «Аспект-Модификатор» собрал богатый «урожай» дипломов на крупных международных автомобильных выставках и автосалонах. Но лучше всего, конечно, самому убедиться в его достоинствах: можете залить «А-М» один раз, и этой «порции» хватит на весь срок службы вашего автомобиля. Одно важное пояснение для автолюбителей: «А-М» не заменяет масла, но в случае его утечки позволит вам добраться до мастерской или гаража. Кстати, препарат сегодня используется не только автомобилистами — он работает, например, в судовых установках.

К сожалению, из-за разрыва традиционных связей между регионами мы вынуждены заниматься не только производством, но и распространением «А-М», что отвлекает силы и средства. Поэтому в своем фирменном магазине «Амтек» продаем лишь два процента своей продукции, остальное, как правило, реализуем крупными партиями коммерсантам. У них он стоит в два-три раза дороже, но все равно это выгоднее, чем платить бешеные деньги за вышедшие из строя детали.

Между прочим, аналогичные препараты на Западе дороже в десятки раз.

— А вы способны насытить «Аспект-М» российский рынок?

— Во всяком случае, в 1994 году будем увеличивать производство и рассчитываем, что несколько миллионов автомобилей пройдут обработку с применением «А-М». Недавно «Амтек» объединил свои усилия с известной компанией «Гермес-Планет», которая выступает в качестве инвестора и, обладая широкой сетью филиалов, помогает в реализации нашей продукции.

— А к зарубежным рынкам ориентируетесь?

— У нас есть ряд предложений от фирм Юго-Восточной Азии, Африки, Ближнего Востока. Но выход на международную арену не является для «Амтек» самоцелью. Главный рынок для нас — Россия, страны СНГ, мы прежде всего ориентируемся на потребности и возможности этого рынка.

Публикуется на коммерческой основе

ДОРОГАЯ ФОРМУЛА

Недавно объявлено, что свободная экономическая зона Калининграда получила «добро» на строительство трека для автогонок класса Формула-1. Трек якобы будет готов к 1997 году. Источник финансирования проекта не называется. А стоят подобные вещи, с учетом необходимой инфраструктуры, в пределах 40—50 миллионов долларов.

Но в России не только деньги могут стать барьером на пути к красивой мечте — иметь трек для Ф-1. В Тольятти, например, подобная идея прорабатывалась группой вазовских энтузиастов еще с 1980 года. Где-то к середине 80-х, с помощью Института градостроительства, была разработана идеология трассы в Тольятти, подготовлена вся документация. Даже намелилась возможность выделения денег на проект. Однако городские власти так долго «изучали вопрос», что, по словам одного из инициаторов проекта, ныне президента АО «АвтоВАЗтранс» Владимира Белякова, «все лучшие земли захватили, и нас, в конце концов, посчитали нужным вытолкнуть на городскую свалку» (ныне она закрыта). Рассчитывать же на то, что найдется чудак, готовый тратить деньги на реконструкцию и благоустройство свалки, на место которой потом вряд ли кого-то заманишь, — бессмысленно, считает г-н Беляков.

А вот Андрей Буелов, президент «Ротатор-компани» уже в наши дни, подошел к идее «Формула-1 на свалке так на свалке» более оптимистично. Он даже взялся представить эскизный проект в Париже, на уровне Международной федерации автоспорта. И высказал намерение приступить непосредственно к рабочему проекту трассы. Проблема лишь в деньгах: по расчетам г-на Буелова, только трасса (без учета пяти- и четырехзвездочных отелей, прочего сервиса) обойдется в 24 миллиона долларов. Сам он готов финансировать проект, но не в одиночку. «Смогу я, допустим, отпустить пять миллиардов рублей в год», — признается миллиардер. Но чтобы трек не стал новым долгостроем, нужны мощные партнеры. А их еще надо убедить. Короче, пока в Тольятти замкнутый круг, из которого не видно выхода, в Калининграде намерены строить трек. Кажется, не на свалке.

Сергей МЕЛЬНИК

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Вы желаете преуспевать в этой жизни, быть здоровыми, жизнерадостными, уверенными в себе и в своем будущем! Уникальные программы ЦЕНТРА БЫСТРОГО ЧТЕНИЯ помогут Вам в этом. Вы будете читать в 5—10 раз быстрее, разовьете мышление и память
ВЫ ЗАБУДЕТЕ, ЧТО ЗНАЧИТ ЗАБЫВАТЬ!
Обучение ведется очно и заочно.
Для сотрудников предприятий, банков и фирм проводятся выездные занятия.

Наш адрес: 125047, Москва, 1-й Тверской-Ямской пер., дом 11, телефон: 251-99-47.

АО РАУ-Корпорация

Обращает внимание деловых людей на то, что вышел в свет «Регистр РАУ-Пресс» на немецком и английском языках.
Для пользователей ПК имеется электронная версия.

Регистр и электронная версия содержат информацию о 50 тысячах предприятий — производителей товаров и услуг стран СНГ и Балтии.

Обращаться по адресу:

113054, Москва, ул. Бахрушина, 32, строение 2

Телефоны: 231-68-29, 231-03-28, 231-02-86.

ЕСЛИ ЗВЕЗДЫ ГАСЯТ, ЗНАЧИТ, ЭТО КОМУ-НИБУДЬ НУЖНО?

Малое производство и приватизация

У меня была фабрика, почти 400 человек, система отделений, разбросанных по всей Москве. После приватизации этих отделений ни одно ателье не функционирует как ателье, во всех теперь коммерческие или продуктовые магазины. Осталась я одна — бывший директор. У нас же не любят бывших директоров, да и еврейкой быть непрестижно. Когда начиналась история с нашей приватизацией, все дружно кричали (особенно местные власти) — на черта она нужна, она же продаст все и уедет в Израиль! Вот на это они зря надеются. Я похоронила маму в Грозном, я еле вывезла оттуда папу в Пятигорск к сестре, у меня достаточно других нерешенных проблем здесь, в России.

В общем, после двух с половиной лет приватизации у меня осталось всего три действующих ателье — на Пушечной, на Косыгина и на Филах. Остальные разодрали за моей спиной префекты. И на месте, где сидел аппарат управления фабрики, я создала новый экспериментальный цех. Я разделила свой бывший кабинет перегородкой, в одной половине сделала бельевого цеха, в другой — верхней одежды, набрала людей по конкурсу из тех ателье, которые развалились после приватизации. Здесь я отрабатываю модели, которые потом раздаю по своим оставшимся производствам. И каждый день — масса

Наталья НАФТАЛИЕВА — директор АО «Грация», член правления Московской ассоциации частных и приватизированных предприятий — женщина милая и обаятельная, с чисто женской эмоциональностью и работоспособностью. А уж упорства и, как это ни парадоксально, мужества ей не занимать. Что вполне доказывает весь ее почти пятнадцатилетний опыт директора фабрики по пошиву и ремонту одежды и само существование АО «Грация» в сегодняшних экономических условиях.

звонков, масса желающих пошить себе что-то отличное от того, что можно купить на этих ужасных базарных ангорковых куцах.

Я теперь шью все — от лифчиков до шуб, мне никто не указывает, что можно, а что нельзя. Я всегда мечтала одевать и женщину, и мужчину от «а» до «я». Но, к сожалению, у меня нет финансовой возможности заниматься чистым творчеством. Раньше у меня были льготы, потому что я — служба быта и оказываю ремонтные

услуги, сейчас у меня этих льгот нет...

Любому нормальному человеку понятно, что отремонтировать вещь дешевле, чем купить новую. И потом, бывают же любимые вещи, к которым вы привыкли, в которых вам уютно — они ведь тоже снашиваются. Или если у вас молния сломалась — вы же не выбросите вещь. Вы идете в ремонт. Но меня и из этого помещения пытались выгонять. Префект Западного округа Брячихин мне тогда говорил: «Это малое предприятие нам не нужно». У нас, мол, есть объединение «Черемушки», которое лифчики шьет, есть фабрика «Москва», которая шьет мужские сорочки. Но наш человек, российский, отличается своими габаритами. Ко мне тут такие мужчины приходят — за этими спинами от бомбежки можно прятаться — попробуй-ка на них стандартное что-нибудь надень! Да, были у нас когда-то магазины «Богатырь». Но при воспоминании об их ассортименте волосы до сих пор дыбом встают. Или другая проблема: где шить специальное белье женщинам с послеоперационной грудью, после гинекологических операций? Я понимаю — мужчин, которые сидят у нас на руководящих постах, эти проблемы не волнуют.

Когда я с ними разговариваю, все время спрашиваю: а что, разве вам не нужно отремонтировать сорочку? И вот тут я, как правило, наступаю на любимую мозоль. Я очень резкая стала после того, что пережила за эти два с половиной года. Я уже

думаю — будь проклят тот день, когда я приватизировалась. Прокуратура нас не защищает, потому что мы считаемся частным предприятием, хотя приватизация у нас прошла коллективная, милиция нас не защищает — мы никому не нужны. Тем не менее мужчины сорочки ремонтировать их жены к нам бегут.

Искусственная безработица

Я говорила Гайдару на одном из заседаний нашей ассоциации, что безработица у нас — искусственная. Сколько швей сидят без работы и скольких я могла бы взять к себе! Но у меня нет площадей, у меня все «коллективизировали». У меня забрали сырье, оборудование, помещения, а кредиты под это брала я. И я осталась с персоналом из пяти человек, которые меня не бросили, потому что им некогда было деваться, и с долгами в 150 тысяч, по тем временам это были большие деньги. Все остальные отвалили, не получив у меня даже разделительного баланса. А теперь почти все рабочие из этих приватизированных ателье оказались на улице.

Недавно был звонок из моего бывшего ателье, которое сейчас в суде отстаивает свои права на коллективную приватизацию. Женщина, которая его приватизировала, никогда у нас не работала. И суд ее поддерживает. А работники ателье оказались на улице. Их средний возраст — до 40 лет, прекрасные мастера, у них дети.

Я говорила на заседаниях правительства Москвы и Моссовета: пироги должен печь пирожник, а салоги тачать — сапожник. Нельзя разрешать приватизацию кому попало — не сохранит специализации это производство. У нас было прекрасное ателье на Пятницкой улице, 34. Теперь каждый день я вижу по телевизору рекламу: Пятницкая, 34 — инвестиционный фонд «Тибет». Куда смотрит московское правительство? Ведь, когда приватизировалось это ателье, там было заложено одно из условий — сохранение производства. Почему муниципальный округ не задается вопросом: а куда же двухэтажное приватизированное ателье делось? Нет, этот вопрос никого не волнует. А люди, между прочим, до сих пор даже не могут получить свои заказы, звонят мне, как бывшему директору. Но что я могу сделать?

Все говорят о решении социальных проблем пенсионеров, но понятно, что цены у нас все равно растут быстрее, чем пенсии. А мои ремонтные работы — чем не решение? Кто бы видел, какое постельное белье пенсионеры приносят в ремонт! И мы не отказываем. Порой сердце кровью обливается — белье просто расплывается под иглой. И выкроишь где-то что-то из своей ткани — на тебе, бабуля, вот такую простынку. Им же спать не на чем! Полотенец у них нет! Кто-нибудь к этому повернется?

А недавно тут ко мне рэкет приходил.

Ввалились пятнадцать человек в мою каморку, все как на подбор — стрижка «бобриком», золотые цепи и тренировочные костюмы. Я обомлела, запылала и в мыслях молвила: «Вот они». Спрашиваю: «Что вам надо?» — «Освободи помещение на Ленинском, 21. (Мы, замечу, как раз сейчас из-за него судимся.) Освободи, иначе мы тебя выкинем». Я говорю: «Знаете, вы меня уже поджигали, ну, убьете вы меня, и что это вам даст?» Вот так мы с ними и поговорили. Ничего, ушли.

И я понимаю, что ни я лично, ни мое производство никого не волнуем. Всех интересует помещение. И меня оно интересует не меньше. Были бы у меня дополнительные площади! Мне перед Новым годом звонили из московского швейного техникума, просили взять девочек на преддипломную практику. Я никого не взяла, хотя очень хочу, — но куда? На голову?

Мы десять лет одеваем московские гостиницы — «Пекин», «Москву», «Ленинградскую», мы держимся на старых связях, поэтому и заработок у моих рабочих 150 тысяч при коротком рабочем дне. Я бы приняла еще сто человек, знай я, что ко мне будут приходить за формой московские гостиницы, рестораны, магазины. Зачем выписывать ее за границу, когда можно дать заработать своим? Это же хорошо, когда в каждом учреждении свой вид одежды, сделанный нашими, российскими руками? Хорошо. И я даю рабочие места — швеям, текстильщикам. Ведь комбинат в Ростокине стоит, комбинат имени Свердлова стоит, а я работаю с их тканями, значит, я даю им загрузку. Правда, из этого логически должно вытекать, что при подобных условиях работы мне положено льготное налогообложение. Но не вытекает. С логикой у нас плохо.

Предпринимателям есть что сказать

Кто должен решать вопрос о взаимодействии между малым и большим производством? Наверное, Ассоциация частных и приватизированных предприятий. Но, по-моему, она уже превратилась в политический орган и ей сейчас не до того.

Вот все смеются над этой пресловутой мыльной оперой «Просто Мария», а мне, например, хочется иметь такое оборудование, как там, у Марии. Я с удовольствием дала бы какому-то предприятию техническое задание изготовить мне такие же круговые вешела, «как в кино», чтобы у меня одежда спускалась и шла на гладильную доску. А то и у меня, и у гладильщицы в цехе все висит над головой. Вот в чем, например, я вижу взаимосвязь между малым и большим предприятием — в техническом сотрудничестве.

Я готова набрать надомников — тех же пенсионеров, многодетных матерей — шить постельное белье. Но мне уже кажется, что в решении проблем безработицы никто не заинтересован. Я всегда говорю:

если звезды гасят, значит, это кому-нибудь нужно. У меня такое впечатление, что кто-то сознательно гасит звезды. А звезды — это наши умы, наши великолепные рабочие руки. У меня половина работниц на свою зарплату содержит семью, а то и семьи своих детей. У кого муж не работает — завод закрыт, у кого дочь после института на работу устроиться не может. А ведь эта проблема решаема. И наверняка не только у меня — у всех малых предпринимателей в этом плане есть что предложить.

Я всегда считала — пока у нас не будет в правительстве женщин, Россия не выберется из этого болота. Я не имею в виду Федулово, я говорю о тех, кто прошел такой же путь, как и я. Женщина — это элегантность, обаяние. Она всегда за взаимопонимание и сотрудничество, она умеет дипломатично нейтрализовать любой конфликт. Но в нашем обществе женщине нужно иметь уникальные способности для того, чтобы самореализоваться. Потому что у нас везде сидят мужчины и закрывают шлагбаумы. Ведь, когда женщины принимают на работу, берут или симпатичную длинноногую, чтобы была секретаршей, или крокодила в юбке, чтобы она везла на себе весь воз. И проблема безработицы касается прежде всего женщин.

Нам все время говорят: уровень безработицы вырос на столько-то процентов. А что вы, господа правительство, сделали, чтобы он не вырос? Ничего. Посмотрите, какой стала Москва — грязь, гололед, сугробы. А дай ты этой гвардии безработных и бомжей возможность почистить улицы (пусть даже без оформления соответствующих документов) и заработать деньги — они же эти улицы языком вылизут. И ведь в Москве непочатый край такой работы. Да будь у меня помещение и запасные швейные машинки, я бы этих людей к себе брала на разовые работы. Вот недавно мне тюрьма какая-то вологодская звонила: «Мы слышали о вас по радио, мы тоже шьем постельное белье, дайте нам, пожалуйста, работу». А почему я им должна ее давать — ведь это же еще транспортные расходы? Пусть ко мне москвичи придут, я им дам заработать. Что, в Москве тюрем нет?

Я тут как-то «спиной» телевизор смотрела, шла передача какая-то об Америке, говорили о трудоустройстве иммигрантов и произнесли такую фразу: чем больше работающих, тем больше налогоплательщиков. Я подумала: Господи, ведь это же просто как дважды два, почему нашим это не приходит в голову? Мне хочется попросить лично Лужкова: Юрий Михайлович, решите хотя бы в Москве проблему безработицы, и я уверена, москвичи вас на руках носить будут. И выслушайте при этом нас — малых предпринимателей, нам есть что сказать.

Записала Светлана КАРТАШОВА

Не будем вводить общественность в заблуждение и строить жалобные лица. Да, статья 88 существует не на задворках законодательства и применяется в судебной практике. Как именно — отдельный разговор, отметим лишь, что в 1993 году было выявлено 5881 преступление, связанное с нарушением правил обращения с валютой и валютными ценностями, что в два с половиной раза больше, чем в 1992 году. Теоретически любой гражданин, опубликовавший в газете объявление типа

НЕ ВАЛЯЙ ДУРАКА, АМЕРИКА...

Текущий курс обмена: один доллар — десять лет отсидки — был утвержден 88-й статьей Уголовного кодекса примерно 30 лет назад и практически не изменился. О целесообразности существования правовой нормы, карающей за хранение и продажу валюты, в № 3 «Столицы» рассуждал адвокат Марк Коган. Охраняя принцип состязательности сторон, редакция решила обратиться к тем, кто руководствуется пресловутой статьей в своей профессиональной деятельности, — борцам с экономической преступностью. Итак, перед вами мнение сотрудников аналитического отдела Главного управления по экономическим преступлениям МВД России.

«куплю СКВ» или «продам СКВ», может быть привлечен к уголовной ответственности. И дело не в количестве осужденных — целую толпу можно было бы пригласить в суд, исследовав «толчки» у окрестных валютных пунктов. Дело в сути преступного деяния. А чтобы эта суть была яснее, расскажем две вроде бы не связанные с предметом нашей беседы истории.

Есть под Костромой село Красное. В мировых каталогах ювелирных изделий его называют Красное-на-Волге. Ювелиры здесь промышленно с XI века и, естественно, за отчетный период достигли таких высот мастерства, что хоть любое их произведение помещай в музей. Мастера творят из серебра, золота, латуни и иных редких и драгоценных металлов удивительные изделия, в том числе с применением такой древней и трудоемкой техники, как зернь или скань, не говоря уже о чеканке и гравировке.

В последние пять лет значительная часть ювелиров стала трудиться на условиях аренды, что, конечно, облегчило творческий процесс. Но упростило и процесс исчезновения драгоценных металлов с последующей их перепродажей. А такие металлы и есть те самые валютные ценности, упомянутые в статье 88 Уголовного кодекса. Специалисты зовут «твердой» валютой металлы и некоторые изделия, но не те, что женщины на себя навешивают как мерило собственного достатка, а те, что сами могут быть мерилом каких-либо матери-

альных ценностей, — полуфабрикаты, например.

И хлынули в Красное-на-Волге прохиндеи всех сортов и расцветок. Их не интересует зернь и скань. Они стремятся сбить золото, зачастую добытое бандитским путем, и приобрести ценности. Редкие, изумительные по красоте вещи являются для барыг лишь способом вложения денег, их интересует уникальность и металлоемкость изделий. Это все равно что покупать Гогена вперемешку с Рембрандтом — было бы дорого. Естественно, все операции с «твердой» валютой осуществляются, минуя государственную торговлю и налог. Труд и вдохновение мастера при этом оцениваются с кондачка, кое-как. И изящные броши и серьги идут на расхват наряду с проволокой и полуфабрикатами. Как раз за перепродажу ворованного серебра в виде проволоки и был осужден директор музея прикладного искусства Вьюгин. Уж если интеллигенцию разъедает, как ржа, нажива, то лучше бы пропал он пропадом, этот дикий рынок «твердой» валюты с бесконечными цепочками продавцов-покупателей. Однако он может принять и цивилизованные формы, в рамках тех самых правил, на которые так ополчились адвокаты.

История вторая произошла в другом месте и связана не со статьей 88, а со статьей 89 (кража) УК. С предприятия увели несколько килограммов драгоценного металла, который настолько ценен, что его до сих пор считают на граммы. Треть исчезнувшего нашлась на диком рынке в таком же, как Красное-на-Волге, ювелирном центре. Скоро мы назовем такие города криминальными центрами.

Это лишь два этюда о том, что происходит при нарушении правил обращения с валютными ценностями. При продаже «мягкой» валюты, то есть денег, минуя банк, получится тот же необузданный рынок, контроль над которым возьмут преступные элементы. А это будет именно так, ведь сделки не в банке без соблюдения правил и уплаты налога не могут долго оставаться разовыми, число их непременно возрастет. Это понятно любому здравомыслящему человеку. Только адвокат М.Коган считает правила торговли валютой сложными и неопределенными. А что тут сложного — правило-то, собственно, одно: иди в банк, и все.

Адвокаты вообще большие мастера наводить тень на плетень. Все гораздо проще: хранение валюты не является составом преступления, преступление — обмен и продажа, минуя банк. И никто не сидит за хранение

несчастной долларовой десятки, и прокуратура, насколько нам известно, не занимается делами осужденных по 88-й статье. Но это — частности, создающие негативное отношение к валютной политике государства.

В интервью «Столице» М.Коган рассуждает об интересах личности, противопоставляя их государственным, причем государство в лице банков и правоохранительных органов предстает каким-то монстром, готовым сожрать каждую копейку или цент, вырванный из рук бедного обывателя. Критикуя правовую норму, адвокат ссылается на заповеди Христа и общечеловеческие ценности, хотя законодательство какого государства базируется на заповедях Христа и где такое государство, никто не знает.

Поговорим и мы о личности и государстве. Личности, конечно, выгодно иметь собственные доллары и распоряжаться ими по своему усмотрению. Но это не значит, что всякая свободная личность жаждет экономического развала страны, в которой живет. Разумная личность как раз и не жаждет, она соображает, что в случае краха государства («монстра») ее личность, защитить будет некому.

Как экономическая немощь госу-

дарства отражается на кармане каждого отдельного гражданина, мы видим каждый день в магазине, отмечая взглядом очередное подорожание. Что поделаешь, инфляция, застарелая хроническая болезнь. Но как же государство будет лечить эту болезнь, не вылечив, не укрепив валюты, которую называют кровью экономического организма? Как можно, обрзано говоря, ввести лекарства, то есть предпринять экономические меры для укрепления рубля, если «кровеней»-валют несколько? Хождение долларов-марок-фунтов лишает государство возможности маневра, способного остановить инфляцию.

И еще один аргумент не в пользу иностранных денег: капиталы утекают за рубеж не в рублях. Доллар выступает как катализатор массового бегства денег за границу. И за рубежом российским гражданам принадлежит уже около 40 миллиардов долларов — примерно столько же нам обещают ссудить западные страны на поддержание нашей немоцной экономики.

Россия — не страна-сателлит, она не может отказаться от защиты собственной валюты. И ни одно государство не может и не отказывается. Не будем кивать на Запад — попро-

буй где-нибудь в свободной стране не заплатить налог! Тебя немедленно привлекут, и наказание будет не условным, как чаще всего выходит у нас по 88-й статье.

Интервью М.Когана достаточно обоснованно раскрыло точку зрения обывателя на долларовые проблемы. Мы бы назвали этот взгляд космополитическим. Но есть и державная точка зрения, хотя она сейчас непопулярна, но достойна того, чтобы ее учитывали. Потому что право и есть точка зрения государства, то есть не одной личности, а многих и многих, в том числе и точка зрения на валютные и другие проблемы.

Что мы делаем, пуская в оборот доллар? Кредитуем американскую экономику. Мы, голодные и нищие, поддерживаем материально богатую и благополучную страну. По идее, мы должны сказать: не валяй дурака, Америка, и давай-ка нам выпиши на каждый доллар, которым мы владеем, кусочек своего золотого запаса. Мы этого не скажем. А долларов, кстати, у нас скопилось так много, что если все их собрать и предъявить на внешнем рынке, американская экономика вряд ли выдержит. Но Америка умеет защищать свою валюту.

Не будем трясти мощной и давить на эмоции, как это любят делать адвокаты. Тихо отправимся в банк и не спеша обменяем свои доллары-марки-фунты на рубли и обратно, и заплатим законный налог не только конкретному банку — он ведь тоже раскошелится на налог, — но и государству, экономике, валюту, кровь которого мы слегка подорвали этой сделкой. А государство пустит эти наши проценты на поддержку «гадкого рубленка», которого доллар, как валюта более твердая, может и заклевывать. Да будет так. А чтобы было — есть 88-я всеми оплеванная статья УК.

Записала Ксения КЛИМОВА
Рис. В.Чумачева

Рекламный центр еженедельника «Столица» приглашает рекламных агентов для работы по всем видам рекламного обслуживания.

Вознаграждение 10%.

Тел. 928-83-40.

Еженедельник «Столица» приглашает распространителей на выгодных условиях!

**Контактные телефоны: 925-73-09,
928-27-69.**

Редакция выдает разрешение на распространение.

ОТЧЕГО ДЕРВИШ ПУСТИЛСЯ В ПЛАС

Первое, что слышишь, открывая дверь, — крики чаек на морском берегу. Они сменяются пением соловьев и шумом дождя. Все смолкает. Потом над головами покупателей медленно плывут мерные, тяжелые удары колокола.

Пахнет смолой, бальзамами. Над прилавком на веревочках качаются амулеты. «Скажите, какой камень помогает от дурного глаза?» «От дурного глаза вам поможет беломорит — слева от вас в коробочке».

Спрос, как известно, рождает предложение. Если людям нужны амулеты, гадательные книги и магические кристаллы — значит, должен появиться магазин, который этим добром торгует. На Западе такие «лавки древностей» никого не удивляют. Они мирно соседствуют рядом с «шопами», торгующими компьютерами или видеотехникой. В Москве магазин «Путь к себе» пока что уникален.

Это место привлекает не только сдвинутых граждан, которые вчера только общались с инопланетянами. Хотя и такие бродят, хватая вас за рукав. Но большинство посетителей — вполне нормальные люди. Они пришли сюда, потому что увлечены восточной философией, или новейшими экологическими теориями, или йогой, или хотят приобрести кассету с медленной, успокаивающей медитативной музыкой, или, в конце концов, про-

сто оздоровительный бальзам. Хозяйке на заметку — в магазине можно купить неплохие приправы. Как написано в объявлении на стене, индийские специи «Возжигают внутренний мистический огонь... Балансируют инь-янь. Придают пище не повторимый аромат». Плоды просвещения — писать грамотно автор не научился, но вот что такое «инь-янь» — знает хорошо.

Этот магазин — образец полнейшей, абсолютной свободы и веротерпимости. Вы интересуетесь хиромантией, астрологией, гороскопами камней и деревьев? Пожалуйста, есть прекрасный выбор литературы. Для вас все это неприемлемо, вы — православный христианин? Купите кассету «Колокольные звоны России». Если вам ближе Восток — наслаждайтесь звучанием тибетских колокольчиков. Бородатые смуглые лица гуру соседствуют с репродукциями древнерусских икон. В нескольких метрах — благовония из сандалового дерева, браслеты, четки с роскошными красными кистями. И тут же — новейший прибор для очистки и фильтрации воды, пластмассовый, с какими-то резиновыми шлангами...

Но интереснее всего — стена объявлений. Всяк посетитель приклеивает сюда что захочет. Вот листок, внизу нарезанный ленточками, с номерами телефонов: «Ищу...» — нет, не квартиру, а «совершенного и истинного мага, хочу стать его учени-

В этом отделе вам подберут камень к вашему зодиакальному знаку

ком». Половина ленточек с телефоном оторвана. Как много в Москве совершенных магов!

«Аромат восторга. Концерт медитативной музыки». «Женщина и ее судьба. Психологический личностный тренинг. По современной американской методике». «Все желающие избавиться от комплексов, неуверенности в себе, улучшить свои возможности в бизнесе и семейной жизни, а также вспомнить свои прошлые жизни... 100 процентов гарантии». «Гадания на кофе, бобах, рунах». Фитобар предлагает напитки под названием «Монтесума» и «Танец дервиша».

Большинство объявлений — вполне коммерческого характера. «Тренинг личностного развития. Стоимость —

рублевый эквивалент 95 долларов США». И чтобы желающие охотнее расставались с долларами — приводятся высказывания выпускников: «В моем сердце взорвалось солнце... Это дает много сил и энергии для жизни».

Очень многие объявления заывают на представления импортных гостей. Оказывается, к нам приезжают из Америки не только проповедники, но и экстрасенсы, целители, провидцы. «Московский шаманский центр. Обучение и стажировка у всемирно известного шамана Майкла Харнера».

Шаман по имени Майкл — это звучит гордо!

Екатерина ГОНЧАРЕНКО
Фото В.Шишова

ДОБРО ДОЛЖНО БЫТЬ С ДИНАМИТОМ

Шило, как известно, в мешке не утаишь. А мощный взрыв не сделаешь бесшумным...

Взрыв прозвучал в Красноярском крае, на реке Туба, в Краснотуранском районе. Прозвучал исключительно в мирных целях и «по просьбе трудящихся». Но последствия имел неприятные.

...Ехали мужики на грузовике по льду реки. А лед оказался слишком тонким,

треснул — и грузовик ушел под воду. Обошлось, слава Богу, без утопших. Но машину все равно жалко. Пока прикидывали мужики, как извлечь наружу транспортное сред-

ство, ударил мороз, и лед превратился в броню. Но тут кто-то вспомнил, что поблизости проживает опытный подрывник, съевший собаку в горнорудном деле. Кинулись на поклон к спецу. Спец быстро приготовил все, что требовалось, и рванул. Не за бесплатно, конечно. Грузовик вытянули из пролома трактором, спасли добро.

А «благодетель», похоже, получит солидный срок. По статье УК, которая категорически не одобряет хранения огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых

веществ. Запаслив оказался подрывник, у него дома милиция обнаружила настоящий арсенал: детонаторы, патроны, детонаторный шнур и, конечно, солидный запас взрывчатки. Ясное дело, наворовал, пользуясь служебным положением. Но признаваться в этом отказывается.

В очередной раз доброе дело не осталось безнаказанным.

Борис ЯРОВ
Рис. А.Зайца

ЛУЖКОВ ПОЛЕЗ В БУТЫЛКУ?

Московские продовольственные магазины, получившие теперь все права «частных хозяев» и заручившись поддержкой городских властей, практически полностью отказались от приема баночной стеклотары. И то верно — изготовление новой банки или бутылки теперь обходится дешевле, чем вся эта морока с приемом, транспортировкой и пр. Опять же, нечего этим покупателям наживаться — некоторые до сих пор еще не сдали 20-копеечные бутылки из-под «Андроповки» и теперь спихивают их по 80 рублей. В связи с этим, как нам стало известно, в московском правительстве заинтересованные стороны «утраивают» проект постановления: считать «одноразовой упаковкой» любые банки и бутылки, а не только импортные. От этого выиграет не только торговля, но и городской бюджет не понесет урона — ведь за выброшенную стеклотару население заплатит еще раз, уже в виде налога на вывоз мусора. Конечно, от «многопудья» битых бутылок пострадают подмосковные ландшафты (силикатное стекло в природных условиях сохраняется прак-

тически вечно), но «проявится» это не скоро. Во всяком случае, ни Лужкову, ни Черномирдину решать проблему «остекленения» среды обитания явно не придется.

Сергей ПРИВАЛОВ

РУССКИЙ СЕКС — БЕССМЫСЛЕННЫЙ И БЕСПОЩАДНЫЙ

Выглянув в окно, сотрудница казанской библиотеки (расположенной, кстати, на улице Кремлевской, а вовсе даже не на пляс Пигаль) пришла в форменный ужас от того, чем занимались на глазах у прохожих двое лиц различного пола, явно в нетрезвом состоянии. И она во весь голос принялась стыдить этих граждан, требуя прекра-

тить публично-интимный акт. Возмущенный вмешательством в его внутренние дела, директор малого предприятия был вынужден прервать процесс и в приступе гнева бросился на штурм библиотеки. От его действий пострадали не только стеллажи с книгами, но и читатель, попытавшийся защитить забаррикадировавшихся в одной из комнат сотрудниц очага культуры. Подоспевший наряд милиции задержал бизнесмена и его партнершу (без определенных занятий).

Георгий КУЗНЕЦОВ

БОЛЬШИЕ ПЕРЕМНЫ ПО-ПРЕЖНЕМУ НАЧИНАЮТСЯ С «ЛЕБЕДИНОГО ОЗЕРА»

Администрация средней школы № 4 города Чебоксары, видимо, очень любит классическую музыку. И считает, что знакомить с ней детишек следует по возможности ненавязчиво. Теперь о начале и об окончании каждого урока здесь возвещает не пронзительный звонок, а тот или иной музыкальный фрагмент из прославленного балета П.И.Чайковского «Лебеди-

ное озеро».

Хотя иным чрезмерно демократически настроенным родителям сие новшество может показаться недвусмысленным намеком...

Олег ДУЛЕНИН

КАК НАМ БЛАГОУСТРОИТЬ РОССИЮ? СПРОСИТЕ ЖИРИНОВСКОГО

Сторонники либерально-демократической партии города Тары Омской области обратились к местным властям с предложением: назвать именем лидера ЛДПР одну из улиц города. Либерал-демократы утверждают, что готовы благоустроить и сделать образцово-ухоженной даже самую неприглядную улицу — за ради такого-то имени ничего, мол, не жалко. Городская администрация пока пребывает в раздумье. Ведь если соблазниться заманчивым предложением, это может послужить сигналом для единомышленников Баркашова или там Зюганова.

Игорь БАРИНОВ

ОЧЕНЬ ЛИЧНОЕ МНЕНИЕ

Почти 20 лет назад я впервые попал в Кремлевский Дворец съездов, от дворотики и великолепия которого мои провинциальные глаза, конечно, тут же разбежались в разные стороны, и только после окончания «Риголетто» я вдруг обнаружил, что кинокамера, подаренная мне Министерством просвещения на Всесоюзной олимпиаде по химии, во время антракта забыта в банкетном зале. Не помню, какая это была кинокамера, но помню полное достоинство лица молодой женщины-метрдетеля: «Вот ваша кинокамера. У нас ничего не пропадает». Так и должно быть в Кремле: дорожа своим местом работы, люди должны подерживать его репутацию.

Потом у меня была Международная олимпиада, МГУ без вступительных экзаменов, диссертация и редактирование научного журнала. Теперь эта работа превратилась в «хобби». За смешную плату я редактирую смеш-

Сергей ПАНОВ

ЧЕЛОВЕК КРАСИТ МЕСТО. НО НЕ ТОЛЬКО ОН

ные тексты кандидатов и докторов наук, что-то вроде «из крови беременного быка выделают...». Что делать — серьезные люди за мизерную зарплату работать отказались, оставшиеся почти все гонят откровенную халтуру.

Не знаю, сколько теперь зарабатывают в бывшем Дворце съездов, но недавно (15 января) мне удалось посетить его снова на балу прессы (за каждый билет московские редакции заплатили по 25 тысяч). Из банкетного зала журналистов вытолкали в два часа ночи. В такое время даже из

Кремля выходить на улицу не очень приятно. Так что общение — бал и был задуман ради общения — до официально разрешенных шести утра мы решили продолжить в другом зале дворца, прихватив со своего стола початую бутылку вина. Однако подбежавший официант огорчил нас заявлением, что бутылку придется оставить — она еще пригодится для следующего банкета. Остатки с каких же торжеств тогда стояли изначально на наших столах? Уж не с Нового ли политического года? Вино на коротание

остатка ночи мы купили в буфете, но настроение было испорчено — измельчал дворец, халтурит и обслуживающий персонал. А чего ему терять?

Говорят, что для продолжения реформ необходим рынок труда. Но какой рынок труда возникнет в стране, если даже в Кремле люди не боятся потерять свое рабочее место? Если зарплата работающего обеспечивает ему лишь какой-то минимум, но никак не квартиру, не минутный комфорт и уж тем более не отдаленное будущее, то так ли уж плохо быть базарным? Если квалифицированный труд обычно стимулируется на уровне случайных заработков, рынка труда не будет никогда. Ну а если хорошая, престижная работа — по недосмотру государства или отдельно взятого руководства — перестала красить человека зарплатой, то тем хуже этому «хорошему месту». Не бойтесь его оставить.

Ирина ХАЛИП

ПЕСЕНКА КОРОТКАЯ, КАК ЖИЗНЬ САМА...

Несостоявшийся погром состоявшегося концерта

Я не надеялась, что когда-нибудь увижу его. Да и не чувствовала особой потребности в этом. Все равно Окуджава был жителем нашего дома. И еще очень многих домов. Он жил где-то рядом. Поблизости. Жил много лет — с тех давних времен, когда его песни, переписанные с каких-то сто первых копий, зазвучали из динамиков огромных бобинных монстров-магнитофонов. Его пели родители и их друзья, его пели мы и наши друзья. Он незримо присутствовал в наших домах, был свидетелем страстей и прощаний. И юные родители-шестидесятники в качестве колыбельной тихо пели детям «Когда мне невмочь пересилить беду...». И много лет назад я мучительно ждала кого-то, слушая его песни, не упомяну уже, кого ждала, да это и неважно — он все равно не пришел больше никогда, — но все песни, звучавшие в тот вечер с пластинок, помню наизусть.

И все-таки однажды Булат Окуджава приехал в наш город. В Минск, на день всего, на один концерт. И, выходя из метро к филармонии, я ожидала увидеть огромное скопление людей, как в лучшие времена, когда на эту сцену выходили и Рихтер, и Вознесенский, и блистательные джазисты. Но толпа, стоявшая у филармонии, так мало походила на жаждущих лиш-

него билетика. Она дышала агрессией. Она имела одно незапоминающееся лицо и множество рук, державших плакаты и раздававших листовки.

Я боюсь толпы всегда, она мне напоминает все самое страшное в истории — от Ходынки до сталинских митингов с отречениями от родных. Как и подобает нынешней толпе, она была с плакатами. И эти плакаты гласили: «Булат Окуджава, струны твои в крови защитников «Белого дома!» И еще что-то, в той же степени абсурда. Они стояли на ступеньках филармонии шпалерами, как бы пропуская каждого входящего сквозь строй. Не ахти какая акция, а глядишь, линия защиты «Белого дома» переместилась западнее на добрых семьсот километров. И приходится уже по ступеням Белорусской государственной филармонии. Какая, однако, виктория! Впору на колоннах расписываться: «Здесь был Вася»...

Я шла медленно — нужно было дождаться маму — и высматривала место, где бы не было их. Но почему-то оказалось, что они были везде.

— Вы на концерт идете, девушка? — обратился ко мне кто-то.

— Да, на концерт.

— А вы сначала прочитайте это — и тут же я получила листовку.

Оказалось, коммунистов и «собо-

рян» — как в простоте называют членов Славянского собора «Белая Русь» — не устраивало то, что Булат Окуджава во время печальных октябрьских событий в Москве одобрил действия президента России — «расстрел законной власти», — так сформулировали это авторы листовки и организаторы митинга.

«Не дайте ему поганить воздух главного храма искусств города-героя Минска! Не дискредитируйте народ Беларуси аплодисментами адвокату палачей! Уйдите с концерта в знак солидарности с патриотами братской России — жертвами кровавой диктатуры!» Это лишь одна цитата из листовки. Остальное приводить не буду — на мой взгляд, и так все понятно.

...Мама опаздывала. Я взглянула на часы. «Да не смотри ты, придут к тебе, придут, — вдруг зловеще сказала стоящая неподалеку женщина. — Все собирайтесь, для нас чем больше вас будет, тем лучше».

Я отошла к другой колонне. Ко мне тут же подошел очередной «доброжелатель»:

— Девушка, вы лучше на концерт не ходите: погром будет.

— Кого же громить собираетесь?

— Да всех, кто пойдет этого слушать.

Дело понятное, люди бывают разные. И идеи — соответственно. И плюрализм, которого так долго ждали, поднялся стеной, как крапива у глухого забора. Казалось бы, чего проще: если так одолел бунтарский дух спозаранку, возьми да и схватись с сильными мира сего, как Муромец с Соловьем-разбойником. И выясняй себе обиды при честном народе. Так нет же, поэтa подстерегут на концерте. Листовочку подбросят. Оно, конечно, сподручнее так, да и риску поменьше. Особенно если учесть, что из окрестностей филармонии молниеносно испарилась все милиционеры, обычно бодро штрафующие переходящих в неположенных местах и пошатывающихся от избытка принятого на грудь. Странная тенденция: с некоторых пор все акции, проводимые коммунистами, обходятся без участия милиции: творите, ребята, все, что хотите. Ваше право. И право это начинает использоваться в полном объеме. И угроза погрома из их уст выглядит как что-то совершенно законное и, стало быть, само собой разумеющееся...

И все-таки концерт начался. Вовремя. При аншлаге. И зрители стали одним безмолвным хором, дышащим в такт каждой песне и готовым подсказывать, если Булат Шалвович вдруг забывал собственную строчку. И сын его аккомпанировал на рояле — негромко, ненавязчиво, как будто обме-

«Давайте говорить друг другу комплименты, ведь это все любви прекрасные моменты...»

тывая легким кружевом каждую песню.

А потом зал замер вновь: на сцену поднялся неестественной, вкрадчиво-мягкой походкой какой-то человек с гвоздикой в руке и, приблизившись к Окуджаве, после паузы швырнул цветок на пол. И совсем другим — уверенным, почти строевым шагом покинул сцену.

Слаженный зрительский хор выдохнул печальное «ах...». На мгновение наступила жутковатая тишина, во время которой каждый ощутил то самое, историческое, «за державу обидно», и жгучий стыд, и горячее клеймо нашего мерзкого времени, и недоумение: почему, почему они выбрали мишенью тишайшего, прозрачного Окуджаву, который и писал всегда лишь о старом пиджаке, да о последнем троллейбусе, да о художнике Пиросмани, да об осеннем холоде, легком кошельке, вереске?..

Уже потом стало ясно, что глубоко плевать им, жаждущим погрома, на то, чье имя значится в афише. Просто они, притихшие было, снова почувствовали, что наступает их время. И вышли, чтобы заявить о себе во весь голос. Да погромче, чтобы все иные знали свое место. Благо случай подвернулся — в кои-то веки в одном месте интеллигенция собралась. Искусство ведь всегда становилось ареной чьих-то битв еще и потому, что оно слишком заметно, и те, кто сам по себе не в состоянии привлечь всеобщего внимания на свою персону, предпочитают оказаться где-нибудь

вблизи от человека искусства. Глядишь, и заметят. Особенно если еще — ах, какая смелость! — плакатиком помашешь. Неважно, что там и кем написано, важно, в каком месте и перед какой аудиторией махать. Или бесстрашно швырнешь цветок под ноги маэстро со словами «это на его могилу».

Закон сообщающихся сосудов: как только в Москве поднимает голову чернь, оживают монстры недавних советских окраин. Пока они только машут бранчливым плакатиком. Книжки жечь на кострах не решаются. Пока...

Хотя, быть может, именно о тех кострах мечтал очень известный советский киноактер, ломавший на ступенях филармонии перед концертом пластинку Окуджавы на несколько частей и под всеобщее одобрение швырявший их на землю? Случай пакостный, мелкий. Как со злосчастливым цветком. Забыть бы о нем, да что-то не получается. То заголовочком проправительственная газета вдруг отзовется, плакатику тому на удивление созвучным, а то и вовсе парламентарии местные с трибуны разоткровенничают по поводу исторического выбора. И повеет все тем же сквознячком, который пронизывал до костей всех поднимавшихся по ступеням филармонии в тот вечер...

Но, к счастью, пока еще этим можно напугать не всех. На сцену тотчас вышла женщина с большим букетом роз и подарила их Булату Шалвовичу. Вслед за ней какой-то человек под-

нял с пола эту чертову гвоздику и унес со сцены, держа брезгливо, двумя пальцами, на расстоянии вытянутой руки, как дохлую крысу. А из зала пришла записка: «Не думайте, что весь белорусский народ такой, как кучка этого отребья».

— Вы не правы, — сказал Окуджава. — И несправедливы. Их нельзя назвать отребьем — они просто живут генами, впитав все это еще на уровне хромосом. Они не умеют мыслить самостоятельно. И потому — не виноваты.

Маэстро был великодушен...

Уходили с концерта с ощущением чуда. От него ждали чуда — и он его великодушно подарил.

А чудеса в тот вечер продолжались. Мой давно сломанный телефон вдруг сам по себе включился, и старые друзья неожиданно позвонили, и любимая книга, утерянная, казалось, навсегда, нашлась. И еще в лифте снова, как перед Новым годом, закружился елочный запах (как хочется написать «елочный», чтобы слово легким шариком звучало). И почему-то неотвязно стучало в висок когда-то прочитанное в «Путешествии дилетантов» слово: «господибожемой».

Лифт остановился. От лифта — направо. К моей дверной ручке была привязана пушистая еловая ветка.

«Господибожемой», — подумала я.

ТОЛЬКО ДЛЯ «ПЛЮДЕЙ»

Доконали, добили... Добили меня слова талантливого, любимого артиста Сергея Шакурова, сказанные им в интервью корреспонденту журнала «Столица» (№ 2, 1994). Артист ностальгирует по 50-м, 60-м, 70-м годам, вспоминая, что «все жили хорошо и счастливо» и «не было толп бездомных, голодных, нищих...».

Беспамятство и слепота. Слепота и склероз... Я и не думала, что эти болезни в стране по имени Россия пустили такие крутые метастазы. Хотя я уже давно привыкла к тому, что всем известное, много раз описанное, показанное по ТВ упорно не вменяется в башку так называемого «простого» народа, который своей «простотой» достал уже до невозможности, превратив ее в знамя.

«Плюди» («простые» люди) тоскуют о двухрублевой колбасе и карточках, что совсем непонятно нормальному человеку, но, допустим, для «плюдей» — это и есть настоящая, полноценная жизнь. Допустим... Но вы же, малоуважаемые граждане, теперь прекрасно знаете, что в те времена абсолютно невинные, абсолютно порядочные люди гнили в тюрьмах, гибли в психушках. Ладно, ваш брат пролетариат этого не нюхал и глубоко плевал на этих чудаков на букву «м», которым на дешевой водки было надо, а чего-то еще... Но ведь в Афгане гибли все — и сын интеллигента, и сын рабочего; но ведь в униженных очередях с номерами на ладонях за всем на свете мы все стояли, невзирая на диплом и очки или отсутствие таковых. Напрочь забыли? Ай-ай, склероз, господа-товарищи!

Как-то, уже в новые времена на Пасху гуляли мы всей семьей по Красной площади. Звучали церковные песнопения, люди гуляли наряженные, веселые — это был настоящий праздник! Но «плюди» решили иначе. Крупная баба дурным голосом кликушествовала: «Позор! Россия гибнет! Отняли у народа Пасху эти иуды горбачевельщины!» У нас случился небольшой столбняк: отняли? Насколько нам хватало памяти, разума и логики, мы понимали, что народу этот праздник вернули! Причем не потихоньку и воровато, а в самом центре столицы, со всеми необходимыми атрибутами. Но — слепота и полное нежелание прозреть; но — беспамятство о том, что еще каких-нибудь несколько годков назад вы, кликуши бешеные, в церковь тихонечко ходили, не афишируя своей так называемой «веры», детей крестили где-нибудь вдали от города, чтобы секретарь вашей партячейки, не дай Ленин, не пронюхал!

Я разошлась совсем и позволю себе теперь тронуть неприкасаемое, «святое», с «плюдской» точки зрения: бездомных, голодных, нищих. Я вас умоляю:

приведите ко мне хоть одного нищего и голодного и давайте вместе разберемся, когда в последний раз этот человек что-либо делал, где-либо работал и так далее. Кстати, может, и у меня что-то со зрением приключилось, но, хоть убейте, не вижу я толп голодных на улицах Москвы, скорее, наоборот: народ обожрался «сникерсами» до такой степени, что резко подскочило количество больных диабетом. А вижу я на улицах много нищих, две трети из которых — профессионалы высочайшего класса: по вечерам они, не стесняясь прохожих, весело делят барыши. А истинных нищих — так их и в прежние годы хватало, только «плюди» их в упор знать не хотели.

Слышу излюбленный вопль о «святом»: пенсионеры! Насколько я что-нибудь в этой жизни понимаю, если у старого человека маленькая пенсия, ему должны помочь его взрослые и самостоятельные дети. Если же они этого не делают, то, простите, для пенсионера это расплата за то, что вырастил «плюдей». За все в жизни надо платить, а точнее, расплачиваться. Но отнюдь не нынешним маленьким детям, которые еще и нагрешить-то не успели, а им уже копают яму социализма и социальной справедливости те, кто плохо прожил жизнь. Если у тебя плохие дети — ты зря и плохо прожил жизнь! Иди в церковь, помолись, может, что-то еще удастся исправить, хоть грехи замолить. Но не тяни за собой в свой мрак слепоты и беспамятства людей, которые думают и живут иначе. Да, есть одинокие старики, это — особая статья, о них мы все должны позаботиться. Но ведь им имя — не легион. Из них даже внушительной толпы может не набраться, так что не пудрите мозги ни мне, ни милейшей Элле Памфиловой.

Мне скажут: да ты сама слепа, как сова, не видишь ничего дурного в происходящем. Если бы! Как бы я была тогда счастлива, наверное... Я вижу и чувствую на себе все то плохое, что происходит ныне, более того, считаю, что все идет совсем не так, как должно. Но я знаю главное: ни шагу назад, в «благословенные» сталинско-хрущевско-застойные времена, ни минуты забвения о том, что творилось тогда, ни секунды слепоты, даже когда очень хочется закрыть глаза! Так и только так мы сможем прорваться через все страшное и грустное, только не поворачиваясь назад. Пусть там останутся безглазые «плюди», манкурты, зомби и коммунисты.

Уважаемый артист Сергей Шакуров! Вы — умный человек и вовсе не «простой». Видимо, ваши слова, те, что добились меня, сказаны в досаде, в какой-то эмоциональный момент. Ведь вы — не слепец, у вас такие пронзительные глаза, а память — это профессионализм артиста, и вы сами говорите, что она у вас отменная.

Поразмыслив, я не поверила вашим словам и... успокоилась. Слепота, беспамятство и «светлое» наше прошлое все-таки — для «плюдей»!

Москва

ПОЭМА О ХЛЕБЕ

В диетической столовой поселка Джалиль (Татарстан) в рамочке под стеклом выставлен замечательный документ, который хочу процитировать без каких-либо изменений, но в сокращении.

«О недостатках при реализации хлеба и усилении контроля за его расходованием»

Материалы проверок предприятий общественного питания, проведенных Управлением, показали, что несмотря на неоднократные указания Управления «Об экономном и бережном расходовании хлеба» в предприятиях общественного питания не приняты меры к экономному и бережному расходованию хлеба и продолжают иметь место серьезные недостатки при хранении, нарезке и реализации хлеба...

В целях наведения порядка и дальнейшего улучшения работы в направлении экономного и бережного расходования хлеба Управление обязывает:

— в недельный срок повсеместно организовать проведение инструктажа с резчиками хлеба и кассирами о правильном его порционировании на 1 копейку по 2 куса и о порядке расчета с посетителями;

— провести разъяснительную работу среди питающихся о введении данного порядка реализации хлеба, согласовав указанную норму отпуска с администрацией и профсоюзными организациями предприятий, учреждений и учебных заведений;

— вывесить на видном месте в обеденных залах предприятий афишаги о нарезке и реализации хлеба из расчета 2 куса на 1 копейку;

— в меню указывать количество кусков хлеба, вес и сортность;

— при условии, когда потребитель берет хлеб на 0,5 или 1,5 копейки, разницу дополнять количеством зелени, свежих и соленых огурцов, килькой и т.д. по опыту г.Уфы;

— провести повсеместную проверку предприятий по вопросам экономного, бережного расходования хлеба и установить контроль за правильной нарезкой и расчетами за хлеб».

Не правда ли, читается как поэма? Особенно рядом с сегодняшним меню, где цена кусочка хлеба обозначена в рублях... Ах, как хочется, чтобы с нами кто-нибудь провел разъяснительную работу и дополнил разницу килькой на уфимский манер! Не открыть ли повсеместно такие ностальгические музеи, пока еще не все памятники той эпохи безвозвратно исчезли?

Г.КУЗНЕЦОВ

Альметьевск

Е.КЛИМ

Алексей ЕРОХИН

У СТРАНЫ СОБАЧЕЕ ЛИЦО

Новости от «Педигри пал»

На рубеже новогодья отовсюду поперли псы, скалясь с телеэкрана, с плакатов в метро. Их поголовье явно превысило повседневное. Что за притча? Ах, ну да, как же: с энтузиазмом вся страна встречает новыми трудовыми успехами год Собаки, пришедший на смену году Сникерса. И Собака эта, поговаривают, вся из себя синяя и деревянная, согласно японским заветам, которые почему-то столь любя всемирно отзывчивой русской душе.

Хотя вполне понятно, почему мы начали в символическом летоисчислении косить под японцев. Помните всяческие пятилеточные расклады: год решающий, год завершающий? И как воротило от той официозной бодяги — тоже не забыли, верно? Заимствованные на Востоке Свиньи, Козы и Крысы были, ясное дело, куда милее народному сознанию: так вот целый год и хрюкали. Или бляляли.

Теперь — лают и твякают. Многие брешут. А воют почти все.

Не привыкать, бобики.

У вас и век — волкодав, так что уж говорить про отдельный год? Он пришелся как раз впору, не жмет в хвосте: удобная, привычная шкура.

Зауряднейшее объявление на столбе: «Пропала собака — эрдельтерьер (мальчик). Ничего в лексике

странным не кажется? Разумеется, нет. Отцы и дети. Вон за окном чью-то девочку ведут на поводке.

Щенки наглеют, мужики кобелеют, а уж про этих суцек что и говорить... Опять-таки — урок отечественной лексики: видите, какой образный ряд?

Кто лучший друг нашего человека? Гав!

пылесос в ванне, переделывать телевизор в атомную бомбу — в общем, покуражиться и покуролесить без присмотра на всю катушку. Мечта малолетнего шалопая и — вектор коллективного бессознательного.

Что ж, погуляли и впрямь на славу: нагавкались до хрипоты, в доме полнейший кавардак, сквозит из раз-

жизни вы можете узнать из газет «Песья правда» и «Голос своры».

Забавная получилась сказочка. Расскажите ее на ночь своему овчаренышу, чтоб спал послаце.

Вы возразите: зачем же ссылаться на всяких балбесов? Ладно: вот вам лапочка Муму, тишайшая и кроткая. Символ робкой надежды нашей на Доброго Большого Друга, который и погладит, и покормит. Ну и каково ей теперь в пучине моря житейского с бульдиком инфляции на тонкой шейке? Молотит лапками, пускает пузыри.

Или дурашонок Белолобый: увязался за волками (капиталистическими).

Трудно сказать, что из этого получилось бы: может, русский вариант Маугли — и неловкий малявка стал бы впоследствии вожаком стаи. Ан не выгорело: лупили его и приговаривали: «Ходи в дверь! Ходи в дверь!» Впрочем, это уже что-то из футурологии.

Да и Каштанка с нами (со

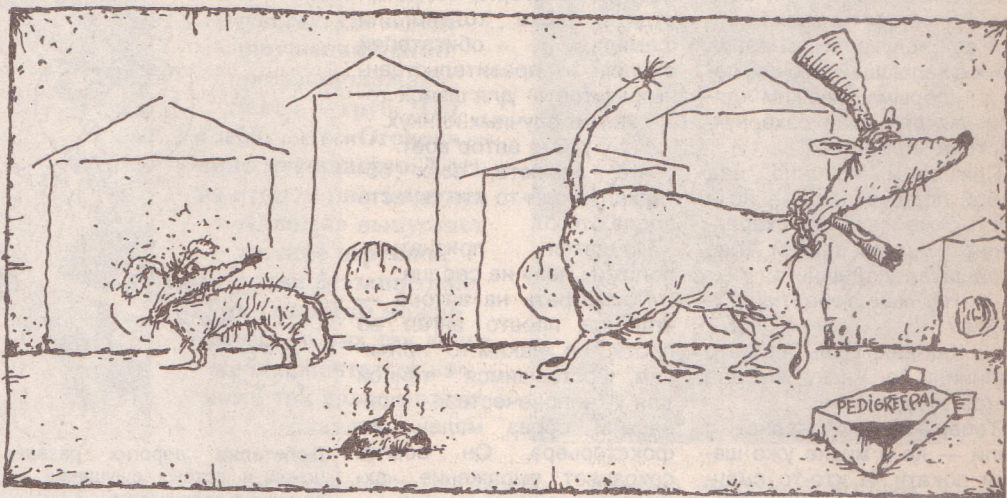

Рис. А. Зайца

Одна из любимых сказочек детства — «Бобик в гости у Барбоса»: хозяин отлучился, а два хвостатых охломона устроили пир горой и жутчайший тарарам. В финале получили под зад венником.

Господи: да это же заветная наша мечта — исключая, разумеется, карающий венник. Забраться в банку с вареньем — и лопать от пуза, покачаться на люстре, попробовать, утонет ли

битых в экстазе окошек, гордый червонец-чирик пошел на книжные закладки. А хозяин так и не пришел. Жрать нечего, а соседский Шарик заламывает бешеные цены за обглоданные косточки. Псы поделили дом на суверенные территории и ведут перманентную грызню за право обладания мягким, хотя уже и порядком засаленным диваном. О прочих подробностях из собачьей

многими) одной крови: рисковому блеску арены (международной?) с радостью готова предпочесть возвращение к вечно бухому столяру, чей паценок сызнова примется за издевательские манипуляции с кусочком сала на веревочке. Зря говорят, что Чехов — писатель камерный: он зараз обо всем народе писал.

О Булгакове же неинтересно даже и говорить, на-

столько гиперреалистична (и затаскана) его метафора с Шариковым. Есть, однако, некоторая тонкость в толковании сего замечательного образа. Когда его только-только дозволено стало пускать в ход, вследствие легализации оного, то он моментально послужил аляповатым жупелом в перегакивании политических оппонентов: одна свора настойчиво клеймила другую шариковыми, а противоположная яростно огрызалась. Кому-то обидно за «свору»? Ладно, утешьте себя иллюзией, что «эти» были сплошь родовитые скотч-блю-терьеры, а «те» — исключительно беспородные полканы. Так вот: породы, может, и разные были, но «эти», перетяжав тех, повели себя вполне пошариковски — в самом что ни на есть собачьем стиле. Преданное заглядывание в глаза владельцу холодильника с сосисками, бурное влияние хвостом в купе с гаженьем по углам. Ибо: есть породы — и есть порода, общая на всех.

А как «служили», вывалив язык с каплюющей слюной, перед добрым заезжим дядей, выклянчивая сахарную косточку кредитов?

При этом, конечно, над собой подшучивали — но и опять же весьма характерно. Американский пес спрашивал у здешнего:

— Ну, как тебе перестройка?

— Как-как! Цепь на метр удлинители, а миску на два метра отодвинули!

Теперь-таки сорвались с цепи — но в миске уже шаром покати. И кто-то смачно чавкает и рыгает за конурой — одни хвосты торчат.

Верно-верно. Хватит цепей. Довольно пасущих нас овчарок. А то ведь даже и породу особую вывели: московская сторожевая называется. Свободы желаем!

Однако — как без мухтаров, бесстрашно бросающихся навстречу дулу бандитского ствола?

Как без бдительных ингусов, которых так не хватает на прозрачных границах?

Зато с избытком появились бультерьеры с палаческими физиономиями, готовых вцепиться в глотку кому угодно.

Растет число неприкаянных бедолаг-дворяшек: господа, с какими собачьими глазами терпеливо отстаивают они очереди за своей жалкой пенсией...

И пес с нами? Раньше-то говаривали: с нами Бог. Только наш-то, видать, с песьей головой — такие у древних египтян водились. Вот и остались от них одни пирамиды-мавзолеи с вобловыми мумиями.

Вот и «Россия-сука» (Абрам Терц) ценится все скуднее — тоже вымираем?

Да, разогнали кабысдохов из Верхнего Псовета, и в заново покрашенной конуре засел крепкий хозяйственник Собакевич. Но корм «Чаппи», тем не менее, резко вздоржал.

Да, одного из участников кошачьей выставки назвали Борисом Николаевичем — и вся пресса аж обвилась от восторга. Но если судить даже только по фамилиям обитателей около- и правительственных кругов — для шавок тоже хватит звучных кликух.

У-у-у-у! Это автор воет.

Ага, скажете, всех обтягивал, а сам-то кто ты есть после этого?

Придется признаться, положив лапу на сердце.

Посмотреть на автора — «так он просто ангел во плоти, по каким-то причинам, оставшимся тайной для человечества, принявший образ маленького фокстерьера. Он всегда сохраняет выражение «ах-как-плох-сей-мир-и-как-я-хотел-бы-сделать-его-лучше-и-благороднее», которое вызывает слезы у благочестивых старых леди и джентльменов» (формулировка Дж.К.Джерома).

Можете спросить и вовсе в лоб: ты, стало быть, не любишь свою страну?

Собак я не люблю, вот что.

ПРЕДЛАГАЮ

Пожизненное содержание и обслуживание одиноким и престарелым жителям города.
Тел.: 469-22-00, 360-81-37.

Ремонт квартир, офисов.
Тел. 413-48-60.

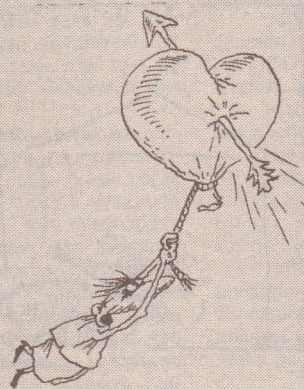
Девушка 22 лет с высшим экономическим образованием, имеющая навыки работы с компьютером и знающая английский, ищет работу. Интим не предлагать.
Тел. 305-89-43.

Отдых и лечение на курортах Карловых Вар.
Тел. 923-19-71.

Хочу помочь тем, кому совсем плохо: одиноким, пожилым. Приглашаю за город на отдых, могу принять несколько человек в благоустроенном доме. Уход обеспечен, помогает благотворительный фонд. Живу в Малаховке.
Тел. 392-17-04, Людмила Валентиновна.

Помогу сдать квартиру.
Тел. 205-38-85.

Сваха.
Тел. 378-87-79.

Любителям дорогих развлечений и острых ощущений — прыжки с парашютом.
Тел.: 272-20-38, 490-60-10.

КУПЛЮ

Комнату, 1—2-комнатную квартиру.
Тел.: 144-96-18, 958-65-85.

3—4-комнатную квартиру.
Тел. 144-96-18.

Старые картины, плакаты, живопись 60-х гг. Штейнберг, Вейсберг, Яковлев, Зверев, Немухин, другие.
Тел. 151-82-17.

Довоенные книги.
Тел. 306-40-19.

ПРОДАЮ

Щенков бойцовых пород, Клуб «Зоопрактика».
Тел.: (095) 541-68-84, 541-68-68.

Herbalife. Тел. 187-13-47.

Часы «Cardi-Vostok», механические, водонепроницаемые, противоударные, с кожаным ремешком, в футляре, гарантия.
Тел. 187-13-47.

3-комнатную квартиру. М.«ВДНХ» — м. «Алексеевская».
Тел. 144-96-18.

Гербалайф — продажа и консультации гомеопата. Диеты, добавки и косметика.
Тел. 177-46-86.

Инвалидную коляску рычажную.
Тел. 563-78-93.

Отечественные обои, облицовочную и плитку АГШ. Дешево.
Тел. 905-33-27, с 10.00 до 17.00.

МЕНЯЮ

3-комнатную квартиру со всеми удобствами в Алма-Ате на одно-, двухкомнатную квартиру в Москве или дом усадебного типа в близком Подмосковье.
Тел. 366-37-24.

ВНИМАНИЕ

Создаю службу знакомств для людей с нарушением опорно-двигательного аппарата. Живу в Подмосковье, в Дмитрове.
Тел. (222) 312-05, Ольга.

Лазерный центр предлагает эффективное лечение сосудистых, легочных, воспалительных и других заболеваний. Ул. 1-я Сокольническая, д. 8 (рядом с м. «Сокольники»).

На постоянную работу в ВИНТИ РАН для подготовки реферативного журнала «Химия» требуются химики-органики на должность научного сотрудника или инженера II категории.
Тел. 155-43-57.

На временную работу в ВИНТИ РАН (можно по совместительству) требуется сотрудник на должность инженера II категории.
Тел. 155-43-57.

Эдуард ДОРОЖКИН

Эдуард КУДРЯВИЦКИЙ (фото)

МИРОК

Завод есть завод. Завод — это много хуже фабрики. Фабрика более демократична, более приятна в общении, более женственна, что ли. Фабрика — уютная. К примеру, фабрика ткацкая. Здесь всегда есть уголок, чтобы попить чайку или чего еще. Фабрика располагает к интимному общению, к шепоту, к теплу, к чувству. На заводе ощущения прямо противоположные. Завод — груб. Что «ЗИЛ», что «Огонек» — одно мужланство. Хотя на втором оно заметнее — «Огонек» выпускает детские игрушки, игрушки беззащитные, их так легко можно сломать, о них так долго можно мечтать и над ними так долго можно плакать.

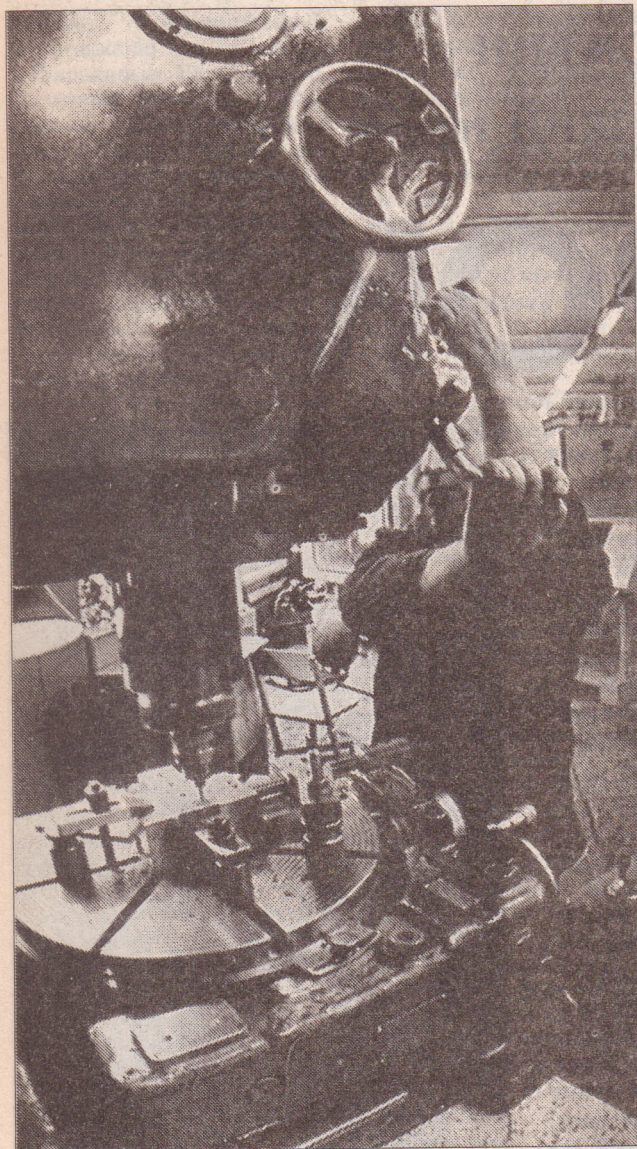
Мне уже трудно распознать, где хорошая игрушка, а где плохая. Не в силу даже возраста — в силу того, что игрушек сейчас много, и очень разных. Говорят, что игрушка должна воспитывать и развивать ребенка. Не могу согласиться — гораздо больше ребенка, вышедшего из «погремушечного» возраста, разовьет «Колобок» или диснеевский мультяш. Думаю, в наших условиях у игрушки совершенно другая задача: пока мама крутится на кухне, папа смотрит телевизор, а бабушка ушла к соседке, надо отвлечь ребенка

от упаковки соннапакса, от раскрытой кем-то бутылки водки и от загадочной электрической розетки. В этой стране нелегко «развить» ребенка так, как этого бы хотелось, но уберечь его — если не душу, то хоть тело — от воздействия среды пока еще в наших силах.

«Огонек» не выпускает игрушек для богатых, да и отнюдь не каждый «средний» польстится на его продукцию, но для «бедных» «огоньковские» лошадки, железные дороги и куклы — незаменимы.

Впрочем, «Огонек» конкуренции со

стороны импортных игрушек не опасается: во-первых, его продукция в смысле цен действительно превосходит, во-вторых, есть в ней «российский», нашенький шарм. Раньше, в «доруночные» времена, «Огонек» специализировался на выпуске электромеханических игрушек и моделей для «детского научно-технического творчества». Танк «Т-34», танк «ИС-3», автоматы, пистолеты — все это его произведения. (Кстати, за свои «военные штучки» «Огонек» частенько получал от газет и журналов выговоры: дескать,

приучаете детей к милитаристскому мышлению, способствуете развязыванию «холодной войны». Руководство завода с тех пор так и не оправилось от испуга, поэтому у всех заскочивших на «Огонек» журналистов интересуются: для чего приехали, не будете ли ругать? Строительные наборы, модели самолетов, вертолетов и кораблей — все это делалось здесь, на 6-й Радиальной улице, в пяти автобусных остановках от метро «Царицыно». Это наша российская «фабрика грез: у них — кино, у нас — игрушки.

Недавно конструкторы «Огонька» разработали «российский аналог Барби» — куклу Кристину. Кристина получилась дешевле Барби и, как следствие, хуже. Уже готов проект дома Кристины и автомобиля Кристи-

ны — рынок требует соответствовать. Некоторые выпускавшиеся ранее игрушки уже сняты с производства. Как дорогостоящие, материалоемкие, не отвечающие текущему моменту.

Опытно-экспериментальный завод детской игрушки «Огонек» был создан в 1962 году. И жил не тужил: госзаказ, план, ежеквартальные и ежемесячные премии, никаких задержек с выплатами. Идиллия. В новых условиях не все так гладко — приходится «вертеться», самим заключать договора, самим покупать, самим продавать. Открыли собственный магазин, у проходной. Народ приезжает на машинах — закупать вездеходы оптовыми партиями. В Москве оседает лишь очень маленькая часть продукции, остальное развозится по просторам

СНГ. За настоящую границу «огоньковские» игрушки не идут — им свое некуда девать. Вот раньше... Раньше внешний рынок был — и Болгария, и Польша, и Румыния, и даже Канада игрушки закупали.

Руководство «Огонька» в один голос утверждает, что возглавляемое им предприятие по большому счету цветет и пахнет, что особых проблем нет, а люди, в общем-то, довольны. Что касается людей, то с ними дело, наверное, именно так и обстоит: средняя зарплата на заводе сто двадцать—сто сорок тысяч рублей, и это при том, что особой квалификации для пошива «барбиных» платьиц и ввинчивания ручек и ножек не требуется. С остальным посложнее.

Каждая игрушка на «Огоньке» фактически делается вручную. Вруч-

ную соединяются отлитые из пластмассы или металла детали, вручную, на самых обыкновенных швейных машинках, шьются «малиновые одежды», вручную раскрашиваются глаза, вручную «прошиваются» парики. Наверное, иначе и нельзя: игрушка должна быть одухотворенной. Но «огоньковские»-то куклы все на одно лицо, как на одно лицо и работницы «Огонька» — яркая помада, яркие тени, яркие волосы. Впрочем, ни первое, ни второе, ни третье ни о чем еще не свидетельствует. Более того, может свидетельствовать об обратном, если принять за норму, что все яркое — верный признак «моральной опустошенности». Нельзя так сразу: сказал, как припечатал. Прежде чем сказать, надо присмотреться, вдуматься. А присмотреться нет никакой возмож-

ности — завод быстро надоедает, наскучивает. Что швейный цех, что цех напыления, что сборочный — картинка одна: склоненные головы, белые или темно-синие халаты, одинаковая реакция на постороннего человека — деланно испуганная. По заводу хочется не идти, а бежать. В сущности, всякое желание вникать в экономические и прочие проблемы «Огонька», гулять по его цехам и вкушать его пластмассовые ароматы исчезает много раньше, сразу же, как оказываешься на станции метро «Царицыно», среди огромной колышущейся барахолки, среди табличек с номерами в реальности не существующих автобусных маршрутов. Желание вернуться обратно, в привычную Москву растет не по минутам даже, а по секундам — слева забор, справа

забор, потом слева и справа еще один. 6-я Радиальная улица, кажется, названа улицей совершенно произвольно — она тянется между двух заборов и с тем же успехом могла бы быть поименована и проспектом, и авеню, и переулком, и тупиком. Пожалуй, только старомодное «прешпект» прозвучало бы несколько высокопарно. 6-я Радиальная — это, конечно, квинтэссенция Москвы индустриальной. Это «тяжелый случай». 6-я Радиальная — это засыпанная снегом автобусная остановка. Это грязь под ногами и грязь повсюду, куда ни кинешь взор. Это наше все. И еще, 6-я Радиальная — это завод детских игрушек «Огонек». Что к этому добавить? Пусть «Огонек» выпускает игрушки — мы в них будем играть. ■

Елена АВЕРИНА

Фото Э. Кудрявицкого

У каждой женщины должен быть «свой» куафер (парикмахер). Это не роскошь, а необходимость — так же, как и собственный врач. И хотя парикмахеров в стране несколько меньше, чем врачей, большинство людей являются постоянными клиентами как раз первых, а не вторых. Видимо, несмотря на все катаклизмы, о внешности люди заботятся больше, чем о здоровье. Так что все не так плохо, как кажется.

Во всем мире парикмахеры одинаковы и узнаваемы в толпе если не с первого, то уж со второго взгляда — точно. Представители этой, одной из древнейших профессий — достаточно бойкие, артистичные, независимые, легкие на подъем и безумно общительные. Они могут говорить на любую тему и при желании всегда сумеют расположить к себе клиента.

Как и большинство представителей сферы обслуживания, парикмахеры — тонкие психологи, прекрасно разбираются в людях и умеют воспользоваться ситуацией (вспомним хотя бы севильского цирюльника Фигаро). Поэтому основное богатство парикмахера — его связи и знакомства, и связями этими он очень силен. Благодаря им парикмахер добивается в жизни гораздо большего, чем можно купить за день-

Как говорит по телевизору одна деловая тетка, «красота для меня — это прежде всего красивые волосы». А красивые волосы — это не только результат использования дорогих шампуней, ополаскивателей и всевозможных кремов. Это еще и хороший парикмахер (что, правда, не касается дам, заменяющих прическу меховой шапкой и не снимающих ее (шапку) ни при каких обстоятельствах).

ги. А деньги у парикмахеров водятся.

Чрезмерная общительность, могущественные связи и немалые деньги делают женщину (коих большинство среди парикмахеров) на все сто процентов приспособленной к любым превратностям судьбы. Но очень мешают быть образцовой супругой. Мало того что она становится лидером в семье, так еще и зарабатывает, как правило, несоизмеримо больше мужа. Опять же, ненормированный рабочий день... Поэтому такие браки редко бывают счастливыми: по статистике, самый большой процент разводов в семьях, где жена — парикмахерша. Впрочем, есть хороший выход из положения: жениться парикмахерам между собой.

Зная о том, что как жены они неидеальны, парикмахерши в развитых странах работают «у кресла» всего лишь лет до тридцати. Так же, как, кстати, и парикмахеры-мужчины. После тридцати мужчины становятся владельцами собственных салонов или преподавателями парикмахерского дела. А женщины, сколотив неплохой капитал, спокойно уходят в домохозяйки.

Парикмахер — молодежная профессия. Пожилой человек с огромным трудом выдерживает физическую и психологическую нагрузку.

ку, с которой связана эта работа. И потом, когда парикмахер и его клиент — ровесники, они лучше понимают друг друга. Да, есть мастера «для пожилых», но их очень мало.

Старый парикмахер — это типично российское явление. Он стоит у кресла с большими распухшими ногами до самой пенсии, а его клиенты стареют вместе с ним...

Вообще, то, что считалось естественным для всех куаферов за пределами нашей родины, для отечественных представителей этой профессии было запрещено.

Например, чаевые. Генрих Белль в «Бильярде в половине десятого» писал, что чаевые — душа официантской профессии. То же можно сказать о парикмахерах. Чаевые — не унижение и не подачка. Если парикмахеру дают много чаевых — значит, он хороший мастер. Еще недавно получение чаевых советскими парикмахерами считалось прямо-таки криминалом. Человек работал с постоянным ощущением вины и все время думал о том, заметил ли коллектив и начальство, какую купюру опустила ему в карман благодарная рука клиента.

К тому же у нас совершенно не приветствовалось, когда у мастера появлялись «свои» клиенты — в то время как любой парикмахер стремится именно к этому. Потому что нормальная прическа получается, если он знает о своем клиенте не только, как его зовут, но какой у него характер и чем он занимается. У нас же считалось, что все будет прекрасно только при условии, что мастер и его подопечный навсегда останутся друг для друга инкогнито.

Вот это противоречие между системой организации труда парикмахеров, с одной стороны, и особенностями этого труда — с другой, существовали всегда. Открывались огромные, никому не нужные парикмахерские комбинаты. Полным идиотизмом было введение нормированного времени на каждую операцию — независимо от того, с какими волосами предстоит работать. Был единый прейскурант: прическа, сделанная девочкой, вчера закончившей ПТУ, и мастером высочайшего класса, стоила одинаково. В результате клиенты изо всех сил старались заинтересовать собой хорошего мастера и чего уж только не делали ради того, чтобы он их «взял» (хотя, казалось бы, должно быть наоборот).

Официальная квалификация «хорошего мастера» не всегда гово-

рила о степени его умения. Существовало три «разряда» парикмахеров: «без класса» — который присваивался самым юным и неопытным парикмахерам; мастера первого класса и — «высший пилотаж» — парикмахеры-модельеры. Последние были мужскими и дамскими мастерами одновременно, владели техникой макияжа, придумывали стрижки и прически и имели понятие о «костюме» — так в профессиональной среде называется общий вид человека, сочетание прически с лицом, одеждой, манерой поведения. Теперь у парикмахеров-модельеров есть другое название — стилист.

Образование у стилистов такое же, как у «мастеров без класса», — ПТУ. (Во что, впрочем, охотно верится, когда слушаешь, какой бред и банальности несут порой наши знаменитые стилисты.) Конечно же, нормальным — не то что известным — мастером не станешь, не имея врожденного вкуса и нюха на «конъюнктуру». Квалификацию модельера раньше давали после окончания специальных курсов, которых (на весь Советский Союз!) было всего две штуки, да и те — во Львове и Риге. Но были и «лазейки»: модельером можно было стать, заняв место на конкурсе или отработав десять лет в какой-нибудь парикмахерской и сдав соответствующие экзамены. Разумеется, квалификация эта покупалась и продавалась со страшной силой.

Прекрасные прически не всегда появляются просто и случайно, как, например, самая популярная прическа семнадцатого века «Фонтанж». (Королевская фаворитка мадам Фонтанж во время охоты рассыпала прическу. А поскольку под рукой ничего подходящего для ее восстановления не было, мадам сняла подвязку — судя по различным преданиям, в то время это был просто незаменимый во всех случаях жизни предмет — и завязала ею волосы. Впоследствии роль подвязки стали выполнять специальные чепцы. Новая прическа была в моде чуть ли не столетие.) Обычно мастер долго и мучительно изобретает что-то новое: рисует эскизы, экспериментирует на добровольцах...

Придумывать прически — занятие, конечно, хорошее. Но неблагодарное. Модели причесок нигде в мире не патентуются. На них не бывает авторских прав. Зато патентуют методы. Например, метод градуированной стрижки «сассун». Или актуальный в свое время метод

Марселя: укладка волос волнами с помощью горячих щипцов. В шестидесятые годы советские мастера Моторина и Амбарян открыли новый метод, который остался незапатентованным, — так называемую пластическую стрижку, которую сейчас применяют все кому не лень (мужская стрижка бритвой).

Некоторые страны весьма преуспели в парикмахерском деле. Французы великолепно моделируют прически, англичане — прекрасно стригут (английская школа стрижки превосходит все остальные). Немцы славятся хорошим знанием биохимии: покраска, завивка. (Странно, но даже социалистическая система не разрушила в бывшей ГДР частные парикмахерские, снабженческие кооперативы и другие атрибуты прекрасно организованной парикмахерской отрасли.) Русские... Между прочим, есть такое понятие, как советская школа прически. Не самая, между прочим, последняя, несмотря на то, что школа эта была несколько оторвана от мира, поскольку СССР не был членом Международной конфедерации парикмахеров (за «членство» надо было платить валютной). А вдохновительницей советской школы парикмахеров была Долорес Кондрашова, первый человек, с которым наши команды парикмахеров стали получать на международных конкурсах золотые медали. Перед московской Олимпиадой Кондрашова разработала новую модель под названием — конечно же — «Олимпия». Но поскольку, повторяюсь, авторства прически в мире не существует, «Олимпия» в скором времени появилась в других странах и под другими названиями. Да ладно уж, пусть пользуются...

Государство наше, как известно, не оставляет своих граждан без внимания. Но не для того, чтобы дать, а для того, чтобы побольше взять. Парикмахеры — люди, которым в любой стране всегда будет хорошо, надо только создать для этого условия. На парикмахера невозможно накинуть узду, он свободен как ветер. Если он не захочет платить налоги — то и не будет: он уйдет в частники и будет работать сколько хочет, а денег за это брать — сколько дадут. Для работы ему нужны только ножницы и собственные руки.

P.S. Автор благодарит руководителя фирмы «ИКС» Лидию Лабунец за помощь в подготовке материала.

Андрей ГОЛУБОВ

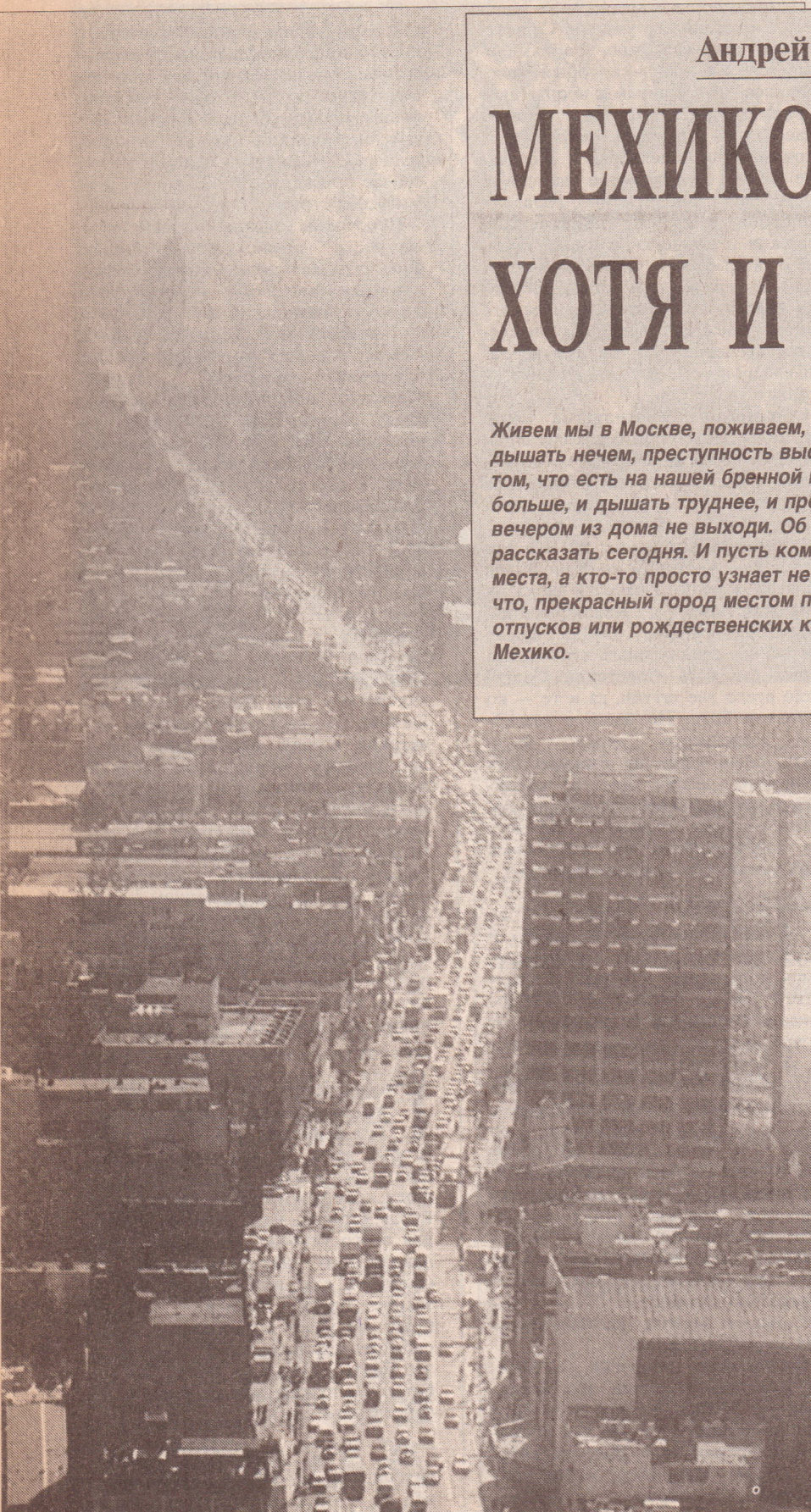
МЕХИКО ДЫШИТ, ХОТЯ И НЕРОВНО

Живем мы в Москве, поживаем, ругаемся, что народу везде много, дышать нечем, преступность высокая. Все это так. Но я не об этом. Я о том, что есть на нашей брэнной планете города, где и народу гораздо больше, и дышать труднее, и преступность, не приведи Господи, — хоть вечером из дома не выходи. Об одном из таких городов и хочется рассказать сегодня. И пусть кому-то полегчает от того, что есть такие места, а кто-то просто узнает нечто новое и изберет этот, несмотря ни на что, прекрасный город местом проведения своих следующих летних отпусков или рождественских каникул. Итак, мы отправляемся в Мехико.

Когда самолет с измученными многочасовым перелетом и несколькими промежуточными посадками пассажирами начинает снижаться на подлете к мексиканской столице, усталость как рукой снимает. Из-за нескончаемой горной гряды появляется город, окаймленный этими самыми горами, как ожерельем. На первый взгляд — он, этот город, бескрайний. Во всяком случае, самолет летит над ним по дуге минут 15—20. Кажущиеся с высоты спичечными коробочками дома, крошечные автомашины, вьющиеся по всем без исключения улицам и улочкам.

Минутки летят быстро, и человек, все еще пытающийся осознать грандиозность увиденного, не замечает, как колеса шасси плавно (если экипаж попался хороший) касаются взлетно-посадочной полосы. Вернее, одной из полос, поскольку их три — международный аэропорт «Бенито Хуарес» принимает ежедневно по 300—400 «бортов», и одной полосе с этим колоссальным потоком уж никак не справиться.

Кстати, видимо, именно с большим количеством ежедневно прибывающих пассажиров связана оригинальная схема таможенного досмотра. Согласно действующему законодательству, «по воздуху» в страну можно ввезти вещей на сумму не более чем 300 долларов США. После запол-

В редкий день, когда Мехико не окутан облаком смога, из города можно увидеть красивейший вулкан — Истаксиуатль. Многие ездят к нему «проветриваться».

нения всех таможенно-пограничных «бумажек» меня приглашают к стойке, на которой укреплены два фонаря и кнопка. И тут приходит подлинное понимание того, что человек сам является творцом судьбы своей. Нажатие на кнопку собственной рукой определяет судьбу гостя. Если загорается зеленый свет — путь в неизвестное открыт и свободен без всякого досмотра (хоть у тебя в чемодане черт лысый и зараженный СПИДом сидит, не говоря уже о прочей контрабанде). Ну а если зажигается красный фонарь, то тебя «трясут» буквально до трусов. Скрупулезный осмотр всех вещей гостя, которые раскладываются на длинной-предлинной полке, занимает, по словам «пострадавших» очевидцев, от 2 до 4 часов. Эта процедура предусматривает и облегчение кошелька гостя на сумму, соответствующую налогу за превышение трехсотдолларового лимита, что, в принципе, неизбежно, если ты прилетел туда не на один день и не в одном отечественном костюмчике с маленьким и опять же отечественным «дипломатом». Рука моя оказалась легкой, и зеленый огонек, приветливо мигнув, обернулся очаровательной улыбкой служащей таможни, которая столь вожделенной фразой «Bienvenido a México» («Добро пожа-

ловать в Мексику!») открыла мне путь в эту огромную и новую страну.

ОБРЕЧЕНА ЛИ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКАЯ ВЕНЕЦИЯ?

Мало для кого является секретом, что итальянская Венеция в течение многих лет медленно опускается под воду. А вот о том, что мексиканская столица, особенно ее центральная часть, постепенно опускается... под землю, наверняка знают очень немногие.

Тем не менее это так. Как рассказывал мне Серхио Сальдивар, генеральный директор департамента охраны мест и памятников, признанный культурным достоянием нации, действующего при министерстве социальной защиты Мексики, в последние годы скорость «погружения» расположенных в центре города (на площади Сокало) кафедрального собора и национального дворца, где раньше находилась президентская резиденция, составляет примерно 7—8 сантиметров в год.

Первым в списке «виновников» происходящего смело может быть назван орел, которого шесть столетий назад ацтеки увидели на том самом месте, где ныне располагается

Мехико. Согласно древней легенде, они основали город там, где увидели хищника, умудрившегося напасть на змею, которая отдыхала на кактусе, росшем на одном из островков посреди озера. Кстати, именно этот сюжет украшает национальный герб Мексики.

Несколько позже не обладавшие, судя по всему, глубокими инженерными познаниями конкистадоры, используя труд индейцев, начали строить на этом месте и вокруг него дома и роскошные дворцы, мостить площади, иными словами, строить столицу Новой Испании на явно ненадежном фундаменте. Кроме того, сейсмоопасность места — его подверженность воздействию различных подземных сил — была также очень велика. К слову сказать, «трясет» Мехико довольно часто. Только в нынешнем столетии было зарегистрировано 34 землетрясения силой свыше 7 баллов по шкале Рихтера. Небольшие толчки силой до 4 баллов здесь давно уже никто не считает, хотя известно, что с 1972 по 1992 год их было немногим более 25 тысяч.

Постепенное обезвоживание почвы под городом, а также последствия многочисленных мелких, сильных и средних землетрясений и стали главными причинами постепенного «погружения» под землю центра мексиканской столицы.

Что же касается столичного кафедрального собора высотой под 70 метров, увенчанного башнями, главами и главками, то он был построен на месте с особо неоднородной почвой, что вызвало перекос этого красивейшего здания почти на 2,5 метра.

Но не для того ведь собор строился в течение почти трех столетий (с 1573 по 1813 год), чтобы вот так просто дать ему перекосяться и разрушиться на глазах ученых и специалистов. Мексиканские власти трудно обвинить в бездействии. В последние годы практически непрерывно ведутся работы по выравниванию слоев почвы, на которых покоится собор и целый ряд других зданий центра мексиканской столицы. Применение разработанного местными учеными способа «спасения» кафедрального собора позволило в течение нескольких последних месяцев «отвоевать» у природы целых шесть сантиметров, на которые к нормальному положению вернулась одна из главных башен. Еще несколько колонн «выпрямились» за это время на 1—3 сантиметра.

Стоя у свисающего из-под купола отвеса, показывающего отклонение главного элемента собора, дон Хосе Барро Родригес, отдавший почти 30 из своих 86 лет жизни работе смотри-

Любая серьезная неполадка при взлете или посадке над мексиканской столицей чревата страшной катастрофой с тысячами человеческих жертв.

теля собора, объясняет: видишь круг в середине расчерченного на квадраты участка? Вот когда игла отвеса войдет в этот круг, считай, собор спасен. Трудно сказать, как дальше пойдут дела, но пока все идет по плану.

Гулкие шаги этого крепкого и влюбленного в свое дело старика постепенно затихли под многовековыми сводами. Но смущает мысль: если собор действительно удастся выровнять, это будет, конечно же, прекрасно. Но ведь исторический центр, да и весь Мехико — крупнейшая столица мира с 20 миллионами жителей от этого не перестанет медленно опускаться под землю. Похоже, что история и природа не прощают человеческих ошибок. А жаль...

УЖАСНО ХОЧЕТСЯ ДЫШАТЬ!

Раньше, когда в нашей и зарубежной прессе попадались заметки о тяжелой экологической ситуации в мексиканской столице или когда доводилось слышать рассказы поживших в этом огромном мегаполисе людей, к проблеме смога я относился достаточно скептически. Думал: журналисты преувеличивают, чтобы не потерять свой кусок хлеба, а люди иных профессий просто оправдываются — видите, как тяжела жизнь «в этой загранице», ужас как тяжела, но ведь выдержали, кто года два-три, а кто и все пять. Однако собственный опыт хождения и езды на автомобиле по улицам Мехико заставил поверить первым, перестать подозревать вторых и даже самому сесть за клавиатуру компьютера с тем, чтобы поделиться своими переживаниями на означенную в заголовке тему.

Небольшая оговорка: мне довелось пожить в Мехико в начале сухого зимнего периода, когда экологическая обстановка в городе особенно тяжела. Вполне допускаю, что во время дрящегося с середины весны до начала осени сезона дождей дышится лучше и легче, быть может, даже город с высоты птичьего полета виден. Но, как говорится, что видел, о том пою.

Если залезть обычным будним днем на последний, 42-й этаж Латиноамериканской башни — самого высокого здания мексиканской столицы, то частенько города можно попросту не увидеть или увидеть, но с трудом. Огромное белесо-желтое покрывало смога висит над домами, площадями и улицами, не позволяя обозреть все его прелести.

Я поднимался туда не единожды, в наивной надежде запечатлеть город сверху, но тщетно. Лишь однажды условия для съемки были приемле-

За последний год «амбулantes» — уличные торговцы были изгнаны из исторического центра города и получили места на оборудованных рынках.

мыми, но пелена не слишком сильного в тот день смога, висевшего над городом, все равно несколько затуманила изображение.

Однако смог — это еще полбеды. Ведь в городе, находящемся на высоте более 2 тысяч метров над уровнем моря, днем жарко, а утром и вечером — прохладно. И если ветер вечером и ночью не успевает разметать смог, то холодный воздух с раннего утра прижимает остатки белесо-желтого облака к земле, и тогда в некоторых особо загрязненных районах города остатки смога буквально ключьями повисают меж веток деревьев, на кустах. Это ужасное явление называется термической инверсией, и победить его, не одолев смог, нельзя.

Почему же так плохо дышится в Мехико? Во-первых, город окружен горами, что затрудняет его вентиляцию ветром. Во-вторых, в мегаполисе с 20-миллионным населением сосредоточено огромное количество промышленных предприятий. И, наконец, по городу практически ежедневно разъезжают, согласно различным данным, от 3 до 4 млн автомобилей.

Уровень загрязнения воздуха измеряется в пунктах по специально разработанной местными экологическими институтами согласно рекомендациям Всемирной организации

здравоохранения шкале ИКВ (индекса качества воздуха).

Загрязнение воздуха, превышающее 100 пунктов, считается опасным для здоровья человека. При уровне ИКВ в 200—300 пунктов у полностью здоровых людей появляются неприятная резь в глазах, сильное першение в горле, быстро наступает усталость и сонливость. Дневной сон после прогулки по городу в один из экологически «тяжелых» дней завершается пробуждением с головой, «как с похмелья», и зачастую долгим «возвращением в себя».

За те несколько месяцев, что мне довелось прожить в этом городе, дни, когда показатель ИКВ был меньше 100 пунктов, можно легко пересчитать по пальцам — двух рук вполне хватит.

И чего только не придумывают власти, чтобы решить экологическую проблему! Высокие штрафы для предприятий-нарушителей, жесткий контроль за транспортными средствами, программа «один день без машины» — все это дает либо минимальные результаты, либо вообще никаких. Предприниматели и водители чадающих авто зачастую откупаются взятками, которые в большинстве своем с удовольствием берут как полицейские, так и контролеры. А против программы «один день

без машины», предусматривающей, что в определенный день недели машины, номера которых оканчиваются на определенную цифру, не выезжают в город, люди быстро нашли противоядие — многие купили по второй или третьей машине (похуже и соответственно подешевле основной) и выезжают на них. Несколько месяцев назад обсуждался даже умопомрачительный проект проветривания Мехико специальными огромными вентиляторами, однако был отвергнут из-за колоссальной стоимости и элементарной нереальности исполнения ряда составляющих его элементов.

А пока ученые и специалисты ломают головы в поисках реальных путей решения экологической проблемы, врачи предлагают жителям и гостям мексиканской столицы два проверенных временем и медиками способа защиты: использовать в домах ионизаторы воздуха и хотя бы раз в неделю выезжать километров за 50—100—200 от Мехико либо вверх в горы, либо вниз — в долины и в течение 5—8 часов наслаждаться свежим воздухом, которого там более чем достаточно. Этого проветривания легких, говорила мне руководитель департамента отоларингологии центрального госпиталя министерства здравоохранения республики Магали Фликс, хотя и недостаточно «по жизни», но вполне хватает для нормальной деятельности до следующего «вентиляции».

С «КАЛАШНИКОВЫМ» НАПЕРЕВЕС

Помимо одного из самых экологически неблагополучных городов мира, мексиканская столица является местом, далеко не безопасным для жизни. Публикуемые статистические сводки различных государственных и частных организаций на этот счет весьма и весьма противоречивы. «Разброс» в цифрах составляет порой порядок, а то и больше. Но независимо от того, сколько в день совершается преступлений (на мой взгляд, самой реальной из распространенных по итогам 1993 года цифрой является 200—250), проблема преступности по своей остроте ненамного уступает экологической. Достаточно сказать, что в минувшем году 432 полицейских погибли и около 500 получили ранения и увечья различной степени тяжести в борьбе с преступным миром мегаполиса.

Как говорили мне независимо друг от друга несколько полицейских различного ранга, любая статистика преступности в Мехико условна. В некоторые месяцы лишь одна жертва преступления из трех-четырех, в дру-

Если подняться на последний этаж этой башни, можно оказаться выше смога.

Городской кафедральный собор — беда и гордость мексиканской столицы.

гие — одна из двадцати—тридцати обращается в правоохранительные органы в поисках помощи. Среди главных причин такого положения специалисты выделяют боязнь жертвы подвергнуться мести со стороны преступника, а также недоверие граждан к органам охраны порядка, неуверенность в том, что полиция сможет помочь. И эти опасения небеспочвенны. В минувшем году получили огласку немало случаев участия самих полицейских в преступлениях, особенно тяжких: убийствах, вооруженных ограблениях офисов, банков и фирм. Около 200 «стражей порядка» были изгнаны из рядов городской полиции в связи с предъявлением им обвинений в коррупции и использовании служебного положения в преступных целях.

Как правило, действующие в мексиканской столице преступники неплохо вооружены: в редких случаях — автоматические ножи, чаще — пистолеты, начиная с 22-го и кончая 45-м калибром, автоматы самых различных модификаций, включая наши «калашниковы».

В городе, где с наступлением темноты предпочтительнее в целях личной безопасности оставаться дома, действует неписанный закон, которого придерживаются почти все здравомыслящие люди: не оказывать никакого сопротивления при нападении, поскольку только это может стать в некоторой степени гарантией сохранения жизни при расставании с бумажником и прочими ценностями. В противном случае вероятность нескольких выстрелов в упор или ударов

ножом приближается к ста процентам.

Да, многие мексиканцы не носят с собой наличность и пользуются «пластиковыми» деньгами — «кредитками» или специальными карточками, позволяющими в нужный момент снять наличные со счета в одном из банковских автоматов, которых в городе более полутора тысяч. Однако многие делают это, ощущая на себе пристальный взгляд преступника, ожидающего пока клиент снимет деньги и направится куда-либо. Ведь у каждого банковского автомата не поставишь по полицейскому, да и всех клиентов персональной охраной не обеспечишь. Так что лучше все отдавать сразу, пока в голове или груди не появились не предусмотренные маташкой природой отверстия.

Да, такой вот город. И народу вроде много, и дышать вроде нечем, и по улицам ходить вроде небезопасно. Но жить там даже очень можно, впрочем, наверное, как и везде. А иногда даже и хочется. Ведь город этот, если оставить в стороне его беды и проблемы, очень красивый. И чем больше его узнаешь, тем больше неизвестного и привлекательного открывается взгляду. Ну что, надумали махнуть в Мехико в отпуск или на Рождество? Нет? А зря. А я вот с удовольствием! Вот только гонораров поднакоплю...

Мехико — Москва
Фото автора

В ПРАГЕ — ОРЛОЙ, В НЬЮ-ЙОРКЕ...

Есть уже много веков в знаменитой Злата Праге одна достопримечательность, около которой всегда многолюдно. Это — Орлой, то есть часы на башне ратуши, что на Староместской площади. Красивые средневековые часы с изукрашенным циферблатом. Каждый час открываются две дверцы и из одной в другую под звон колоколов медленно шествуют фигуры в старинных уборах. Но все зрители почему-то с особым интересом ждут одну — Смерть с косою в руках. «Помни, что ты смертен, что ты гость в этом мире!» Не лишнее напоминание в нашей суетной жизни.

А теперь на другой половине земного шара останавливаются люди и, задрав головы, внимательно всматриваются в огромное световое табло, где тоже ведется отчет, но не времени, а несколько иной материи. В Нью-Йорке на Таймс-сквер, где тоже всегда многолюдно, ровно в полночь 1 января 1994 года замелька-

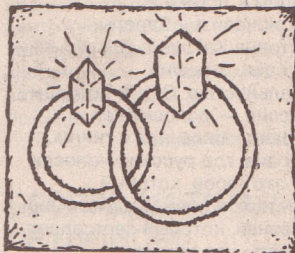
С МИРУ ПО НИТКЕ

ли цифры, когда чаще, когда чуть медленнее. Экран не гаснет ни на минуту. Как вы думаете, что там калькулируется? Ответ ужасен — число человеческих жизней, оборванных в Соединенных Штатах «с помощью» огнестрельного оружия.

Один богатый и, как ни странно, совестливый человек, финансист Роберт Бреннан, заплатил за установку этого «калькулятора», который уже окрестили «часами смерти», один миллион долларов и обязался ежегодно выплачивать еще по 20 тысяч «зеленых» за бесперебойную работу зловещего электронного счетчика. «Часы смерти», по его мнению, должны привлечь усиленное внимание к проблеме растущей преступности.

ЭТИМ СВАДЬБАМ МЕСТА БЫЛО МАЛО

Скромный французский городок Невиль-дю-Боск найдешь не на каждой карте. Однако недавно о нем заговорили не только во Франции. Причина? Шумная «золотая свадьба» собрала огромное число гостей: только са-

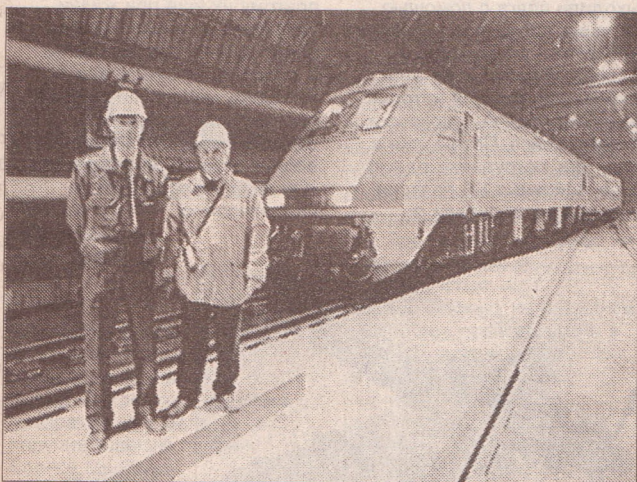
мых-самых близких было тридцать — 5 детей, 13 внуков и 12 правнуков. Церемония бракосочетания была повторена полностью, ибо вновь соединял руки «новобрачных» тот же мэр. Кстати сказать, он больше всех веселился на свадебном пиру и ловко вальсировал в свои 84 года.

Герои дня задумали еще весело отметить «бриллиантовую свадьбу», хотя тогда им всем вместе будет «всегда» около 200 лет.

А в жаркой Африке, в Кении, сыграли «свадьбу века»: жениху — 105 лет, невесте — 90. Дело в том, что поженились они более семидесяти лет назад, нажили 13 детей и 108 внуков и правнуков, но обвенчаны не были. Поэтому в церкви невеста имела полное право надеть белоснежный наряд. Ее суженый решился на это, дабы не умереть в смертном грехе. Правда, новобрачные о смерти и не помышляют: все работы по своему сельскому хозяйству ведут вместе и дружно, не прибегая к помощи многочисленного потомства.

СТАЛИ СИАМСКИМИ БЛИЗНЕЦАМИ

Впервые идея подземного туннеля под Ла-Маншем была «опубликована» в 1802 году, когда план осуществления проекта дороги под проливом был торжественно поднесен молодому императору Наполеону. Ему оставалось десять лет до московского похода и краха всех надежд. Громы военных труб были ближе слуху коронованного кровожадного корсиканца, чем музыка ломов и лопат.

Пробный состав в туннеле под Ла-Маншем

Через 70 лет на другом берегу, в Великобритании, новая компания «Чэннел туннел» взялась за работу. Были вырыты шахта и первые метры проходки. Но длилось это все недолго. Об этой идее забыли почти на век, на долгие десятилетия, полные двух мировых войн и разных европейских раздоров.

Новая компания «Евротуннель» под огромные кредиты многих европейских банков взялась за осуществление проекта и довела дело до конца. 1 декабря 1990 года все газеты и ТВ сообщили радостную весть: в середине туннеля встретились с двух сторон британские и французские проходчики. Это вызвало почти такую же бурю энтузиазма и радости, как первая встреча людей в космосе. Но открытие движения поездов все откладывалось и откладывалось. Как всегда и всюду, не хватало денег. В октябре прошлого года было предоставлено дополнительное финансирование. Общие расходы составили 10 миллиардов фунтов стерлингов, или 14,93 миллиарда долларов. В наши рубли и не вздумайте переводить, в полете свободного падения не успеть за галопом цифр на валютной бирже!

Компания «Евротуннель» торжественно заверила, что грузовые перевозки начнутся 7 марта, а официальное открытие этой подводной дороги для пассажиров состоится 6 мая этого года. Церемония этого праздника еще разрабатывается, но точно известно, что «ленточку» перережут английская королева Елизавета II и президент Франции Франсуа Миттеран.

До этого дня еще далеко, но билеты уже продаются, вернее, на них принимаются заказы. Билеты недешевы. Ведь ваша автомашина (счастливого вам путешествия!) поедет вслед за вами на грузовой платформе, пока вы в мягком кресле пассажирского вагона будете любоваться ярко освещенными стенами туннеля. Заплатите 220 фунтов стерлингов — и через три часа вы из Лондона перенесетесь в Париж: ведь поезд будет мчаться со скоростью 140 км/час.

Прокатившись в пробном составе, где сиденья были накрыты пластиковыми чехлами в ожидании будущих пассажиров, корреспондент журнала «Пари-матч» остроумно заметил: теперь Франция и Британия стали сиамскими близнецами.

РБОТА НАДАШИПКАМИ

«Русский сон»
Театр
им. Вл. Маяковского,
реж. К.Гомбер

Спектакль, рожденный невероятной страстью Клоди Гомбер — опыт-самого сумасшедшего предприятия, которое она предпринимала в жизни и редкий слухай настоящего сотрудничества России и Франции. Груз истории России, также как ее многогранная индивидуальность создают нечто головокружительное. Один русский писатель прошлого века сказал, что Россия изнемогает от невозможности выбора между Западом и Востоком. Ольга Михайлова питалась написать о давней традиции взаимоотношений России и Европы. Катрин, молодая француженка 20 лет, выросла на сказках, которые рассказывал ей ее русский дедушка. Катрин оказывается в Москве, столице Советского Союза, в эпоху Брежнева, возвращается через пять лет, в самый разгар Перестройки, и еще через пять в разгаре перемен, коренных изменений, поражающих поколенте «лишних», миллионы людей, для которых не существует более отправной точки, не существует никакой уверенности, но у которых осталось инстинктивное свойство уходить в мечту. Трижды Катрин оказывается у Ильи Ильича, центрального персонажа пьесы, вокруг которого все и вращается, во всех смыслах этого слова. Это герой, обладающий мифическим символизмом. Известно, что он — потомок Ильи Ильича Обломова, героя романа Ивана Гончарова. В течение всей пьесы он не встает с кровати, которая полностью представляет его внутренний мир. Дверь, говорящая о старой России, противопоставлена строительным лесам, как бы иллюстрирующим Россию вечно строящуюся. Соединение всех элементов работает на сновиденческое видение, что является драматургическим направлением постановки. Для Клоди Гомбер Россия — в этом. Она заключена в безумной сне, поверу

Режиссер спектакля «Русский сон» Клоди Гомбер

лицом к логике и рационализму Европы. Встреча Катрин с Идье — это сон, ставший реальностью. Сон, в котором Россия — волшебная страна, описанная в гнигах. Страна, где русский человек — это герой, который мечтает и переделывает мир спесней, который заставляет верить, что ничего невозможно. Илья — русский, он не может покинуть свою страну, потому что корни его — здесь: его земля, его бабушка. Для русских корни много значат. А Катрин живет в Европе, где научилась, с реальностями жизни. И понимает что ее любовь, и сам Илья — лишь химеры ушедших времен, исчезающие во снах вечной русской ночи. Бабушка Ильи — душа дома, и в финале пьесы, когда она покидает квартиру, свет постепенно гаснет, память и душа уходят из тела, жизнь кончается. Возможно, лик новой России возникнет за высокой старинной дверью, когда Катрин откроет ее. P.S. Вышеприведенный текст представляет собой монтаж отрывков из текстов, помещенных в специальном, целиком посвященном спектаклю, выпуске лионской газеты «L'Extraordinaire» (возможный перевод: «Из ряда вон»). Мы попытались во всей полноте передать особенности орфографии, пунктуации, лексики, грамматики и синтаксиса оригинала, над которым, как явствует из выходных данных, работали два редактора и три переводчика. Полагаем, что

неудобства чтения с лихвой искупаются тем исчерпывающим представлением о спектакле, которое дает текст.

Мехаил СМАЛНИЦКИЙ

ЗАКИДАЕМ «ЮНКЕРСЫ» ВАЛЕНКАМИ!

«U-87»
Выставка А.Беляева и
К.Преображенского в
галерее «Риджина»

Король галерейного эпатажа Олег Кулик совершил очередной tour de force (ловкий трюк), не оправдав ожидания любителей арт-халявы. Никаких акций с раздачей парной свинины, никакой большой жратвы на пленэре, собственно, даже никакого события — оно уже произошло, и нас там не стояло. А стояло нас около большой «мягкой игрушки» — самолета, явно предназначенного для мягкой посадки в условиях сибирских морозов. От него исходило тепло человеческой мысли, облекающей жесткое, конструктивное содержание текучей ворсистостью формы — в полном соответствии с их единством и борьбой противоположностей. Как выяснилось, цель далеко отстоящих от нас событий началась давно, в 42-м году, когда немецкий пилот самолета «U-87» был сбит где-то в Крыму и крымские татары по доброте душевной выходили врага с помощью исконных продуктов русского экспорта — меда, жира и войлока. В результате этой некровавой военной истории Германия обрела художника Йозефа Бойса. Потом, уже в наши дни, сотрудники одного из авиационных КБ полтора месяца изготавливали по

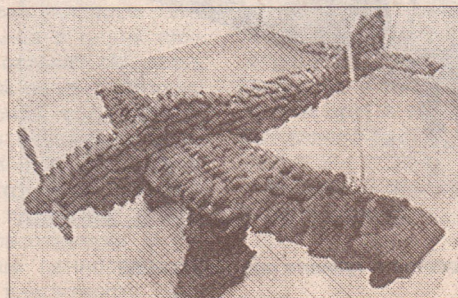
подлинным чертежам деревянную модель «юнкерса» времен ВОВ, четыре дня авторы проекта обивали эту модель настоящими валенками, на что ушло 1200 пар таковых, и всего за сутки был написан текст, пояснявший собравшимся все эти происшедшие без нас события. Выставка заставляет задуматься. После некоторых раздумий она вызывает восхищение своевременностью и ненавязчивостью культурного жеста: вам хочется увидеть в этом параллель Восток—Запад — пожалуйста; вас интересует проблема трансформации сакральных моментов отечественной истории — ради Бога; вам забавно поразмышлять об «идеологической» подоплеке использованной фактуры — да на здоровье. Кстати, экспонат можно трогать руками — погладить его и сказать что-нибудь ласковое. Он того стоит.

И.Л.

РОМАН БЕЗ ВРАНЬЯ, СПЕКТАКЛЬ БЕЗ ГЕРОЯ

«Разговор в семействе Штайн об отсутствующем господине фон Гете»
Моноспектакль,
реж. М.Сальтина

Гении способны на все, кроме злодейства. Вероятно, поэтому их еще при жизни так обожают женщины и не ценят прочие современники. А после не кто иной, как женщина, мешает позднему прозревшим потомкам создать бездушный идол из вполне земного человека. «Он знал университеты и пропитался их

Модель из
1200 пар валенок

Фото Д.Борко

безнравственностью, как конюшня запахом лошадей», «его манера ухаживать за дамами так порочна, что способна смутить душу», «его единственное дельное замечание за 10 лет: «вязаный ридикуль г-жи Гекгаузен слишком зелен». И это все о нем — «заезжем поклоннике муз», великом Гете! Но пьеса Петера Хакса (самого репертуарного немецкого драматурга после Брехта) не пасквиль, а живое свидетельство той, что вдохновила «бурного гения» на создание «Ифигении». Такой женщине есть о чем поведать миру, и неудивительно, что спектакль, в котором ей отведена главная и единственная роль, получился столь динамичным — отсутствие господина фон Гете остается просто незамеченным. Ариадне Ардашниковой (Шарлотта Штайн) удалось в прямом смысле материализовать на маленькой сцене ЦДХ старый Веймар со всеми его придворными секретами, ну а какой же Веймар без Гете? Что поделать, если настоящей Шарлотте он напоминал порой «спесивого индюка» («Какое кощунство!» — воскликнет гетевед). Этого индюка она, не читая, кстати, его стихов, в чем-то очень важном знала и понимала лучше, чем авторы многотомных исследований. Может быть, поэтому у нее было право на брань, а нам дозволено лишь благоговейно склонять головы при упоминании имени Гете.

Марина ЩУКИНА

БЛАНК, ПОЛУЗАПОЛНЕННЫЙ ВИКТЮКОМ

«Месть шута»
«Мосфильм»,
реж. Б.Бланк

Обработав ранее Чехова и Шекспира, энергичный постановщик взялся за оперу Верди «Риголетто», местами превратив ее в балет и поручив главную партию Борису Моисееву. Нью-Риголетто исполняет танцевальные репризы в любимом женском наряде,

манерничает, как «Служанки», влюблен в свою приемную дочь (девушку весьма легкого поведения) и ведет себя с герцогом не как слуга, а как любовник. По идее, перед нами бисексуал, чьи предметы страсти соединяются за его спиной, выставляя его сразу из двух любовных игр, отчего драма бедняги должна казаться вдвойне ужасной или вдвойне комичной (в зависимости от сексуальной ориентации зрителя). Коль уж пошла такая катавасия, трансвестировать следовало бы всю команду, начиная с герцога, которого с большим успехом могла бы сыграть жрица однополой любви (желательно чернокожая), и кончая Джильдой, в чьей роли неплохо смотрелся бы любой голубой герой нынешней сцены. Постоянные переодевания и неузнавания живо напоминали бы о традициях Шекспира, Гольдони и Лопе де Вега, тогда как любовно-психологические хитросплетения поставили бы в тупик самого г-на Фрейда. Увы, не преодоленный до конца архаичный сюжет тянет фильм в сторону обычной мелодрамы с благородным отцом, невинной крошкой и развратным злодеем, так что вместо эффектной развязки (в которой джокеру полагалось бы зарезать обоих коварных изменщиков и под транспонированную арию умереть самому в страшных судорогах пост-данс-модерна) с экрана считывается простенькая мораль. Режиссер, впрочем, и не скрывал своих воспитательных тенденций, написав в эпиграфе что-то насчет справедливости кары, постигшей Содом и Гоморру. Другое дело, что ничего особо содомического и гоморроидального в фильме нет. Зрелище не поражает ни откровенностью, ни утонченностью, ни чувственностью, ни размахом, словно все происходит не в кино, а в театре, где в окружении рисованных задников неловко предаваться натуральному разврату. Однако то, что в театре Виктюка балансирует на грани эстетизма и кича и компенсируется неподдельной страстью, в

кинотеатре Бланка переходит в откровенный кич, но сделанный с эстетским холодком. В данное определение я не вкладываю отрицательный смысл, поскольку установка на «рыночный вкус» у Бланка является сознательной и даже программной. Поэтому фильм, несмотря на интеллектуальные прорехи, смотрится как нечто цельное и не лишенное эмоциональности. Этим последним режиссер обязан своей ставке на Бориса Моисеева, в малоестественных обстоятельствах фильма ухитрившегося не то чтобы сыграть (актер он пока неловкий), а вытанцевать драму — непонятно какую, но оттого не менее ощутимую. Ведь если уж «есть речи — значенье темно иль ничтожно, но им без волненья внимать невозможно», то тем более есть такие жесты и движенья.

Виктор МАТИЗЕН

БЕСПРЕДМЕТНАЯ ЛЕТОПИСЬ

«Pinoller», 1994, нулевой номер

Название «Пиноллер» редакторы Александр Волков энд Сергей Гурьев объясняют разнообразно и изощренно. Может быть, это значит «кляп на мотороллере» (этимологическая версия), может — «женский каблук-шпилька, употребляемый для пинания в эротических целях» (экзистенциальная версия), а может — «чисто фонетический символ, гипотетически способный ассоциироваться у спящих читателей со скоростью»... Такое обилие расшифровок предполагает заведомое отсутствие содержания. После импрессионистской и сюрреалистической журналистики в рок-культуре появилась новая: нефигуративная. В сравнении с предыдущим журнальным проектом Гурьева, мрачной и оголтелой «Контр Культ Урой», новое издание: а) изящнее, б) разнообразнее, в) спокойнее и г) умнее. Есть и пятое

отличие: у «Контры» существовала некая система опор в реальной жизни — этот взбесившийся бойскаут Егор Летов со своей «Гражданской обороной», милая мальчикам из плохих семей игра в карманный армагеддон, идеология пост-панка («ноу фьючер» как вариация темы «ах, зачем я на свет появился и зачем меня мать родила»). Ничего этого у «Пиноллера» нет в помине. Он сделан как нечто принципиально ненужное, бездельное — и хранит статус сложной безделки с 1-й по 128-ю страницу включительно. «Что говорить, когда говорить не о чем?» Что делать, если любой поступок ведет к перемене, а любая перемена — к худшему? В

Обложка нулевого номера

припанкованном академизме «Пиноллера» есть что-то этакое буддийское. Интонации скандальны и саркастичны, макет агрессивен-четок, из каждых трех тем две кого-нибудь да эпатируют, но в целом чувствуется какое-то почти нездешнее спокойствие. «Спокойствие отчаянья»? Наверяд ли. Скорее, спокойствие сделанного — от корки до корки — выбора. От прошлого осталось мало. В настоящем «Пиноллер» не участвует. Но в будущее, которого нет, он смотрит с оптимизмом.

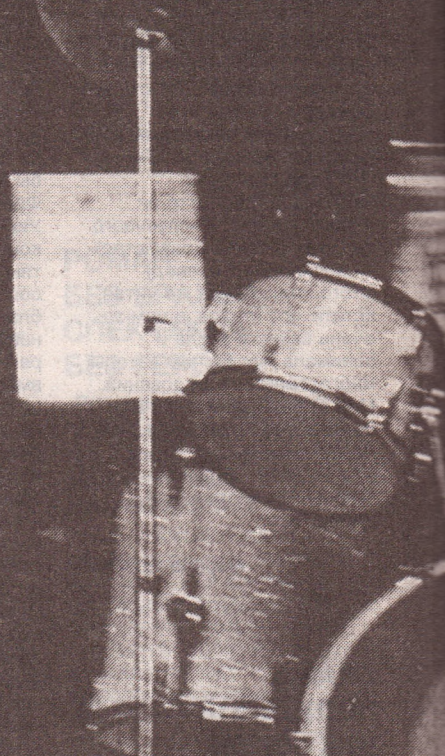
Александр СОКОЛЯНСКИЙ

Алексей БЕЛЯКОВ

ПОСЛЕДНЯЯ НАРОДНАЯ АРТИСТКА СССР

Из Большого Энциклопедического Словаря 2100 года издания: «Брежнев Л.И. — мелкий политический деятель эпохи Аллы Пугачевой».

Старый анекдот

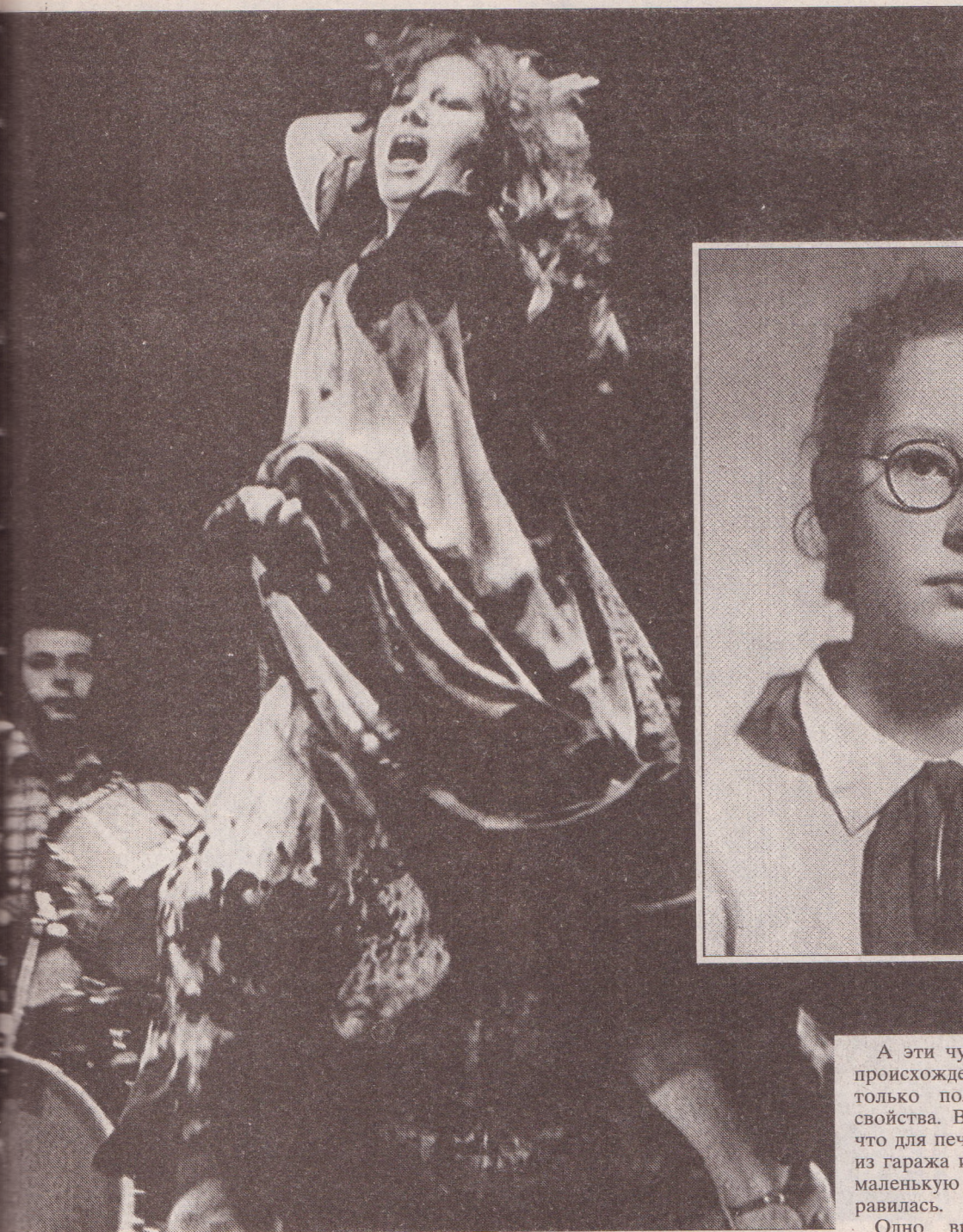

Двадцать лет назад — как сейчас помню, дело происходило на кухне — мама замешивала тесто, расспрашивая меня о предстоящих четвертных отметках. Вдруг она замолчала, прислушалась, подошла к радиоприемнику (который по сей день висит на том же самом месте) и прибавила звук. Сказала: «Вот я уже не первый раз слышу эту песню. Какая-то необыкновенная певица... Удивительная». Я тоже притих. Из динамика доносилось: «А-а-ах, Арлекино, Арлекино, нужно быть смешным для всех...»

А

ведь действительно, двадцать лет уже она с нами. Значит, ее глубоким голосом вскормлено целое поколение. Тот, кто мается сейчас в коммерческих палатках, марширует на плацу или, допустим, списывает конспекты лекций, не может представить мира без нее. Подобно тому, как тридцатилетним трудно вообразить, что когда-то не существовало в природе песни «Yesterday».

Тогда, в разгар бестолковых семидесятых, певицу полюбили быстро

Тринадцатилетняя пионерка
Страны Советов
Алла Пугачева (1962 г.)

и безоглядно.

Когда смотрели «Голубой огонек», завидев долгожданную на экране, разом прекращали поливать хреном холодец и жаловаться на скудность годового заказа. «Во! Тихо!.. (Пауза.) Чего это она глаза так накрутила?» — «Да не мешай!»

«Женщина, которая поет» была, безусловно, недосыгаема и в то же время представлялась совершенно своей, ну почти как Лидка-модница из восьмого подъезда: баба, конечно, с

небольшим приветом, но милая, добрая. Глянешь на ее походочку — и сердцу станет веселей.

Так не относились больше ни к кому. Это не значит, что любили ее одну. Нет. Были поклонники у Ротару, Кобзона, «Веселых ребят»... Но чьи еще наряды так долго обсуждались во время перекуров («Вчера-то видела? Что это за балахоны на ней?»), чья частная жизнь вызывала такой томительный интерес («Ой, как она на Паулса-то смотрит!»)?

А эти чудесные слухи непонятного происхождения, из которых, дай Бог, только половина была приличного свойства. Вот помню один — из тех, что для печати. Выезжала она, значит, из гаража и задавила ненароком свою маленькую дочь. После чего сама отправилась.

Одно время за столом велись хмельные споры на интересную тему: кто популярней на Западе — она или Ротару. Например, наш сосед, ведомственный шофер дядя Витя, утверждал, что Ротару. Мы с мамой обижались на такую очевидную несправедливость, но информированности дяди Вити противопоставить ничего не могли. Правда, тот же дядя Витя требовал, чтобы все замолкли, если в телевизоре возникала Ротарина антагонистка. А его сын — мой одноклассник — суетливо нажимал клавиши на заранее приготовлен-

ном магнитофоне «Электроника-301» и, присев на корточки перед экраном, вытягивал руку с микрофоном: записывал новую песню прямо с телевизионного динамика. Потом, когда запись неоднократно прослушивалась, мы уже знали назубок, что после надрывных слов «жизнь меня порой колотит и трясет» будет различим вздох тети Ларисы, а во время проигрыша кто-то шаркнет тапочком.

Когда она уже стала Первой Певицей Союза (которой останется на-

вечно), интеллигенция вдруг затараторила о ее вульгарности. При этом непобиваемым козырем предьявлялись песни из «Иронии судьбы» (гитара — С.Никитин). «Ведь может же она так петь. Может!» Это была своего рода ревность: исполняла так задушевно, как... ну как Окуджава или как мы на слете КСП в Яхrome. А теперь — что это за дешевые вопли?

И как это бородатым инженерам, одухотворенным «санитарам леса», было невдомек, что продолжай она

беречь Цветаеву в камерной манере, то дальше ДК завода им.Ильича и «высоконравственных» скучнейших передач Беллы Курковой не двинулась бы. А такие артисты живут для триумфа.

Но самое-то главное — она всегда пела только то, что хотела. (Кто из нынешних корифеев эстрады не кривя душой может похвастаться этим?) И вела она всегда себя так, как хотела. Ей единственной удавалось диктовать свои условия яркой

«Придуманно не мной,
что мчится день за днем...»

игры. А именно — каким-то непостижимым образом просто сохранять независимость. Кто-то воскликнет: нашел диссидентку! Да нет же, упаси Бог. Но кто еще мог себе позволить таким голосом петь на всю страну о бабьих, простите, переживаниях и больше, по сути, ни о чем? Вся нынешняя «отвязанная» эстрада: профессиональная, кабацкая, ерническая, глупая, сентиментальная — любая — обязана ей. Тут никакого открытия я не делаю.

Готовясь писать эти скромные заметки, я педантично пытался вспомнить хотя бы одну песню, за которую ей теперь было бы не то чтоб стыдно, но малость неловко, что ли. То есть когда приходится произносить сакраментальное: «Ну, время-то какое было!» Тщетно. Вспомнить нечего.

Та же Ротару — талантливая, кстати, вокалистка — «отработала» положенное жутковатым пахмутовским гимном агонального периода «Я, ты, он, она — вместе целая страна». Или — чего уж греха таить — заводной Леонычев. Большую эстраду он взялся осваивать со вполне официального, лирико-патриотического шлягера про «ненаглядную сторону», про «сыновей-дочерей».

Правда, черт его знает, может, коварство коммунистических умников в том и состояло, чтобы всегда иметь благодатную возможность указать

злопыхателям: вот, мол, смотрите, самая популярная певица — и вытворяет, что заблагорассудится, а мы лишь аплодируем и улыбаемся снисходительно. В любом случае этим ребятам досталась жалкая роль.

Если окинуть ту эпоху мысленным взором с нынешних ментальных высот, то и выяснится, что получилось все как раз как в том анекдоте про энциклопедию и Брежнева.

Не повезло и Горбачеву. Едва присвоил Михаил Сергеевич моей ге-

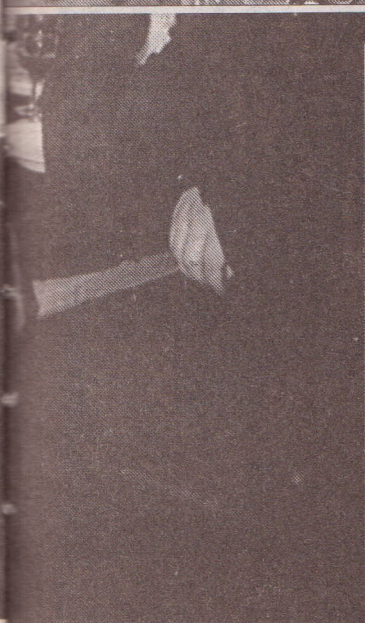
роине уже в общем-то никчемное звание «нар. арт. СССР», как сразу провалился в политический вакуум — вместе с СССР. «Но, впрочем, песня не о нем, а о любви».

Так уж сложилось, что до минувшего декабря я ни разу не видел ее, что называется, «живьем». Поклоннические потребности флегматичного автора вполне удовлетворялись созерцанием примы на телеэкране.

Не так давно предложили по случаю

посетить съемку «Рождественских встреч», которые, как известно, на этот раз не отличались характерным размахом, и я быстренько согласился.

Примерно час пресса и гости прохаживались в холле казино, ожидая приглашения в небольшой зал, где и предстояла съемка. Я то закуривал, с веселым испугом погружаясь в мягкость черного кожаного дивана, то вскакивал (не без затруднений) и принимался как бы невзначай ко-

«Надо бы, надо бы, надо бы
остановиться.
Но не могу, не могу, не могу,
не могу...»

ситься на высший свет: Вайкуле, Титомира, Буйнова, а также красоток «от Юдашкина». Потом заметил знакомого, заговорил.

В какой-то момент я бросил случайный взгляд в сторону...

Вышло, знаете, до смешного похоже на замусоленный прием комедийного фильма: персонаж беспечно взглядывает куда-нибудь вбок и быстро возвращает голову в исходное положение. Потом мы наблюдаем запоздалую реакцию (например, вздрагивает спина) — пришло осознание увиденного. Наш субъект начинает постепенно, словно в страхе за свое душевное равновесие, поворачивать голову туда, где только что подстергал его некий сюрприз.

Да-да, я заметил ее. (Но не сразу сумел идентифицировать в суете.) Признаюсь, что пребывал до этого момента в каком-то детском убеждении, что наша встреча — славно сказано, однако! — что наша встреча произойдет иначе, согласно всем законам жанра. Все вдруг сразу перестанут болтать, обернутся в едином порыве, расступятся, вспыхнут неведомые софиты, и музыка грянет... хотя это уже излишне.

...Она стояла совсем близко, курила, смеялась. Кого-то увидела в дверях, легко подманила рукой, расцеловала.

Оказывается, она сутуловата, удивился я.

В январе 1994 г. Алла Пугачева и Филипп Киркоров (род. в г. Варна в 1969 г.) объявили о своей помолвке

Когда мы все уже наконец расселись в маленьком ресторанном зале казино и операторы прильнули к камерам, она попросила микрофон, который не выпускала уже до конца долгого вечера. Вышла на середину, осмотрелась и стала подробно объяснять, как следует вести себя публике во время съемок. «А в общем, делайте, что хотите», — засмеялась.

У нее действительно тогда было что-то не в порядке с голосом, и каждый раз, когда неугомонная «звезда» хрипловато кричала режиссеру: «Файфман, ты готов?», я боялся, что вот сейчас — все, голос сорвется совсем и она ни слова не сможет произнести больше.

Как изящный чертик, она вскакивала после очередного выступления и требовала с ласковой угрозой: «Хлопаем, хлопаем! Нас же снимают! Пожалуйста!» Или: «Та-ак! А что это все притихли? Три-четыре: а-а-а! Bravo!»

Завсегдатаи студий знают, что съемка (тем более яркого шоу) — не самое благодатное занятие в первую очередь для массовки. Каждый номер

фиксируется на пленку несколько раз. Словом, довольно утомительно.

Когда наша предводительница заметила пустые стулья в задних рядах, где сидели нетерпеливые журналисты, то заголосила с дурашливыми интонациями: «Никто не уходит! Я буду сегодня, как Тамара Максимова ночью двенадцатого декабря. Никто не уходит! Мы празднуем все вместе!»

В последнее время она особенно очаровательна. Когда наивные собратья по цеху самозабвенно отдаются политикам, не вызывая, откровенно говоря, ничего, кроме ироничной жалости, она неожиданно завораживает приунывшую публику стремительной чередой разводов, романов и помолвок — опять-таки не изменяя своему «фирменному» стилю. «Ах, Арлекино, Арлекино...»

Она никогда не вступит в очередную партию «Российского движения мыслей-скакунов» и не примет предложения златозубого степного президента неожиданной республики стать советником по делам культуры, ибо слишком хорошо знает цену своей артистической свободы.

Мне трудно поверить, что она, подобно Шульженко, когда-нибудь превратится в этакую поющую реликвию. Но уж если касаться такой терминологии, то осмелюсь вымолвить, что она останется нашим добрым талисманом. И пока будет петь — Бог даст, мы не совсем свихнемся.

Пойте, пожалуйста. Если начисто пропадет голос и надоест любить — все равно пойте, пожалуйста, Алла Борисовна.

Фото ИТАР—ТАСС и РИА—Новости

Поскольку событием литературного года по-прежнему остается Букер (ввиду обильности ужина и трудности попадания на него), у критиков появился наконец повод серьезно поговорить о Викторе Пелевине: его книга малой прозы «Синий фонарь», блестяще составленная А.Мирером в серии «Альфа-фантастика», удостоилась в 1993 году малого Букера. Это событие, во-первых, неприлично (ибо Пелевину едва за тридцать), во-вторых, символично. Букер, как поведала широкой публике Алла Латынина, известен своими цыплятами. Пелевин — тоже: особо пронизательный читатель примерно со второй страницы его самой трогательной повести «Затворник и Шестипалый» догадывается, что речь в ней идет о двух узниках инкубатора — птицах одного цвета с синим фонарем.

Дмитрий БЫКОВ

«СИНИЙ ФОНАРЬ» ПОД ГЛАЗОМ БУКЕРА

Ренессанс фантастики сегодня предопределен фантастичностью времени, и сопоставления с двадцатыми годами (фантастика Замятина, Каверина, А.Толстого) сделались общим местом. Чтобы выразить наше вялотекущее, но безумное время в семейственном или производственном романе, потребна временная дистанция. Фантастика в ней не нуждается. Притча, как ни парадоксально, может быть создана по горячим следам. Так что разговор о повестях и единственном пока романе Пелевина «Жизнь насекомых» есть так или иначе разговор об эпохе.

По детской привычке я в любой критической статье выискиваю ключевую оценку: хвалит — ругает. Хвалю этого автора безоговорочно, ибо очень его люблю, — и это не мешает мне видеть и даже приветствовать тот факт, что большинству его сочинений скроены по одному чертежу. При всем разнообразии материала подход Пелевина к сюжетам чаще всего одинаков и мировоззрение его довольно ясно. Едва ли не лучший рассказ во всем «Синем фонаре» — «Онтология детства»: весь «Фонарь» представляет собой пеструю, но единую антологию таких онтологий. В этом рассказе нет решительно ничего фантастического, кроме фантастической виртуозности, с которой проведён прием. Медленно, по штришку, нагнетая детали, Пелевин показыва-

ет остранный, поистине детский мир, постепенно давая понять, что речь идет о мире ребенка, растущего в тюремной камере. Сначала упоминается лежак, потом — общее утреннее раздражение, столь характерное для замкнутых пространств, будь то камера или казарма; наконец стена падает, и чудовищные детали наплывают потоком. Счастливое, полное своих игр, своих непознанных пространств детство узника вырастает наконец до общей метафоры, и потрясенный читатель отрешивается от этой бездны отчаяния, уговаривая себя, что автор попросту пробует прием. Ничего подобного. Пелевин, безусловно популярнейший прозаик нашего времени, мыслит мир как тюрьму, и в этом нет ничего удивительного.

Я на Пелевина в обиде: он снял у меня с языка один сюжет, даром что исполнил его на порядок лучше, чем я мог мечтать. Речь идет о «Принце из Госплана». Когда я впервые поиграл в «Принца» — прелестную компьютерную игру, — меня соблазнило ее сходство с жизнью. Компьютерная игра вообще похожа на жизнь: онтоло-

гия, простите за умное слово. Герой существует в замкнутом пространстве своих возможностей и умений (умеет прыгать, бегать, останавливаться в раздумье). У него есть абстрактная цель, которой он не видел (в игре эта цель называется Принцессой; зная некоторую комбинацию, играющий может на нее посмотреть в процессе своего восхождения к цели). Принца подстерегают опасности (вроде разрезалки пополам, толстого стражника или деревянных кольев, на которые так легко упасть), но есть у него и спасительные подкрепления: выпивая волшебный кувшинчик, он получает лишнюю жизнь. Эта лишняя жизнь — прямая экстраполяция буддийских учений, да и все остальное идеальной метафорой ложится на наше повседневное существование с его ограниченными возможностями (бегать, прыгать, стоять в раздумье), абстрактной Принцессой, неприятными стражниками и скрытым Играющим, от настроения которого зависит исход игры. Чувство скованности, связанности (в том числе и финансовой) нам всем слишком знакомо. Кроме того, играть можно только час. Есть, правда, переходы с одного удачно пройденного уровня на другой (Пелевин точно использует эту особенность игры как метафору карьеры). Но какая разница между седьмым и первым уровнем? Все то же самое, только стражники толще, как справедливо замечает более опытный игрок.

Пелевин с великолепной иронией стирает грань между игрой и жизнью играющего, который все время проходит один и тот же путь, время от времени влезая в чужие компьютерные игры, лавируя между танками, каратистами и прочими персонажами прочих замкнутых миров. «На что я надеюсь?» — все время спрашивает он себя. И в самом деле: на что?

Это понимание жизни как замкну-

той клетки ничего общего не имеет с социальностью, даром что Пелевин часто иронизирует над реалиями славного прошлого и особенно остроумно делает это в «Омоне Ра», принесшем ему первый шумный успех. Социальная клетка — лишь один из бесчисленных уровней, одно из проявлений тотального тупика. Пелевин потому и нетрадиционен, что это первый абсолютно безрелигиозный писатель в русской традиции. Даже у трезвейших поздних Стругацких были Странники или Людены — существа с принципиально иной, непостижимой логикой; образ Божества, Промысла. В том-то и дело, что при всех вечных пелевинских переходах из одного мира в другой для героя ничего не меняется. Только стражники толще, а отношения стражника и странника строятся по прежней схеме.

Жизнь играющего есть жизнь Принца. Пелевин с завидным упорством проводит эту мысль, какие бы хитрые сюжетобразующие метафоры ни лежали в основе его сочинений. Меняется среда, антураж, материал; типология та же. Не случайно сходство, удручающее однообразие миров, по которым странствует герой. В «Омоне Ра» (этот эпизод был когда-то рассказом) один из героев путешествует в свою генную память, но в каждой из эпох роль его, функция и даже любимые словечки остаются теми же. В «Затворнике и Шестипалом» переходы из мира в мир оказываются в конечном итоге странствиями по одинаковому залу инкубатора. «Жизнь насекомых» идет по вполне человеческим законам (или жизнь людей — по вполне энтомологическим), и даже недавняя «Желтая стрела», бесконечный поезд жизни, состоит из одинаково грязных вагонов, бизнесмены в них сидят или рядовые пассажиры.

Изобретательность Пелевина в варьировании таких миров — бесконечна. Прием дает ему неограниченные возможности выставлять на посмешище любые религиозные представления, и цинизм Пелевина обаятелен, поскольку за ним стоит подлинное отчаяние. Возьмем тех же цыплат-философов, которые в очередном мире-цехе формулируют новую религию: чтобы получить вторую жизнь, надо как можно меньше есть и как можно больше молиться. Цыплатя перестают клевать, и в результате их отправляют на новый цикл выкармливания. А цыплатчи представления об аде вызывают у читателя гомерический смех сквозь ниагарские слезы: затворник на полном серьезе полагает, что «в аду нас жарят на сковородах и едят».

Собственно, прием не нов: вся

«Жизнь насекомых» Пелевина вышла из раннего рассказа Арканова «В этом мире много миров» (в сборнике «Все» он называется «Таинственно и странно»). Там отважный космолетчик Жужар и героический разведчик Тарак гибнут — один под ударом тапочки, другой в тщетных попытках пробиться за стекло. Самое интересное, что мальчик, не выпустивший бабочку и прихлопнувший таракана, со дня на день ожидает возвращения своего отца в родную галактику. Этот трогательный и милый рассказ отличается от пелевинской «Жизни насекомых» главным образом размером. На пространстве романа Пелевин, разумеется, сумел провести вдесятеро больше параллелей, живописав любовь иностранного комара к местной мухе, философствования двух мотыльков и, что ему лучше всего удалось, медленное взросление молодого жука-навозника. Эпизод с навозниками, надо заметить, — вообще едва ли не самое смешное и страшное, что вышло из-под пелевинского пера. Старый жук-навозник, отец нашего героя, лепит и толкает перед собой огромный шар, который у навозников называется Яа. «Мир и есть Яа», — поясняет навозник, и эта диалектика личного и общего выходит у Пелевина столь убедительно, что основной вопрос философии снимается как таковой.

Говоря по-умному, Пелевин вычленяет и разоблачает архетипы человеческого сознания, и, когда эти вечные мифы разоблачаются, глазам читателя открывается ужасающая картина всеобщей безысходности. Даже если наш мир не единственный, даже если он имеет продолжение, нет никаких оснований полагать, что другой мир будет чем-то отличаться от нашего. Вот почему в одном из рассказов Пелевина загробная жизнь оказывается всего-навсего продолжением обычной работы обычного учреждения, даром что черная полоса на блузке секретарши — не последний крик моды, а след от автомобильного протектора.

В «Дневнике одной собаки» Мамлеева, по-своему разоблачающем религиозное чувство, цинизма тоже хватало. Но у Пелевина все куда веселей, несмотря на то, что его волшебный фонарь — поистине синий и все причудливые картинки возникают у этого автора в мертвенном, жутковатом свете ночного фонаря за окнами пионерлагеря. Жизнь и видится Пелевину гигантским пионерлагерем, вселенской казармой, тотальной компьютерной игрой (ибо как бы Принц ни прыгал — он не может выпрыгнуть из дисплея). Отчетливое и неприкрытое понимание мира как клетки

особенно примечательно у Пелевина тем, что он не предлагает никакого выхода из этого экзистенциального тупика, кроме... но об этом позже.

В каком-то из рассказов Пелевина («Фонарь» давали почитать ненадолго, теперь ни с чем не сверишься) возникает загадочная восточная секта, наиболее «продвинутые» монахи которой могут постичь жизнь. Самое интересное, что постигшие (их так и называют «Убедившиеся») начинают постоянно кричать, прерываясь разве что на еду. Их помещают в специальный монастырь со звуконепропускаемыми стенами, и там они кричат до конца дней своих. В некотором смысле вся проза Пелевина и есть крик такого постигнутого — убедившегося до конца, что «ты лишь круг бесконечно белого света, кроме которого ничего не было и нет», как пишет у него мотылек-поэт. Вот он и кричит, потому что — постиг.

Разумеется, он кричит с презабавными фиоритурами, ибо в полном соответствии с духом времени понимает, что на голый крик читателя не возьмешь. Читая Пелевина в самом деле очень смешно, но мороз подирает от его шуточек (как, например, в «Желтой стреле», где умерших сбрасывают с поезда и цветы вокруг могилы поп-звезды похожи на использованные презервативы, а сама могила состоит из мраморной плиты с рекламной «Пепси-Колы», причем к плите прикована полуразложившаяся поп-звезда, и герой усматривает в таких похоронах признак цивилизации). Так шутить можно только в наше время, когда границы возможного здорово раздвинулись.

Но поскольку всякий конец века сопровождается кризисом религиозного сознания, то и нам нечего от него прятаться ни за псевдоренессанс религии в России, ни за богослужения с неперменным присутствием отцов города. Наиболее мощные прозаики нашего времени трезвы и безрелигиозны. Но если Петрушевская выводит невозможность Бога из окружающих кошмаров, пыток быта, невыносимости жизни, то Пелевин попросту развенчивает архетипичность, наивность любых мифов. Он усматривает в любой религии со всеми ее нравственными принципами и загробными утешениями лишь бледную экстраполяцию, продление земной жизни, распространение ее правил на неведомые сферы. Только человек, вдоволь начитавшийся оккультной литературы, способен так высмеять философов: «Что такое Дунья?» — спрашивает Шестипалый у Затворника. «Область мира такая», — после небольшого раздумья отвечает Затворник. И по-своему он совершенно прав.

Другое дело, что повесть о двух цыплятах — самая светлая пока вещь Пелевина. Мало того что в ней есть любовь, дружба и общая трогательность межцыплячьих отношений; в ней есть и хеппи-энд, разрыв дурной бесконечности одинаковых миров. Как всегда у Пелевина, метафора многозначна и универсальна: Затворник и Шестипалый натренировали себе крылья (без всякой надежды и цели) и насобачились — нацыплячились — летать. Когда Шестипалый попытался улететь из-под ножа, клюнув в глаз тупого палача своего, — тот швырнул в него огнетушителем. Но не попал. И разбил окно. И Затворник с Шестипалым сумели в это окно вылететь, увидев наконец солнце, такое огромное рядом с тем, что они прежде называли светилами.

Вот в этом стоическом выходе — натренировать крылья без конкретных намерений, авось да кинут огнетушитель — брезжит некая надежда. Но эта повесть — ранняя. Поздний Пелевин жестче. И тем не менее в «Желтой стреле» (так странно и бездоказательно обруганной М.Золо-

тоновым) этот выход намечен снова: чтобы начать движение, надо сойти с поезда. С поезда общей жизни, если угодно. Тут начинается собственное движение.

Правда, не следует питать никаких иллюзий относительно другой жизни: ее не будет. Постигший все равно кричит. Мир, в который вылетели Затворник и Шестипалый, мир, в который Андрей сошел с поезда, живут по тем же законам, что поезд и инкубатор. И жизнь в этом мире так же похожа на смерть (тема смерти при жизни, мучившая Блока и Георгия Иванова в годы безвременья, возникает у Пелевина сплошь и рядом — в «Мардонгах», в рассказе «Синий фонарь»...). Но есть основное отличие: в этом мире герой движется уже по собственной траектории. Ничья воля не подталкивает его. Он не проходит цикла. Он не едет в поезде. Он сам отвечает за исход игры. Воля игрока над ним больше не властна. Принц не покинул дисплея, но стал прыгать и задумываться самопроизвольно. Конец один, но процесс разный. Пелевин в известном смысле следует собственному

правилу, сойдя с поезда русской литературы (в том числе фантастической) и конструируя собственные миры — по одному, но оригинальному образцу.

Говорить о перспективах творчества Пелевина — тухлый номер. Любопытно, что в конце прошлого века религия временно сменилась нищезанством, в конце нашего наиболее умные дошли до стоицизма, хотя в основе нищезанства и пелевинского стоического одиночества лежит один и тот же индивидуализм, опора на себя, бегство от общего пути и общих правил. Об эволюции Убедившегося говорить трудно: Пелевин, кажется, во всем уже убедился. Выше головы не прыгнешь. Жужар не может сломать стекло. «Мне, бабочке, залетевшей в комнату человеческой жизни»...

Да-да. Все, как у Хлебникова. Оставить пыльцу.

Но в том же «Затворнике и Шестипалом» Пелевин счастливо придумал еще одну метафору: «Мы появляемся из белых шаров, а шары появляются из нас». Не знаю как для кого, а для меня утешительно.

Дикие животные сказки

Людмила ПЕТРУШЕВСКАЯ

ЖАБЕРНЫЕ ЩЕЛИ

Карп Сережа потому так стучал орденами, что в пруду можно было найти все — от пружин детской кровати Светланы Аллилуевой до медали «Столетие ГУМа».

Карп Сережа, однако, собирал не это, а знаки отличия: за победу на конкурсе баянистов им. Вас. Андреева, за 1-е место в конкурсе чтецов «Мой милый, что тебе я сделала» и т.д.

Но главным украшением коллекции карпа Сережи были все-таки значки типа «Герой Социалистического Труда», «Лауреат премии им. Воровского» и 1-е место на конкурсе молодежи до сорока лет в Канне, которые размещались у него в районе последнего брюшного плавника, т.к. все было забито встык.

Из-за обилия значков карп Сережа (да и аппетит сказывался) почти не плавал, ходил по дну пешком, а в решающие моменты ползал, как античная рыбка целакантус.

Несмотря на это, плотва Клава, например, не раз сквозила мимо, трясая кружевными панталонами от мадам Та-ти (Париж).

Однако карп Сережа уже в такие тонкости давно не

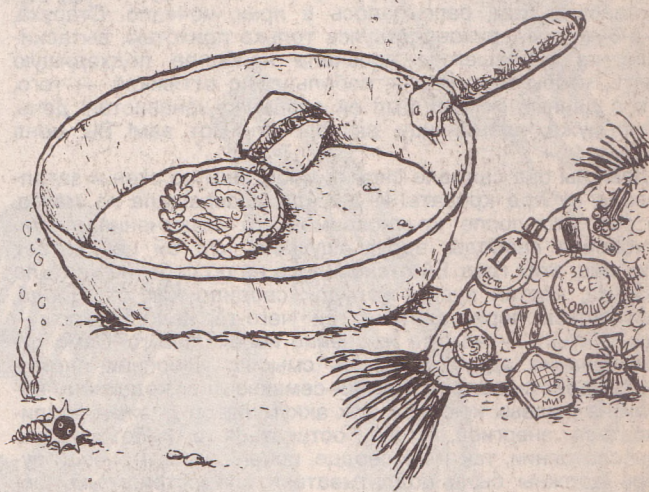

Рис. А.Лукьянчикова

вникал, а после того как главная цель и мечта его жизни, червь Феофан, не пошел на отношения, все интересы бедного карпа ограничились гастрономом на углу и поисками новых знаков отличия, для чего карп Сережа уже приготовил жаберные щели, пошел и проколол у косметолога комара Томки.

Предыдущие «Дикие животные сказки» читайте в NN 22—52, 1993 г., и в NN 1—6, 1994 г.

Сергей БОРИСОВ

«СОБАЧИЙ» ВАЛЬС

За окном рос клен. Старуха любила смотреть на него. Это была одна из немногих оставшихся в ее жизни радостей. Когда она смотрела на клен, то переставала жалеть, что глаза ее видят так же хорошо, как и двадцать, сорок, шестьдесят лет назад.

Ей хотелось ослепнуть, когда она отворачивалась от окна. На стенах комнаты висели портреты — дагерротипы, фотографии, писанные маслом и акварелью картины. Глаза давно ушедших смотрели на нее так же безмятежно, как она смотрела на клен. Она не могла долго выдерживать скрестившиеся на ней взгляды и вновь поворачивалась к окну.

Бросили меня, думала старуха. Все бросили. По какому праву? Спрятались в прошлом, а ей — жить? И она с ненавистью вспоминала когда-то любимые черты.

Старуха выискивала в памяти какую-нибудь деталь — слово, жест, все равно что, — связанную с кем-то из оставших ее в одиночестве близких, и с недюжинной изобретательностью превращала ее в свидетельство мерзости и низости этого человека. Исключений ни для кого она не дала. Все они предали ее. Все!

Память была услужлива, хотя выбор предлагала не такой уж богатый: в ней осталось лишь то, что от случая к случаю востребовалось хозяйкой. Все то, что не отвечало ее потребностям, что с трудом трансформировалось из белого в черное, было задвинуто в самые дальние уголки, забыто там, рассыпалось в прах, исчезло. Старуха, точно играясь, руководствуясь только прихотью, вытаскивала из оставшегося арсенала наиболее подходящую плеть, чтобы стегнуть — побольнее, с отяжкой — того, кто в данный момент был ей особенно ненавистен: дочь, зятя, мужа, племянницу, внука... Вот! Вот вам! Вы меня предали!

Дважды она снимала снимки и картины со стен и заталкивала их под кровать. И дважды возвращала на место, потому что после кратковременного облегчения, после дуновения свободы, вдруг ощущала, что ей не хватает этих лиц, этих глаз. Ей становилось не по себе: не хватало воздуха, частил пульс, желудок сводило как от голода, нарушалась перистальтика. Ей чего-то не доставало — еды? питья? — чего-то жизненно необходимого. Само существование вдруг лишалось смысла: ущербная память ее бездействовала и плетки-семихвостки недвижно висели на ржавых крючках. Как аккумулятор должен подпитываться энергией, чтобы оставаться в работоспособном состоянии, так и ее сердце, печень, мозг, мочевой пузырь должны были подпитываться сладострастным наслаждением от издевательств над незримыми усопшими. Она больше не пыталась убрать портреты и чувствовала себя вполне сносно, а если учесть, сколько ей было лет, то любой врач сказал бы с удивлением, что у нее просто железное здоровье. Однако ни один врач не мог этого констатировать по той простой причине, что к врачам она никогда не обращалась, — она не верила врачам, как не верила уже никому. Воистину у нее было железное здоровье, вот только порой ей хотелось ослепнуть...

Портреты стегали ее взглядами, но она научилась справляться с ними: отворачивалась к окну, а когда надо было пройти через комнату, смотрела под ноги, на почерневший потрескавшийся паркет.

Ковер она продала давно — года через два как пере-

хала из коммунальной квартиры в эту однокомнатную. Тогда она была еще хоть куда: посещала вернисажи, гуляла по Тверскому и Гоголевскому, где кусочками французской булки кормила голубей, слушала вечерами молодых поэтов у памятника Маяковскому, ходила из приемной в приемную... Все секретарши всех начальников, встречавшихся на пути, боялись ее как огня. Она не кричала, не стучала кулаком по столу, не грозила, не роняла слезы на морщинистые щеки, она тихим голосом осведомлялась о наличии в кабинете руководства (начальство чаще всего было занято чем-то якобы неотложным или действительно безотлагательным), ей вежливо или сердито предлагали зайти, скажем, на следующей неделе, она кивала: поняла, мол, — и приходила на другой день — с тем же вопросом, с бесстрастным лицом и сухими глазами.

Она не требовала невозможного. Она желала получить лишь то, что положено, — по закону, не больше. Но и не меньше! И ей нет дела до того, что положенное ей положено тысячам и тысячам других. Эти другие не ходили по кабинетам и не добивались справедливости: то ли стыдились такой справедливости — «справедливости для себя», то ли оставили надежду на благоприятный исход, то ли не хотели дразнить гусей... Она не задумывалась над тем, что их останавливает, она вообще не думала о них. Никто не думал о ней, и она не видела причин, чтобы утруждать свои чувства мыслями о ком-то. Все оставили ее — покойники! Вот и она оставила всех в покое.

Она получила пенсию за мужа. Получила и квартиру. Ничуть не сожалея, выехала из-под высоченных потолков центра Москвы и въехала в «хрущобу» на окраине. Кухня крошечная, стены — точно картонные, зато в коридоре не сталкиваешься с опухшим от пьянства майором в отставке (может быть, это он мучил мужа?) и крикливыми отпрысками еврейской семьи из комнаты напротив.

Одна.

Она поддерживала прежний ритм, стиль жизни. Сохраняла ее образ. До тех пор, пока, поскользнувшись на обледеневших ступеньках у подъезда, не сломала шейку бедра.

У пожилых людей это случается нередко. Редко у кого двигательная функция восстанавливается полностью.

Она долго лежала в больнице и все-таки выписалась много раньше хотя бы относительного выздоровления: врачи уступили ее настояниям. Она не сказала им правды — так, наплела что-то, — а правда состояла в том, что ей неумоготу было находиться среди причитающих, бормочущих бессвязные глупости старух, ее соседок по палате. Старухи сменяли друг друга, но все они были безобразными, шамкающими, трясущимися. Она выписалась — ковыляющая, но держащая спину прямо женщина.

Одна.

Через день-другой она поняла, что одной ей не справиться. Нужна была — нет, не сиделка, ни в коем случае, — помощница. Значит — нужны деньги: забота да внимание дорого стоят. Тогда она продала ковер...

А ковер был хороший! Персидский. Сделанный вручную чуть ли не в начале века. Не растерявший с возрастом ни цвета, ни красоты. Его ценность, разумеется, не была адекватна количеству и качеству услуг, предоставляе-

мых только что вышедшей на пенсию медсестрой, которой надо было подработать. Она не очень утруждала себя заботой о старухе, ограничиваясь небрежной уборкой и столь же небрежной готовкой из более чем скудного ассортимента. Ее роль помощницы закончилась вместе с иссякшими деньгами — ни о каком бескорыстии и речи не шло.

Впрочем, старуха рада была вновь остаться в одиночестве. Несколько месяцев вынужденного поста, организованного бывшей медсестрой, убедили ее, что неприхотливая пища так же удобоварима для ее желудка, как и нечто более изысканное и разнообразное; месяцы вынужденного общения с суровой в своем безразличии помощницей окончательно подорвали веру в род человеческий и до небес вознесли стоимость независимости и одиночества; вынужденное затворничество наглядно продемонстрировало полную ненужность выходить на улицу — ничего волнующего, привлекательного, нового она уже не встретит вне стен своей квартиры. Ей вполне достаточно было портретов на стенах, плеток, извлекаемых из памяти, воображения, позволяющего пускать их в ход, и самых необходимых продуктов — лишь бы сердце билось, ноги ковыляли, лишь бы с голоду не умереть.

Продукты ей покупала женщина из квартиры ниже этажом. Скаредная до неприличия, патологически лживая, она обкрадывала старуху на сдаче и ценах — «медь», «серебро», засаленные рублевки, присвоенные обманом, ласкали ей руку. Хотя она не считала, что — обманом. По ее мнению, это была плата за милосердие и участие: надо же кому-то поддержать немощного человека, но кто согласится делать это «за так»? Эта же дама, больше напоминающая нищенку своими разношенными ботиками и древним плащом-пыльником, вносила и плату за квартиру, электричество, газ, телефон...

Старуха знала, что ее обманывают, но относилась к этому спокойно. Она не стала бы возмущаться, если бы доля уворованного была и значительно большей. Она все равно оставалась в выигрыше — отпадала необходимость выходить из дома. Она добровольно заперлась в своем малогабаритном узиле, сведя к минимуму контакты с окружающим миром — радио, телевизора у нее не было, газет или журналов она не выписывала. Телефон в конце концов отключила — зачем попусту деньги переводить? Ее устраивало такое положение вещей. И не темницей была ее квартира, а убежищем!

Она не высказывала претензий к вороватой соседке: пенсии на расходы хватало — уж больно невелики были ее запросы. Правда, о резерве «про черный день» она все же позаботилась — вдруг случится что с ее «благотельницей»? Она продала семейную библиотеку — всю, до последней книги, — а на вырученные деньги купила гжель — тогда она стоила гроши, но чутье подсказывало старухе, что с годами стоимость ее возрастет многократно. Чем не страховка?

День, когда она ездила в магазин «Хрусталь-фарфор» на Краснопресненской, был последним днем, когда ее ноги ступали по асфальту улиц. Ее напугал шумный город; спешащие, толкающиеся пешеходы вызывали у нее чувство брезгливости; засилье автомобилей наполняло душу трепетом.

Отдышалась она только дома. Коробки с гжелью старуха распаковывать не стала.

Цельми днями она сидела у окна и смотрела на клен. И еще — кормила голубей. Это тоже была ее радость. Голуби слетались на белый от помета подоконник, фланировали по нему важно и чинно, склевывая крошки хлеба. Раздували горло, ворковали — будто разговаривали между собой и со старухой. Та умиленно улыбалась. В эти минуты она не вспоминала оставивших ее на произвол судьбы родственников.

...За стеной закричал ребенок. Пронзительно, требовательно. Голуби поднялись с подоконника, бестолково взмахивая крыльями, и метнулись прочь. Старуха сощурила глаза: «Опять? Наплодили выродков!»

Ребенок продолжал кричать. Вот, голоса: мать, отец

пытаются успокоить разошедшегося младенца. А он визжит, надрывается... Недоносок поганый!

Старуха тяжело поднялась по стулу. Два шага — и она в углу комнаты. Приложила ухо к стене. Вопли словно ворвались в голову, норовя разбить ее на кусочки, фоном к ним — уговоры родителей.

Она отшатнулась и чуть не упала, зацепившись за провод, торчащий из стены. Что это за провод, для чего он, старуха не знала. Когда-то — уж сколько лет прошло! — пришли ремонтники из жэка, провертели в стене дыру, проткнули провод из одной квартиры в другую, провели его по плинтусу к распределительному щитку, подсоединили и... ушли, ничего не объяснив. Да она и не ждала объяснений, ей было все равно.

Старуха, кряхтя, опустилась на колени. Диаметр дыра была много больше провода. С той стороны виделся свет.

Опираясь о стену, старуха выпрямилась. Подошла к окну. Голубей на подоконнике не было — да разве ж они выдержат такой крик? Клен уныло шелестел листвою.

Ребенок умолк. Но голуби не вернулись. Не прилетели они и на следующий день. Время от времени младенец снова начинал кричать.

Старуха душа злаба: ее предали! Птицы бессловесные — и те... «При чем тут птицы? — одернула она себя. — Люди!»

Вечером она принесла с кухни пустую коробку от геркулеса. Разорвала ее. Из широкой боковой картонки свернула трубку; чтобы та не раскрутилась, скрепила ее иголками с обоих концов. С удовлетворением осмотрела дело своих рук — очень даже аккуратно получилось!

Открыв окно, оторвала от фрамуги термометр — старинный, пузатый, не спиртовой, ртутный. Извлекла из медного футляра колбу. Из второй картонки сделала нечто вроде противня и разбила на нем колбу, воспользовавшись каблучком старой туфли.

Ртуть серебрилась и переливалась. В этом было что-то волшебное.

Она осторожно убрала осколки и прошествовала в угол комнаты. Трубку она вставила в дыру в стене. Наклонила картонку с ртутью — блестящие шарики скользнули в отверстие. Она встала на колени, пригнула голову к полу и дунула в трубку — для уверенности.

Осколки она выбросила в окно, картонки (иголки она вынула — пригодятся) разорвала на кусочки и спустила в унитаз.

Она была довольна. Она торжествовала. Ей хотелось как-то выразить свой восторг, увенчать его чем-то возвышенным. Ее глаза остановились на пианино. Она подтащила стул, села, подняла крышку, коснулась клавиш. Что лучше? «Прощание славянки»? Или из «Аиды»? Или марш тореадоров? Только не похоронный...

Старуха глубоко вздохнула и взяла аккорд, с силой бросив руки на бело-черную лестницу клавиатуры. Инструмент ответил какофонией ничем не связанных звуков. Она попробовала еще раз, еще и еще... Старуха испугалась: память, ее выхолощенная память отказывалась помогать и подчиняться ей! Она попыталась сыграть хоть что-то, и внезапно пальцы подсказали... «Собачий» вальс! Она растерялась, потом заиграла быстрее, быстрее, громче, уверенней. Она отмечала свою победу!

У нее зашлое сердце. Она оборвала незатейливую — ставшую вдруг торжествующей и грозной — мелодию. Подошла к окну. Распахнула его. Холодный воздух пьянил и давал силы.

— Гули, гули, гули, — позвала она и услышала радостное хлопанье крыльев. Два голубя опустились на подоконник.

Старуха с нежностью взглянула на них, потом повернулась и пробежалась глазами по портретам. Улыбнулась им.

И тут за стеной заплакал ребенок...

Под одной большой крышей Центрального дома художников, незаметно переходящего в новую Третьяковку, на рубеже 93—94-го годов разместились три выставки, о которых я считаю возможным говорить как о явлении единого художественного процесса. Дело тут не только в повторяющихся фамилиях авторов. Общим является пространство и время их искусства, а также общая для большинства внутренняя позиция жизнеустойчивости, противостоящего сознательному разрушению и стихийному распаду.

Первыми по времени в Третьяковке открылись «Шестидесятники в 90-е», затем поблизости от них расположилась экспозиция живописи Ирины Старженецкой и Анатолия Комелина, а еще немного позднее в многолюдном пространстве ЦДХ — «музейная» выставка «Глеяды», собранная искусствоведом Анной Суворовой (Дехтярь) по частному заказу.

Шестидесятники подобрались дружной компанией знаменитостей, впервые «прославленных» еще Никитой Сергеевичем Хрущевым, который, как известно, был большим специалистом не только в области сельского хозяйства. Искусство некогда гонимых представителей левого крыла МОСХа сегодня общепризнанно и стало музейным. Именно поэтому у большинства авторов ощутим пафос показать то, что они сделали не только позавчера, но и вчера, и, самое главное, сегодня. При этом совершенно очевидно, что никто из них не стремится, задрова штаны, бежать за тем, что сегодня считается модным и авангардным. Большинство шестидесятников верны своей, а не чужой молодости. На выставке стало особенно ясно, что их развитие шло органично и последовательно, несмотря ни на какие внешние воздействия и испытания. Под последними я имею в виду не только первоначальный «кнут», но и последующий град «пряников».

Конкретный персональный разговор начну с самого непоследовательного для меня автора — Иллариона Голицына, который не только сегодня, но уже и вчера не захо-

Вильям МЕЙЛАНД

ГОСПОДА МОГИКАНЕ

«Шестидесятники»
и «семидесятники»
в девяностые

Анатолий Комелин. «Птица», 1990 г.

тел длить изысканный ряд своей серебряной графики и обратился к живописи и даже скульптуре. Не берусь выносить окончательный приговор, насколько он преуспел в том и другом. Замечу только, что и в живописи он в последние годы был непостоянен, переходя от первоначальной ностальгической лирики и мягкости к бурной экспрессии (например, триптих «Черный квадрат» 1991—1993 годов). Поэтические в своей основе порывы Голицына вызывают симпатию. Всерьез смущает только перечислительная, прозаическая интонация его многолюдных генеалогических картин-портретов. В принципе, Голицын больше всего похож на себя не там, где он подробен или громогласен, а там, где тих, где его кисть не вырисовывает утонченные лики и фигурки благородных предков, а занята одухотворенной жизнью цвета и света, то есть не патетикой, а пластикой.

Значительные перемены по сравнению с «суровыми» временами произошли и в творчестве Павла Никонова. Нельзя сказать, что его живопись по-прежнему и превратилась в сплошную романтическую грезу, в эдакое аморфное московское живописание, «просто приятное» или «приятное во всех отношениях». Внутреннее напряжение и резкость в холстах Никонова сохранились, но его большие и малые картины и этюды стали цветнее, воздушнее, лиричнее или, если угодно, скрипичнее по сравнению с трубными звуками ранней поры «бури и натиска». Никонов не настаивает на публицистических гражданских страстях, но в его холстах боль за Россию и восхищение ее красотой. Это громко звучит, но это главное, что нужно сказать сегодня о художнике. Изображая в последние годы внешне тихие деревенские мотивы, Никонов выстрадал право на проповедь, и она, как подземный гул, ощутима в его холстах.

Зато почти неизменен в своем светотеневом монументальном восприятии пространства Андрей Васнецов. Я даже не знаю, аскетизм это или, наоборот, гедонизм — мощные темные массы цвета и богатейшие тоновые градации. Вообще

изображено явно «весомое, грубое, зримое», но, как это ни странно, не физическое, какой-то средневековый мир больших величин. Я не знаю, существует ли из этого мира выход или существует только авторский вход в него, и вообще, интересно ли Васнецову жить в нашем пестром языческом времени. Меня его минорные холсты каждый раз отрезают, как мерный колокольный звон, напоминающий о существовании иной веры.

Николай Андронов делает свои крепкие мужские холсты из отборного российского материала, которого не коснулась гниль времени. Увалы земли, избы, колокольни, небеса и воды, лошади и собаки, створ деревенского окна, таинственные сумерки или иной живой свет — утренний или вечерний... То есть все то, что было и будет. Самая большая вольность, которую Андронов себе постоянно позволяет, — это изобразить иногда самого себя, преходящего, порой даже в виде тени или силуэта на фоне российской вечности. В последних вещах Андронов укрупняет и уплощает мазок, этот модуль живописного построения, стремясь придать своим произведениям еще большую монументальность и крепость. В его хорошо сколоченных композициях последних лет («Ненастье», «Книги», «Игроки») есть внутренняя переключка с ранними работами рубежа 50—60-х годов. Но если в тех давних вещах шел энергичный поиск путей и традиций, то сегодня этот художник больше напоминает спокойного философа, констатирующего обретение искомым ценностей.

Соседствующие экспозиции скульпторов Андрея Красулина и Дмитрия Шаховского хочется рассматривать не только вместе, но еще и присоединив к ним работы представителя более молодого поколения — Анатолия Комелина, чьи монументальные и станковые вещи находятся в активном поле живописи Ирины Старженецкой.

Родство душ скульпторов не вызывает сомнений, хотя у каждого из них есть произведения, которые не поддаются бронуову процессу взаимо-

проникновения.

Шаховскому, как, например, и Голицыну, свойственна свободная живая пестрота, возникающая из-за одновременности созданных вещей и множественности материалов, от дерева и камня до бронзы и даже металлических «находок» на шоссе. Единственное, что меня не то чтобы раздражает, но обескураживает в его экспозиции, так это черная, обугленная композиция «О, русская земля!», имеющая подзаголовок «Память погибшей деревни». Мне кажется, что в данном случае произошел какой-то выброс не самой лучшей энергии «шестидесятничества», что из такого материала вообще почти невозможно что-либо сделать, тем более нечто трагическое, так как трагедия уже состоялась, дерево сгорело и любые дальнейшие действия с ним — перебор.

Тем не менее перед нами художник тончайшей пластической организации. Шаховской не случайно озабочен этической проблемой веры «в то, что этот предмет... не будет лишним в мире...», а также тем, что он называет «побудительной причиной к работе», имея в виду «свидетельство» о красоте, мощи или глубине, скрытых от других и зримых ему, художнику. Фаворский когда-то сказал, что нужно делать так, чтобы было не хуже пустого места. В этом смысле Шаховской выполняется парадоксальное по своей сложности требование великого мастера.

Перенасыщенная скульптурно-графическая экспозиция Красулина могла бы показаться дремучим лесом форм и красок, если бы не стройная внутренняя организация этого художника, которого можно судить только по тем законам, которые он над собой признает. Его темные бронзовые монолитные рельефы прежних лет и светлые красочные составные композиции последних — это гимны архитектонике духа и здоровой сути ремесла. Для меня кажется неслучайной внутренняя переключка поисков Красулина и такого будетлянина и жизнестроителя 20-х годов, как Михаил Матюшин.

Но что особенно радостно

мне как современнику, так это то, что у Красулина и Шаховского есть наследник в лице Анатолия Комелина. Поистине: «Учитель, воспитай ученика, чтоб было у кого потом учиться».

Кому-то может показаться, что Комелин грубее и проще своих рафинированных предшественников. Я же думаю, что он столь органичен и естествен, что не нуждается ни в чем снисхождении. Великолепны комелинские «замки» с секретом живого сочетания дерева и железа, и все прочие его доски, щепки, чурки и камни, неразрывно сцепленные с российским пространством, в котором живет этот удивительный художник.

Иконные и природные живописные ипостаси Старженецкой находятся, на мой взгляд, в более сложной зависимости друг от друга по сравнению с естественными комелинскими переходами от одного материала к другому. Многолетняя работа не столько по воссозданию, сколько по созданию интерьера, и в частности иконостаса церкви Воскресения Христова в Тарусе, оказалась для Старженецкой мощным стимулом для осмысления великой иконописной традиции. Поэтому меня лишь отчасти тревожит экспозиционный перебор ее вольных живописных интерпретаций канонических образов. Никуда она от тарусской и прочей природы не уйдет, поскольку российское пространство едино для всех, кто умеет слушать его музыку. А стало быть, экспрессивные аккорды красного и зеленого, голубого и охристого будут полноценно звучать на всех холстах Ирины без аптёчного подразделения их на виды и жанры, иконные интерпретации и непосредственные природные впечатления.

В заключение хочу сказать об одном заграничном казусе, который можно было наблюдать в Кельне на большой ретроспективной выставке из собрания Петера Людвиг, носившей название «От Малевича до Кабакова». Я ее называю по-другому: «От Малевича до Кабакова — один

шаг», хотя Кабаков и окружающий его «ликующий андерграунд» — это не то, что можно сегодня определить как «смешное». В промежутке ОТ строителей утопических башен и в башнях же высиженных великих теорий и ДО тех, кто склонен сегодня не столько строить, сколько разрушать и развенчивать, оказался лишь один наш шестидесятник-могиканин — Николай Иванович Андронов, красно-речиво представленный «Автопортретом в гробу» и небольшим пейзажем. Таким образом роскошная экспозиция подлинного русского авангарда оказалась искусственно сближенной с «могучей кучкой» наших вчерашних соц-артистов и сегодняшних концептуалистов. Я думаю, что это не столько случайная, сколько опять же концептуальная ошибка людей, пожелавших заниматься созерцанием близких им плюсов искусства, а не его реальным и потому сложным историческим процессом.

В Нью-Йорке в конце 93-го года прошла выставка, где помимо всего прочего в изобилии был показан социалистический реализм сталинских и послесталинских лет. В недавнем обзоре культурной жизни США корреспондент радиостанции «Свобода» с гордостью в голосе сказал, что у многих американцев открылись глаза. Для них именно соцреалисты заполнили паузу между великим русским авангардом и нынешними галерейно-парниковыми «кабачками». Так что господ могикан как бы не существует для западного мира. Они все еще «вещь в себе» и «для нас», с чем я их и себя поздравляю.

Спасибо им за то, что в самые глухие времена (которые были) и в самые гнилые и смутные (которые есть и неизвестно, сколько еще будут длиться) не утратили веры в себя и свое дело и утверждают каждый своим произведением высокую пластику и достоинство искусства.

Павел НИКОНОВ
Полдень (фрагмент). 1985

Николай АНДРОНОВ
Окно. Весна. 1992

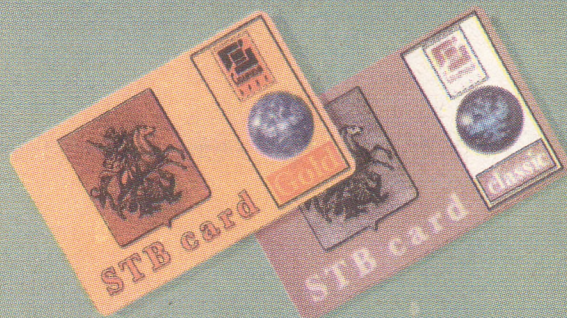

Ирина СТАРЖЕНЕЦКАЯ. Путешествие волхвов. 1993

Наличные деньги могут остаться лишь на полотнах старых мастеров да в нашей памяти

Ведь теперь у нас есть банковские карточки STB-card

Адрес: Москва, 113095, ул. Пятницкая, 72.
Телефоны: (095) 236-81-80, 236-80-57. Факс: 236-83-20.
Телекс: 411913 SBANK SU. Телетайп: 114250 СМОЛЯК